

Виктор Омельченко

Я — инженер,
математик,
радиофизик

Виктор Омельченко

Я — инженер, математик,
радиофизик

Виктор Александрович Омельченко

Виктор Омельченко

Я — інженер, математик,
радіофізик

РАРИТЕТИ
УКРАЇНИ

Харьков — 2014

УДК 940.5(477.54)(092)
ББК 63.3(4 УКР-4ХАР-2ХА)

О 57 **Виктор Омельченко. Я – инженер, математик, радиофизик** [текст] / Виктор Александрович Омельченко. – Х.: «Раритеты Украины», 2014 – 368 с., илл., докум. – (Структуры повседневности)

Рецензент:

Мазманишвили А. С.,

доктор физико-математических наук, профессор

Автор – преподаватель и научный работник вузов, проработавший в системе образования четыре десятилетия. Описывается учебная, научная, научно-организационная работа – участие в организации и руководстве научных конференций и специализированных советов по защите диссертаций; обсуждаются суть и особенности написания и защиты диссертаций в рамках партийно-административной системы, написания и опубликования полутора десятка книг; рассматриваются особенности творческого процесса при измененном состоянии сознания; показаны основные хобби автора и формирование личности, начиная с детского возраста. Приведены документы, подтверждающие квалификацию и признание автора. Рассчитана на специалистов в области радиотехники, радиофизики, телекоммуникаций; может быть полезна широкому кругу специалистов, интересующихся наукой и системой образования в историческом плане.

ISBN 978-966-2408-51-5
ISBN 978-966-2408-04-1
(Структуры повседневности)

© Омельченко
Виктор Александрович,
текст, фотоматериалы,
концепция издания, 2014 г.

Содержание

Предисловие	7
Раздел 1. Детство, юность, институтские годы	11
1.1 Детство (1938 – 1946 гг.)	13
1.2. Школьные годы (1946 – 1956 гг.).....	16
1.3. Институтские годы (1956 – 1961 гг.)	22
Раздел 2. Первые десять лет работы в институте (1961 – 1971 гг.)	31
2.1. Начало преподавательской карьеры	33
2.2. Комсомольская работа	39
2.3. Научная работа	41
2.4. Спортивная жизнь в 60-е годы и позже	53
Раздел 3. Второе десятилетие работы в институте (1971 – 1981 гг.)	57
3.1. Учебная работа	60
3.2. Научная работа	68
3.3. Общественная работа и общественные отношения	75
3.4. Политические и научные аспекты в продвижении докторской диссертации к защите	82
Раздел 4. Третье десятилетие работы в институте (1981 – 1991 гг.)	95
4.1. Учебная работа	95
4.2. Научная и научно-организационная работа	99
4.3. Этапы защиты докторской диссертации	119
4.4. Работа в докторском ранге	129

Раздел 5. Четвертое десятилетие работы в институте — работа в докторско-профессорском ранге (1991 — 2001 гг.)	137
5.1. Работа над книгами	138
5.2. Научно-организационная и другие организационные работы	159
5.3. Учебная работа	180
5.4. Творчество и измененное состояние сознания.....	191
Раздел 6. Дипломы, аттестаты, почетные звания, публикации в биографических изданиях, награды	221
Послесловие. Десять лет спустя	271
Фотоальбом. 1940-е — 2000-е гг.	275
Післямова наукового редактора серії «Структури повсякденності» Загальне в особистому	353
Именной указатель	361

Предисловие

Сорок лет в системе образования — это не просто какие-то сорок лет. Это часть ушедшей эпохи — ее уже нет и больше никогда не будет. С другой стороны — это особенности работы и деятельности беспартийного в рамках партийно-административной системы. «Система», как известно, либо формирует людей под себя, либо отбрасывает их. Ниже рассказ о том, как удавалось оставаться собой, продолжая действовать в рамках «Системы». Автор был рожден рассказчиком; часто такие люди становятся писателями. Автор четыре десятилетия «рассказывал» и немало писал, хотя и в профессиональной области.

В системе образования квалификация формально определяется научными степенями и учеными званиями. «Система» определяла средние сроки получения научных степеней. Так, ВАК СССР (Высшая Аттестационная Комиссия) в Москве публиковала данные о сроках защит кандидатских и докторских диссертаций: кандидатская диссертация защищалась в среднем через семь лет после окончания вуза, а докторская диссертация — через восемнадцать лет после защиты кандидатской диссертации. Далее предоставлялась

возможность восемнадцать лет (до 65-ти летнего возраста) занимать административные посты, работая в докторском ранге. Административные посты высшей школы – это номенклатура Коммунистической партии СССР. Как стало известно после 1991 года, ректор вуза являлся номенклатурой обкома партии, а заведующий кафедрой принадлежал к номенклатуре райкома партии.

Автор, в основном, вкладывался в эти сроки, хотя для подготовки кандидатской диссертации использовал лишь трехмесячный творческий отпуск, а для подготовки докторской диссертации – шестимесячный отпуск. В отличие от обычного, автор имел два высших образования – инженерное (радиотехническое) и математическое. Соответственно, он кандидат технических наук в области теоретических основ радиотехники и доктор физико-математических наук в области радиофизики. Он – автор пятнадцати книг: монографий, учебных пособий, задачника, сборников научных трудов по его научному направлению (составленных и отредактированных автором) и главное – фундаментального учебника по теории связи в трех томах (первого за полсотни лет учебника на радиотехнических факультетах Харьковского политехнического института и Харьковского института радиоэлектроники). Поработать же восемнадцать лет в докторском ранге, не занимая административных постов, не пришлось – раньше этого срока ушел на, так называемую, «научную пенсию».

Автор решил отразить реальные отношения в науке и системе образования в советское время.

Достаточно сказать, что в советское время не существовало авторского права — все научные и учебные результаты принадлежали институту, а внутри института все, что производилось на кафедре, по сути, должно было выходить под именем представителя номенклатуры — заведующего кафедрой. А чтобы представить себе армию подобных чиновников в вузах, следует например, вспомнить, что еще недавно в Украине существовало около 1000 высших учебных заведений, в то время как в развитых странах на всю страну приходится 40-50 или 50-60 высших учебных заведений. Число студентов в вузах тоже существенно отличается — ведущие вузы имеют там по 100 тысяч студентов. Такая численность студентов отмечалась, например, в Болонском университете (1000 лет со дня образования которого недавно праздновалось), в Политехническом институте вблизи Парижа, Политехническом институте в Мехико (Мексика). У нас, в Украине, только один Киевский национальный университет им. Т. Г. Шевченко приближается к этому уровню — в нем учится 52 тыс. студентов. Основная же масса вузов — это маленькие вузики с небольшой численностью студентов. А о качестве подготовки студентов можно судить хотя бы по тому, что в число лучших 50-ти вузов Европы, как недавно отмечалось, входил только Львовский национальный университет.

Автор реализовал себя как «рассказчик» и «писатель», хотя и пришлось окончить два ВУЗ'а и постоянно преодолевать жесткое противодействие «Системы».

Раздел 1

Детство, юность, институтские годы

Формирование личности человека определяется двумя факторами — наследственностью и воспитанием. При этом очень существенно, в каких условиях жил и воспитывался ребенок в дошкольном возрасте, т.к. по мнению психологов 80% всей информации, которую человек может воспринять за всю жизнь, он получает в возрасте до 5-6 лет.

Я, Виктор Александрович Омельченко, принадлежу к роду энергичных, предприимчивых и успешных людей. При анализе родословной удалось объективно дойти до прадедов по материнской линии и до деда — по отцовской.

Один из моих прадедов — отец бабушки, Лаврентий Прищепа, был кременчугским мещанином, который 25 лет отслужил в царской армии, женился, занялся сплавом леса по Днепру (через днепровские пороги), стал отцом 12 детей, младшей среди которых была моя бабушка. Он был, по семейным «переказам» — «козацького роду». Лаврентий Прищепа от 43-х летнего солдата поднялся до уровня купца 1-й гильдии, занимал административные посты в г. Александровск (теперь Запорожье). Второй прадед — отец дедуш-

ки, Никифор Бендюков, был родом из-под Харькова. Занимался торговлей, разбогател и построил в Харькове двухэтажный дом. В нем и сейчас проживает 6-е и 7-е поколение рода. Кстати, этот дом в харьковской передаче «Первая столица» был ошибочно показан как дом купца 1-й гильдии Гольберга (чье имя сейчас носит Трёхсвятительская или «Гольберговская» церковь).

По отцовской линии известен лишь дедушка — Иван Омельченко, живший в Луганске. Он был рабочим. Отец с 12 лет остался без родителей и, как тогда говорили, «воспитан советской властью». Сестра отца, Васса Александрова, старшая почти на 20 лет, оказалась в окружении Клементя Ворошилова и позже в Москве ее сын Григорий Александров (который приходится мне двоюродным братом) имел неограниченные возможности. Так, он в возрасте 26 лет был назначен начальником стройки союзного значения (в Таджикистане). Григорий Александров пригласил моего 28-ми летнего отца Александра Омельченко в заместители по механизации. Вот такие молодые люди руководили огромной массой людей (в 5-6 тысяч человек) и выполнили порученную работу. Мой отец тогда окончил лишь третий курс института и так и остался с незаконченным высшим образованием. Он сорок лет проработал в организациях и на стройках, как специалист по механизмам, и закончил трудовую деятельность в должности главного механика заводууправления ЖБК, к которому относилось 5-6 заводов железобетонных конструкций на Харьковщине.

Мать, Людмила Ивановна Бендюкова (Омельченко), закончила технологический техникум и большую часть жизни проработала техником-технологом.

Естественно, я считал, что надо стать инженером, пошел сдавать документы в Харьковский политехнический институт, где начинал учиться и отец, но, по случайному стечению обстоятельств, сдал документы на радиотехнический факультет.

Ниже, как раз, рассказ о том, что из этого вышло.

1.1. Детство (1938 – 1946 гг.)

В ранние годы, во время войны в оккупированном Харькове и позже, я не помню, чтобы мать занималась детьми — мной и старшей сестрой; она всегда была вне дома — добывала провизию для семьи во время войны или была на работе в послевоенные годы. Меня любила бабушка Поля (Пелагея Лаврентьевна Прищепа (Бендюкова) и тетя Варя (Тираспольская) — тоже представительница рода Лаврентия Прищепы. Надо отметить, что потомки этого рода ныне проживают в разных странах на постсоветском пространстве и в дальнем зарубежье.

Бабушка Поля рассказывала истории из своей юности — в духе «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н. Гоголя — и читала первые книжки. Это были яркие потрясающие картины. У меня от природы особый вид памяти — все, что я слышал или читал, я представлял в виде картин, причем они двигались (эйдетическая память). Поз-

же, когда я что-либо рассказывал, перед глазами проплывали картины и мне оставалось лишь передать их словами.

Все, что рассказывала бабушка Поля, для меня было реальным, в том числе и Бог. Бабушка учила молитвам, водила в церковь, а дедушка Ваня (Иван Никифорович Бендюков), хотя и был безразличным к вопросам религии, знал Библию и по толстой книге иллюстраций к ней рассказывал библейские истории.

Вера в Бога закончилась лет в шесть. В конце Великого поста перед Пасхой (а бабушка Поля была очень религиозной и строго соблюдала все церковные праздники) наступил день, когда можно уже «разговориться» и бабушка напекла всякой вкуснятины, строго-настрога наказав, чтобы ничего не трогали. «Если что возьмете, Бог накажет — разверзнутся небеса и Бог покарает вас громом и молнией небесными», — говорила она. Мы с приятелем не удержались — украли по пирожку. Со страхом до вечера ждал, когда же Бог нас покарает. Но наступил вечер, а мы остались ненаказанными. И уже на следующий день Бог перестал для меня существовать. Невозможно было заставить меня читать молитвы, а тем более ходить с бабушкой Полей в церковь. Я бегал, играл с мальчишками во дворе и на ближайших улицах.

Самое яркое впечатление в военные и первые послевоенные годы — голод. Всегда хотелось есть. Еще ничего, когда бегали, играли с мальчишками, но когда садились кушать, разгорался такой аппетит, что могли бы съесть в несколько раз больше по сравнению с выделяемой порцией.

Меня пытались определить в детский садик, но, посетив его несколько раз, я почему-то не захотел туда ходить. Чтобы не мотался с пацанами без дела, меня пристроили к дедушке Ване — вместе пасти корову. Этим я и занимался ряд лет. Когда появились в семье (мать, отец, дети) две свои козы, я стал их пастухом. Сначала ходил вместе с дедушкой Ваней, а позже и самостоятельно. Это продолжалось даже когда я уже учился в школе. Я с увлечением нарезал траву, приносил домой, сушил на крыше сарая и складывал сено на чердаке для прокорма коровы и коз в зимний период.

Ляля Щепетова, моя племянница по линии рода Прищепы, которая была старше меня на 15 лет, привила мне интерес к книгам. Книга всегда была со мной. Когда где-нибудь на пустыре паслись козы, я погружался в волшебный мир книги и окружающее переставало для меня существовать. Не раз другие люди, которые пасли своих коров и коз, окликали меня, говорили, что моя коза куда-нибудь залезла и не может освободиться или запуталась в проволоке. (Долгие годы после войны везде оставались развалины от разбомбленных или поврежденных домов). Не раз я, зачитавшись, забывал о времени и, придя в себя, видел, что коз нет. Козы знали дорогу домой и, когда приходило время, сами возвращались. И вот однажды, когда я уже учился в школе, я остался без коз, возвратился домой и увидел, что там только одна, старая коза. Кто-то приглядел добычу и украл лучшую, молодую козу. Мы с мамой искали-искали, но, естественно, ничего не нашли.

Так мой «пастушеский» период в жизни закончился.

1.2. Школьные годы (1946 – 1956 гг.)

В восемь лет, в сентябре 1945 г., меня отвели в школу. Но оказалось, что мне еще нет восьми лет, будет через две недели, 15 сентября. «Сейчас не можем взять в школу, — сказали там, — мальчику нет еще восьми лет. Если хотите отдать сейчас, получите разрешение от районо». «Раз не взяли, — принял решение отец, — пусть еще годик погуляет. Жизнь большая, успеет и поучиться и поработать».

Когда в зрелом возрасте коллеги иногда спрашивали, куда, мол, делся год, я рассказывал эту историю. В ответ посмеивались: «Профессора не приняли в школу».

Еще в детстве бывали какие-то, скажем, «озарения». В дошкольном возрасте кто-то из ребят спросил, умею ли я считать. «Умею до 100», — ответил я. «А дальше просто, — посоветовал товарищ, — говори 100 и добавляй 1; затем 100 и добавляй 2 и т.д.». В голове что-то промелькнуло — я осознал как считать и мог далее считать до любого числа. Однако, такие моменты «озарения» остаются в памяти, как говорится, навсегда. Или еще пример. Из обычной школы меня через пару недель перевели в лучшую в городе — 95-ю среднюю школу, которая находилась в том же здании, где училась моя мама и где раньше была женская гимназия. Через какое-то время

меня вызвали к доске. Надо было читать какое-то стихотворение из А. С. Пушкина. Я бойко начал «читать», но где-то учительница остановила и заставила несколько раз перечитывать одно слово. Вот тут-то и выяснилось, что я не умею читать как следует. Только после третьего раза я сосредоточился и прочитал, как это слово было написано в действительности. Мне стало стыдно, что другие читают лучше меня, я сделал над собой какое-то усилие и после этого никаких проблем с чтением не было.

Я не осознавал, что такое оценки. В 1-й четверти были только пятерки (отлично); во 2-й — одна четверка (хорошо). Учительница на собрании раздает табеля: «У Вити Омельченко хуже, чем раньше — есть одна четвёрка». Я не понимал, о чем идет речь. Пытался заглянуть в табеля соучеников — у них тоже два столбика каких-то цифр.

В итоге, в 1-м классе все оценки, за исключением одной четверки, были отличными. Начальная школа была окончена, за исключением одной пятерки по арифметике, на четверки (хорошо).

В первых классах запомнились два обстоятельства. Первое — уверенность в себе. Когда в первые дни учебы мама хотела проверить задание по арифметике, я искренне удивился: «Зачем? Я все сделал правильно». Мама проверила и все оказалось правильным. С этих пор она относилась ко мне с доверием и моими школьными делами не интересовалась. По сути, мать была в школе раза два: один раз, когда привела в школу и второй — когда перед аттестатом зрелости в школе провели завершающее собрание родителей.

Второе обстоятельство. Я искренне считал, что стоит что-либо прочесть и все становится понятным. Поэтому, когда учительница просила помочь неуспевающему ученику, я внутренне возмущался: «Я сижу, делаю дома уроки, а этот ученик, в это время, гоняет по улицам. Зачем мне тратить на него время? Пусть сядет и все сделает, как я делаю». Иначе говоря, я считал, что все способно, как и я, с первого раза и понять, и запомнить все, что нам преподают.

У меня от природы был дар рассказчика, но в школе он не проявлялся. Я начал что-то придумывать и рассказывать бабушке Поле где-то в 5-6 лет. О чем говорил, неизвестно; помнятся лишь удивленные, даже изумленные глаза бабушки. Но вот уже лет в двенадцать я был достаточно начитан и в пионерском лагере в палаточном домике на 30-40 человек с первых же дней становился главным, а потом и единственным рассказчиком и в течение почти месяца каждый вечер до тех пор, пока все не заснут, рассказывал придуманные и прочитанные истории.

Обычно дело обстояло так.

Как только все после отбоя укладывались спать, кто-то говорил: «Ну, Витя, начинай». Я начинал рассказывать какую-нибудь историю. Через некоторое время спрашивал: «Спите?». Слышались голоса: «Продолжай». Так повторялось несколько раз. Однако, при очередном вопросе, наконец, только молчание. Я уже собирался сам спать, как звучит какой-то сонный голос: «Продолжай». Продолжаю — и в ответ на очередной вопрос через некоторое время общее молчание.

На следующий день все повторяется. «На чем вчера остановились?» — спрашиваю. Несколько голосов называют определенное место истории. Начинаю рассказывать, как звучат возмущенные голоса: «Вчера было не так». «Ну что ж, бóльшая часть этого не знает, а вы слушайте другое продолжение», — отвечал я.

Дар рассказчика в школьные годы сохранялся, однако сужалась сфера его применения. Со взрослением у ребят пропадало желание слушать длинные истории. Интерес представляли короткие смешные истории — анекдоты.

Как ни странно, на школьных уроках дар рассказчика не мог пригодиться при изучении заданного урока со страницы такой-то, строчки такой-то, до следующей страницы, строчки такой-то. При пересказе одной-полутора заданных страниц учебника выше четверки (хорошо) я практически не получал. Плохо обстояли дела с украинским языком и, особенно, с письмом. Даже в шестом классе в таблице в одной четверти была двойка (неудовлетворительно). Изучал правила, ходил на дополнительные занятия — толку мало. И вот однажды вдруг — «озарение». Я осознал, что в украинском языке пишется так же, как и произносится. На следующий день — диктант. Я внимательно прислушивался к произношению и писал так, как слышал. Результат — у меня единственная отличная оценка на весь класс.

Спорт — отдельный вопрос. В свое время поговорим об этом подробнее. Замечу здесь, что где-то с шестого класса мы с соучениками искали, чем бы спортивным нам заняться. Занялся с двумя со-

учениками классической борьбой. Год позанимались; все окрепли, особенно накачали шеи. Отец, когда узнал о таком спорте, запретил заниматься: «Спорт — это забава молодых, а молодость быстро проходит. Надо развивать мозг, а не бить по голове в боксе или падать на голову в борьбе».

Далее с товарищем из класса занялся гимнастикой и занимался по 9-й класс. Хотя гимнастика — это наиболее серьезное занятие в школе, я получил всего лишь третий юношеский разряд, а далее из-за 38, а не 39 года рождения, перевели в категорию «взрослых». Хотя то, что я делал, с лихвой хватало на 2-ой юношеский разряд, а на некоторых спортивных снарядах работал как перворазрядник, формально на соревнованиях я не выступал и даже 2-го разряда не получил. От гимнастики остались навыки делать стойки на руках, сальто, ходить на руках и т.д.

Прекратил заниматься гимнастикой по совету матери: «Позанимайся как следует в 10-м классе, получи медаль, иначе в институт можешь не поступить», — так она считала.

Поступать в институт в 50-е годы считалось престижным. Те, кто не поступали в институт или не поступили, а потом ушли работать на завод считались людьми «второго сорта», тупицами.

С 9-го класса состав школы изменился. До этого были чисто мужские и чисто женские школы. С 1954 г. школы стали смешанными. Две соседние школы — 48-я и 95-я — обменялись частью учеников 9-х классов. Часть наших мальчиков ушли в 48-ю школу, часть их девочек пришло в нашу школу.

Новые впечатления, первые влюбленности, первые (кроме сестры) друзья-девушки.

Совет матери оказался плодотворным. Я как следует позанимался в 9-м и 10-м классе и получил серебряную медаль. Подвели украинский язык и литература — в аттестате зрелости было две четверки (хорошо) по этим дисциплинам. Однако этого оказалось достаточно. Сдал два экзамена — математика письменно и математика устно — на отлично и поступил в институт — ХПИ, радиотехнический факультет.

Школьные занятия сопровождалась постоянной работой на Журавлевке — строительство дома, сад, огород. К 1956 г. был готов первый вариант дома. Все работы по дереву были на мне. Плотницкие инструменты стали «родными».

Хотя работы по строительству дома, копанию глубоких ям для посадки деревьев, занятию огородом, в целом, увлекали (я забывало времени), однако иногда они были в тягость — хотелось перевести их в разряд игры. Особенно неприятно бывало, когда я, одетый в рабочую одежду, в резиновых сапогах, с ведрами помидоров в руках, случайно встречал на ул. Сумской ребят и девушек из класса, в легких платьицах и рубашечках, в легких туфельках с сумочками в руках, было стыдно за свой внешний вид и хотелось бы другого образа жизни.

Школьные годы не забыты. Школьные друзья оставались рядом и в институтские годы — то ли учились в моем вузе на других факультетах, то ли — в других институтах, или встречались в студенческих спортивных лагерях. Кроме того, выпускники школы периодически встречались.

1.3. Институтские годы (1956 – 1961 гг.)

У нас было мало информации о вузах. Знали о ХПИ, где учился отец, да и мать работала в области техники. Был еще университет – ХГУ, но там готовили учителей, а быть таким, как наши школьные учителя, совсем не хотелось. Слышали еще о каких-то других институтах, но о них все как в тумане.

На какой факультет в ХПИ поступать? Родственница по линии рода Прищепы училась на турбиностроительном факультете – там (по ее словам) трудно и интересно. Туда и пошел сдавать документы, но его приемная комиссия уже не работала. Где еще приемная комиссия открыта? Это радиотехнический факультет. Там, по словам отца, изучают радиолокацию – тоже весьма интересно. Туда и пошел.

Так, по воле случая, я и попал на радиотехнический факультет ХПИ. Но знакомство с институтом началось со строительно-ремонтных работ. Нас, медалистов, как серебряных, так и золотых (которых тогда принимали в институт без экзаменов), после зачисления в институт сразу же направили на 10 дней (до начала занятий) работать в студенческом комплексе «Гигант» по расчистке развалин общежития «Красный корпус». Меня по внешнему виду (я был на полголовы – на голову выше других) назначили кем-то вроде «бригадира». Нужно было не только работать наравне с остальными, но и распределять ребят по разным участкам работы, оформлять ведомости на зарплату и др.

Не успели мы начать учиться, как нас на полтора месяца отправили на сельхоз работы в колхоз, на Херсонщину. Староста группы, так же как и я раньше, был назначен по формальным данным – парень, прошедший армейскую подготовку.

Когда началась учеба, пришло осознание в ряде областей. Во-первых, в студенческой среде оценивается не возраст, не внешний вид, а понимание изучаемого материала и знания.

Во-вторых, проявилось умение трудиться. Учеба в институте в корне отличалась от школьной. Если в школе по уроку задавали выучить несколько страниц, на лекцию в институте могло приходиться в учебнике достаточно много материала. Поэтому при школьном подходе, в принципе, не хватало времени все перечитать. Приспособиться к новым условиям было трудно, тем более, что никто из преподавателей не собирался нам в этом помогать. Вот тут и пригодилась привычка трудиться. «Липовые» золотые медалисты из малых городов, родители которых, занимавшие посты директоров или завучей школ, «нарисовали» своим детям золотые медали, но не приучили их трудиться, посыпались после первого же семестра. Многие из них понахватали двоек и сразу же были отчислены из института. Да и вообще, мало кто из медалистов остался отличником в институте. Я был одним из немногих исключений. Стал круглым отличником в первом семестре и далее это превратилось в традицию.

В-третьих. В школе я с ходу схватывал, понимал и запоминал, что нам рассказывали по разным

предметам. В институте же, как я понял, я не все схватывал, как говорится, «на лету». В период экзаменационной сессии мне нужно было спокойно и последовательно повторить весь предмет, чтобы все воспринять. Обычно студенты говорили: «Я этого не знаю, ведь я уже сдал экзамен». Я мог сказать наоборот: «Я этого не знаю — я еще не сдавал экзамен». Даже соученики посмеивались: «А, ты этого не знаешь — ты ведь еще не сдал экзамен». То, что я понимал и представлял в виде образов, запоминал, как говорится, на всю жизнь.

В-четвертых, я осознал, что на поверхностном уровне, когда речь шла о легких дисциплинах, о простых вопросах, я мало чем отличался от других студентов. По мере усложнения вопросов, у большинства выявлялся предел, глубже которого они уже не могли понять материал. Я же такого предела у себя не находил. Более того, я всегда хотел, чтобы на экзаменах попался билет потруднее, где я мог бы показать себя в полную силу. Со временем выработался принцип «чем сложнее — тем интереснее».

С физико-математическими дисциплинами, которые преподавались на высоком уровне (так, высшую математику читал единственный за все 5 лет обучения профессор — Я. Л. Геронимус), все было в полном порядке. Однако, когда пошли специальные предметы из области радиотехники, выяснилось, что такая высокая физико-математическая подготовка не нужна. Все объяснялось по сути «на пальцах». Нужна была инженерная интуиция для понимания сути вопросов, а ее у нас как раз и не было. Пришлось вместо «матема-

тического» осваивать «физическое» мышление. В этот переходный период я даже хотел бросить институт. Меня отговорили: «Хочешь изучать математику, заканчивай наш институт, а потом поступай в ХГУ и изучай математику». Приводили пример, как один из студентов, пять лет назад, как и я, был круглым отличником, а на 3-м курсе по такой же причине бросил институт и далее немало помыкался. Я остался. Но в этот переходный период я даже умудрился получить одну оценку «хорошо» и одну оценку «удовлетворительно» за весь период обучения. Из-за нее я не получил диплома с отличием, хотя многие из моих друзей, которые никогда или почти никогда не были отличниками, получили такие дипломы. (По правилам тех лет нужно было не иметь оценок «удовлетворительно», иметь не более 25% оценок «хорошо» и защитить дипломный проект на оценку «отлично»).

Парадоксально, но оценку «хорошо» мне поставил мой будущий заведующий кафедрой из воспитательных соображений — я пришел на экзамен в 14 часов, а не с утра. Эту же дисциплину — «Радиопередающие устройства» я преподавал на его кафедре 9 лет. Оценку «удовлетворительно» я умудрился получить на военной кафедре по радиолокационной станции П8, на которой позже я выполнил дипломный проект, создав, по сути, станцию иного назначения и изучив её, как говорится, до последнего винтика и до последнего сопротивления.

После защиты дипломного проекта и получения приглашения остаться работать на кафедре,

когда я попросил разрешения на передачу удовлетворительной оценки, Анатолий Иванович Игравков, мой будущий заведующий кафедрой, преподавал жизненный урок: «Я тебя беру на кафедру и так. Запомни, в жизни важны не столько дипломы и аттестаты, а знания и умения», — сказал он.

За годы обучения группа, да и весь курс, редела. На факультете был самый большой процент отчисленных по сравнению с другими факультетами. Одни уходили из института, другие приходили. Это были отчисленные по уважительным причинам, переведенные из других институтов, репрессированные и реабилитированные (были и такие!), бывшие студенты нашего факультета.

На радиотехническом факультете все были военнообязанными. Чтобы получить вместе с инженерным дипломом офицерское звание младшего лейтенанта, надо было пройти обучение на военной кафедре, а также отбыть некоторое время в лагерях и принять воинскую присягу. (Из нас готовили специалистов по радиолокационным станциям определенного профиля).

В лагерях была не только военная подготовка — была работа по установке палаток, проводились спортивные соревнования по волейболу, футболу, были часы отдыха.

Студенческие годы — самый счастливый период жизни. Молодость, здоровье, переполняющая нас энергия, отсутствие семейных и производственных забот позволяли делать жизнь насыщенной не только в плане учебы, но и в раз-

личных других направлениях. Были туристические походы, вылазки на природу, студенческие вечера отдыха и др. В отличие от других ребят, я продолжал много читать художественную литературу, а также с 1-го курса стал постоянным посетителем Харьковского театра оперы и балета, ходил в другие театры, нередко бывал в филармонии или консерватории.

В студенческие годы да и во время последующей работы в ХПИ мы регулярно отдыхали в спортивно-оздоровительном лагере «Политехник» около г. Чугуева, на речке Северский Донец.

Уже после 1-го курса были попытки совершать более серьезные туристические поездки, чем просто вокруг г. Харькова. Отдыхая в спортивном студенческом лагере в районе Евпатории, мы не усидели на одном месте на берегу Черного моря и решили на недельку отлучиться и посмотреть достопримечательности вокруг Ялты.

Молодость — пора любви, пора мечтаний. Влюбленность и любовь приходят и уходят. Порой влюбленные расстаются из-за пустякового недопонимания друг друга, порой любовь угасает.

Разное воспитание, разное понимание событий — отсюда недопонимание. Простая ссора влюбленных — и сказался мой характер, который проявился в «вере в Бога», — если разрыв, то окончательный и для меня бесповоротный. Бескомпромиссность молодости!

Строя отношения по книжным правилам, например, в рамках философии дружбы и любви Джека Лондона, даже при самых ярких чувствах и хороших отношениях, без всяких ссор и непри-

ятных происшествий, спустя некоторое время осознаешь, что любовь ушла и ничего не испытываешь к прежде любимой девушке. Случались и неразделенные чувства.

Повстречавшись с разными людьми, испытывав чувства любви и влюбленности, некоторые уже в студенческие годы устраивали свою жизнь.

В пятидесятые-шестидесятые годы молодые люди «встречались», т.е., в основном, ходили в кино, в театры, на танцы, вместе занимались. Лишь с начала 70-х годов сексуальная революция дошла до Советского Союза и в студенческой среде на первых курсах студенты, по сути, стали проходить физиологическую практику.

Под конец следует возвратиться к учебным делам. Старший преподаватель Евгений Алексеевич Скориков пригласил меня заняться научной студенческой работой. Со второго семестра 4-го курса я занялся проектом по построению на базе радиолокационной станции дальнего обнаружения П8 системы другого назначения — автомата для снятия диаграмм направленности антенн. Вместе с соучеником мы построили и запустили такую систему. Вот здесь и проявилась высокая работоспособность, знание теории и техники, а также способность к творчеству. Только позже мы поняли, что в обычных инженерных условиях такую работу могла выполнить группа работников за относительно длительное время.

Выполненная работа послужила основанием для заведующего этой кафедрой Анатолия Ивановича Игракова пригласить меня остаться работать на кафедре.

Выпускники радиотехнического факультета ХПИ 1961 г. периодически встречались. Для тех, кто приезжал, это была встреча с молодостью. Можно было услышать такой разговор. Обращается мужчина к взрослой даме. Та в ответ: «Обожди, я общаюсь с первой любовью. Это 1-й курс; ты же – аж 4-й курс». Студенты изменялись и дальше. Юноши стали солидными мужчинами, девушки – солидными дамами.

Раздел 2

Первые десять лет работы в институте (1961 – 1971 гг.)

Никогда раньше не думал о работе в институте. Считалось само собою разумеющимся, что, как и отец, буду инженером. Но с успехом, связанным с дипломным проектом, появилось желание работать в области науки.

Сначала я был оставлен на кафедре как инженер по научной теме. Работал с чужими схемами, принимал участие в работе группы из ИРЭ АН УССР (Институт радиофизики и электроники), занимающейся изучением особенностей распространения радиоволн. В командировке, на полигоне в районе г. Купянска, я отвечал за инженерную часть работы, работал с аэростатом, на котором радиотехническая аппаратура для исследования особенностей распространения радиоволн поднималась на большую высоту. Однажды в пасмурный день, когда коллеги в очередной раз хотели сообщить в Харьков, что погода плохая, и отдохнуть, я дал команду поднимать аэростат. Когда аэростат был на нужной высоте, сверкнула молния, единственная в Купянском районе. Аэростат, наполненный водородом, взорвался и остатки оборудования упали на землю.

Первыми на место аварии прибыла машина со спасателями из воинской части, но увидев, что пострадавших нет, удалилась. Мы нашли покорёженную радиоаппаратуру и остатки сгоревшего аэростата.

Так закончилась работа по эксплуатации чужих разработок. Официально претензий ко мне не было — несчастный случай. Однако в частных разговорах иногда говорили: «Омельченко спалил аэростат».

Далее заведующий кафедрой Анатолий Иванович Играков поручил мне изучить принцип работы устройства, неопisanного в отечественной литературе. У него был особый подход — нужно представить в уме исследуемый объект и путем логических умозаключений дойти до истины. Это, как сегодня говорят, — мысленный эксперимент. Когда наш диалог зашел в тупик — мы с Анатолием Ивановичем по-разному представляли путь дальнейшего углубления исследования — я изменил метод исследования. Все наши рассуждения я записал в виде последовательности математических соотношений. Мне не удобно сказать, что первый учитель в области научных исследований, Анатолий Иванович, их не понял; скажем, это был не его стиль. Анатолий Иванович заметил: «Пусть коллеги из ИРЭ ставят эксперимент — он покажет, кто прав».

Через несколько дней Анатолий Иванович торжественно заявил: «Витя, тебе лучше работать преподавателем, а не инженером. Но не надевай белых перчаток — работа там нелегкая».

В первый же год работы уже появилось острое желание стать преподавателем-ассистентом.

Мечта сбылась, и до последних дней работы я оставался преподавателем разных рангов.

2.1. Начало преподавательской карьеры

Одно дело сдать экзамен по некоторой дисциплине на «отлично», но совсем другое — обучать студентов этой дисциплине. На кафедре мне поручили вести лабораторные работы сразу по всем кафедральным дисциплинам:

- Радиопередающие устройства (как основной дисциплины);
- Электропитание;
- Антенно-фидерные устройства.

Позже по всем этим дисциплинам мне поручали вести также и курсовое проектирование.

Радиопередающие устройства стали основным курсом, с которым несколько поколений студентов отождествляли преподавателя Виктора Александровича Омельченко. Так, много лет спустя, в одном из байдарочных походов, в котором принимал участие мой друг Павел Юрьевич (Паша) Бажанов (старший сын маршала Ю. П. Бажанова), который в свое время побывал у меня студентом, на одной из стоянок мы встретились с соучеником Паши Бажанова. Паша представил меня: «Это профессор Омельченко, который когда-то преподавал у нас». Соученик, лысый, пузатый мужик с десятилетним внуком, удивленно посмотрел на меня (тогда еще достаточно подтянутого, спортивного) и сказал: «Тот, что преподавал передатчики? Так ведь он был молодой».

В глазах студента преподаватель всегда остается таким, каким был в годы молодости студента.

Преподаватели параллельно должны были заниматься и научной работой. Они считались соискателями научной степени кандидата наук и, как задел на будущее, преподаватели сдавали, так называемые, кандидатские экзамены:

– Философию (диалектический и исторический материализм);

– Иностранный (для нас – английский) язык.

Спецкурс сдавался, когда была готова кандидатская диссертация.

С точки зрения работы преподавателя это давало практическую возможность слушать другие курсы с аспирантами-очниками. Я слушал курсы по педагогике, о том, как строить лекции, как их читать. То есть я весьма серьезно относился к преподавательской работе – становился знающим, требовательным и отличался объективностью.

Со временем мне стали поручать руководить дипломными проектами студентов, выполнять обязанности ученого секретаря кафедры.

Анатолий Иванович, заведующий кафедрой, был талантливым человеком, блестящим рассказчиком, анекдотистом в нерабочей обстановке, но его погубил алкоголизм. Все знали о его слабости, но помалкивали – Анатолий Иванович был интеллектуальным центром на всех факультетских мероприятиях. Но однажды, на институтском партсобрании, когда в обычном для него нетрезвом виде (но в большей степени, чем всегда) Анатолий Иванович вышел на трибуну, опрокинул графин с водой и что-то там невнятно говорил,

*В. А. Омельченко перед защитой кандидатской диссертации
в возрасте до 30-ти лет*

представитель райкома партии спросил ректора института:

— Кто это?

— Мой заведующий кафедрой, — ответил ректор.

— До сих пор заведующий кафедрой? — отреагировал представитель райкома партии.

На следующий день был подписан приказ об отстранении завкафедрой А. И. Игракова от занимаемой должности и запрету заниматься преподавательской работой. Заведующим кафедрой был назначен научный сотрудник лаборатории Б. Л. Кашеева канд. техн. наук ст. науч. сотр. Б. Г. Бондарь.

К этому времени у меня уже была подготовлена кандидатская диссертация, и еще до защиты новый завкафедрой перевел меня в должность старшего преподавателя. Это делало преподавателя лектором — он получал возможность читать студентам лекции. Ряд лет я читал схемотехнические курсы «Радиопередающие устройства» и «Электропитание»; немного пришлось почитать необычный для схемотехников курс «Антенно-фидерные устройства».

После защиты кандидатской диссертации в 1969 году я подготовил спецкурс «Спектральный анализ сигналов» («Панорамные приемники и анализаторы спектра»). Если раньше нас учили и мы учили студентов на «схемотехническом языке», здесь был принципиально другой «язык» — «сигнальный язык».

К этому времени студенты были подготовлены к пониманию такого подхода — в конце ше-

стидесятых годов в программе обучения студентов–радистов появился курс «Радиотехнические цепи и сигналы» и мой спецкурс идеально совывался с этим курсом и продолжал его.

В шестидесятые годы ситуация со специалистами на факультете была такова: кандидат наук, доцент и заведующий кафедрой – все это обычно был один и тот же человек. Если же среди преподавателей появлялся еще один кандидат наук, на факультете либо разделяли какую-нибудь кафедру на две и предоставляли новому кандидату наук новую кафедру, либо же кандидат наук уходил в другую организацию заведовать кафедрой; это обычно был УЗПИ (Украинский заочный политехнический институт), а позже – ХИРЭ (Харьковский институт радиоэлектроники). То есть в те годы уровень кандидата наук на факультете был весьма высоким уровнем.

Существенно менялись и зарплаты:

- Ассистент сначала получал 105 руб., через 3 года – 120 руб., а через 5 лет работы – 140 руб.;
- Старший преподаватель – 180 руб.;
- Кандидат наук ст. преподаватель – 280 руб.;
- Кандидат наук доцент – 320 руб.

Инженер начинал получать зарплату обычно в 100 руб. и за всю жизнь мог подняться до 160-180 рублей.

В 1971 г. факультет был расформирован и переведен (преподаватели вместе со студентами) в Харьковский институт радиоэлектроники. Вместе с факультетом в ХИРЭ перешел и я в ранге канд. техн. наук ст. преподавателя.

2.2. Комсомольская работа

В первый год моей преподавательской работы (в 1962 году) руководство факультета «назначило» меня секретарем комсомольского бюро факультета. Организация была большая и насчитывала более тысячи человек студентов и сотрудников-комсомольцев. В таком масштабе в комсомоле я не работал. На 1-м курсе немного поработал в курсовом бюро, но истинный масштаб моей работы — комсорг группы. Здесь я работал с удовольствием — устраивал разные мероприятия типа походов в театры, дискуссии на разные темы. Об одной из дискуссий в группе, на которой присутствовал член комитета комсомола ХПИ, он вспоминал и десятки лет спустя.

Правильно говорили: «Комсомол — правая рука партии». Комсомольская организация работала под контролем партийной организации, а я, как секретарь КСМ бюро факультета, — под руководством секретаря партбюро факультета — тогда ст. преподавателя нашей кафедры Ю. И. Бутрима. Работа охватывала широкий круг вопросов: учебный процесс, воскресники, подготовка стенгазеты, подготовка вечеров отдыха и т.д., и даже сексуальную жизнь студентов.

Преподаватель всегда должен был выполнять работу агитатора группы (позже стали говорить — руководителя группы), в том числе, и в комсомольском направлении.

Как уже упоминалось, я был воспитан верующим человеком — до 6-летнего возраста верил в Бога; существенно, что значительную часть со-

знательной жизни я верил в коммунизм. Правда, как заметил один высокий сановник Церкви, что коммунизм — это небольшая ересь на фоне 2-х тысячелетней истории христианства. Так что я ушел недалеко.

Реальная жизнь опровергала нормы коммунизма. Особенно поражали отношения среди сотрудников факультета. Так, когда решался какой-нибудь экономический вопрос (например, распределение жилья), сотрудники поливали друг друга грязью, выпячивая свои достоинства. Казалось бы они разругались и поссорились на всю жизнь, однако уже на следующий день мило улыбались, раскланивались, пожимали друг другу руки.

На уровне комсомольских руководителей факультетов ХПИ комсомольские вожаки, не стесняясь, делились своими планами:

— программа-минимум — получить «красную книжицу», т.е. стать членом партии;

— программа-максимум — получить «красную книжицу» и квартиру.

Я еще долго верил в коммунизм, просто считал, что мне не повезло и я попал в среду карьеристов. Позже я даже приобрёл 39-томное издание трудов К. Маркса и Ф. Энгельса.

По этим причинам, с трудностями, я передал свой комсомольский пост на очередных перевыборах подходящему студенту, а сам отошел от такой комсомольской работы. Уход с такого уровня общественной работы привел к значительным потерям авторитета среди «номенклатуры» факультета.

2.3. Научная работа

Анатолий Иванович Игравков, который руководил моей инженерной работой в 1961 г., также продолжал руководить моей научной работой, когда я стал преподавателем в 1962 г.

На факультете появилась новая научная тема, связанная со спектральным анализом сигналов. Предлагалось сделать устройство — анализатор спектра с определёнными параметрами. Сотрудники факультета являлись грамотными схемотехниками; они увидели, что предлагаемые характеристики недостижимы. Все отказались. Анатолий Иванович предложил мне взяться за работу. У меня иной тип мышления — меня интересует принцип работы устройства; когда же это будет выяснено, можно рассмотреть, при каких условиях есть возможность реализации требуемых параметров. Я согласился заняться этой тематикой, и не напрасно. Глобально выбранное направление с его углублением и расширением, определило всю мою последующую научную жизнь — кандидатскую, потом докторскую диссертации и построение соответствующих теорий.

Принцип работы с научным руководителем остался таким же, как и в инженерный период. Анатолий Иванович предложил посмотреть две краткие статьи из американских журналов с пояснением «на пальцах» принципа работы устройств и с простенькими формулами, состоящими из нескольких символов. Далее путем рассуждений нужно было углубляться в суть процессов.

Помня по инженерному периоду работы, что писать математические соотношения — это не стиль работы Анатолия Ивановича, я решил обратиться к профессиональным математикам. Я запасся рекомендацией от руководства ХПИ позволить мне, в силу производственной необходимости, посещать занятия на вечернем отделении механико-математического факультета ХГУ — Харьковского государственного университета.

Так я стал студентом-слушателем на механико-математическом факультете по дисциплинам специальности «Математика». Там я как-то обратился с вопросом к академику Науму Ильичу Ахиезеру — классику, автору книги «Лекции по теории аппроксимации», имевшей отношение к моим исследованиям. Несмотря на то, что в области математики я был повыше своих коллег с радиофакультета, Н. И. Ахиезер заметил: «У Вас есть интуиция и воображение, но мы с Вами разговариваем как глухой со слепым. Подскажите мне, что мне нужно почитать, чтобы я Вас понял». И это говорил академик начинающему ассистенту! Такие, настоящие ученые, хоть изредка, но встречались на моем научном пути.

Для себя я осознал, что высшая математика в инженерном вузе и на математическом факультете — это, как говорят в Одессе, «две большие разницы».

Все же Наум Ильич порекомендовал мне две книги, одна из которых, «Методы теории целых функций в радиофизике, теории связи и оптике» Я. И. Хургина и В. П. Яковлева стала настольной книгой в моих исследованиях шестидесятых го-

дов. С автором же, Виталием Павловичем Яковлевым, позже я был близко знаком, часто встречался, приглашал в наш специализированный совет по защита диссертаций, на наши конференции. Он, кстати, помог победить проходимцев в науке, которые, по сути, пытались украсть мою докторскую диссертацию. Однако, об этом в своё время.

Все это был 1962 г. — работа начинающего преподавателя, работа секретарем комсомольского бюро факультета, научная работа и учеба на механико-математическом факультете в качестве студента-слушателя. Научная работа 1962-1963 гг. кончилась хорошим промежуточным научным отчетом теоретического характера, беседы с Анатолием Ивановичем стали беспредметными — он забывал, о чем шла речь в предыдущем разговоре, и приходилось все напоминать сначала. Я прямым текстом попросил дать мне грамотного инженера для реализации в «железе» теоретических положений.

Анатолий Иванович предложил взять в группу лучшего схемщика, В. А. Хорунжего, который как раз в тот период был не у дел. Позже к нам подключился еще один сотрудник — ассистент В. А. Письменецкий. Мы идеально дополняли друг друга и вскоре результаты работы превзошли все ожидания.

Я занимался теорией вопроса, В. А. Хорунжий начал реализовывать устройство, В. А. Письменецкий стал специалистом по нахождению нужной информации в литературе. Вскоре выяснилось, что лучшие результаты в Советском Союзе в этой области достигнуты в Москве, в МАИ, на

кафедре И. С. Гоноровского, автора первого в Союзе учебника для радистов «Радиотехнические цепи и сигналы».

Там, в Москве, мы познакомились с научным отчетом по теме, с диссертациями и другими работами, которые были в Московской государственной библиотеке. Побывали в других городах, где можно было получить информацию по теме.

К концу 3-х летней научной темы в моей первой научной группе была общая теория, охватывающая три направления решения поставленной задачи – получения спектра сигнала, а также устройство по одному из трех направлений с характеристиками, лучшими в Союзе.

Я не думал о диссертации. Мне было интересно получать научные результаты. Более того, поняв, что быть слушателем на механико-математическом факультете ХГУ бесперспективно, в 1963г. я поступил на вечернее отделение факультета на 2-й курс и далее с перерывом был «при университете» в течение 10 лет.

Однако, в шестидесятые годы, при завершении научной работы сотрудники моей группы действовали практично. Они толкали меня к написанию диссертации. Для этого в завершающем научно-техническом отчете они предложили вписать меня ответственным исполнителем, что юридически открывало возможность ссылаться на научные отчеты при написании диссертации.

Я взял 3-х месячный творческий отпуск для оформления диссертации (юридически я был соискателем научной степени кандидата наук), написал диссертацию и с готовой работой вышел

на первого в данной отрасли промышленности специалиста — полковника Евгения Осиповича Матевецкого (из г. Ленинграда).

Е. О. Матевецкий дал согласие быть моим научным руководителем по диссертации и был официально утвержден им в ХПИ.

Остановимся вкратце на сути научной тематики, которой мы посвятили шестидесятые годы.

Наиболее известной книгой по спектральному анализу сигналов в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов была монография академика А. А. Харкевича «Спектры и анализ». Задача спектрального анализа сигналов рассматривалась там параллельно на двух «языках»: понятном для радиотехников тех лет «схемотехническом языке» и новом в тот период времени «сигнальном языке». Исследовались 2 крайних случая: один фильтр («резонансный контур») перестраивался в нужном диапазоне частот и последовательно формировал соответствующие составляющие спектра сигнала. Это было просто, но при последовательном анализе происходила большая потеря информации о сигнале; или же нужный диапазон частот перекрывался большим количеством фильтров, которые без потерь информации измеряли сразу все спектральные составляющие в том диапазоне. Такой метод — параллельный спектральный анализ — приводил к сложным, а далее — нереализуемым анализаторам спектра.

Поэтому в шестидесятые годы большое внимание уделялось «квазипараллельному анализу», или спектральному анализу сигналов в реальном масштабе времени.

Здесь разрабатывалось три направления. Первое: анализируемый отрезок сигнала уско-рялся и многократно повторялся в рециркуля-торе. Это позволяло одним перестраивающим-ся фильтром проанализировать все требуемые спектральные составляющие сигнала. Второе: в рециркуляторе при каждом цикле частота ко-пии сигнала менялась и в итоге на выходе по-лучался спектр сигнала. Третье: применение дисперсионной линии задержки (системы с дисперсией фазовой скорости). На её выходе в интегральной форме определялся спектр (пре-образование Фурье) анализируемого отрезка сигнала.

На базе университетской математики я выяс-нил, что эти три направления определяются вы-бранными моделями сигналов. В одном случае модель сигналов — это класс функций, задан-ных на конечном интервале, здесь используется разложение сигнала в ряд Фурье; в другом слу-чае модель сигналов — это класс функций «с ко-нечным спектром», как говорили инженеры, но точнее — со спектром, заданным на конечном интервале частот, — здесь сам спектр разлагался в ряд Фурье; в третьем случае рассматриваются функции, для которых существует преобразова-ние Фурье; здесь в интегральной форме опреде-лялся спектр, как преобразование Фурье, анали-зируемого отрезка сигнала. Было отмечено, что рассматриваемые три направления — наиболее простые. Принципиально возможно множество других направлений, если анализируемый отре-зок сигнала разлагать в обобщенный ряд Фурье.

Наш заказчик из Ленинграда занимался контролем радиоизлучений средств связи. При отсутствии потери информации о сигнале, наблюдая глазом спектр сигнала, можно определить, появляется ли новая передача, а далее распознать (классифицировать) её. Пока же мы изучили, как получать спектр сигнала без потерь. Однако качественная постановка нашим заказчиком задачи обнаружения новых передач и их распознавания открывала направление дальнейших исследований, которым была посвящена моя докторская диссертация.

Кандидат наук в те годы, как уже отмечено, имел на факультете большой вес — это потенциальный доцент и заведующий кафедрой. Поэтому даже защита кандидатской диссертации становилась «политическим» событием. В последующие десятилетия подобное относилось лишь к докторским диссертациям. Даже говорили: «Кандидатская диссертация — это маленькая наука, а докторская диссертация — это большая политика».

Сначала сразу же сделали попытку рассорить наш научный коллектив — обратились ко мне с советом описать в диссертации все материалы коллектива (и теоретические, и экспериментальные), мол, надо, чтобы получилась «мощная» диссертация. Я четко отказался, заявив, что для диссертации вполне достаточно моих результатов. Тогда «политики» обратились к членам группы, предложив отодвинуть В. Омельченко в сторону и разделить между собой все результаты. И ребята согласились!

Было много разных попыток помешать оформлению диссертации, отодвинуть защиту диссертации и даже её сорвать. Например, уговаривали студентов – моих помощников – не делать фотографий для диссертации, посылали члена партбюро факультета к первому оппоненту с «информацией», что у меня, якобы, не полностью опубликованы научные результаты, отговорили второго оппонента – специалиста по вопросам диссертации, – который уже дал согласие на оппонирование, принимать участие в защите.

Все это впоследствии называлось «политическими играми» и, в основном, применялось при защите докторских диссертаций.

Однако, защита диссертации состоялась, прошла блестяще; диссертация в нормальный срок была в Москве утверждена ВАКом и я стал полноценным кандидатом технических наук.

Это была первая на радиотехническом факультете за 7 лет нашей работы в ХПИ защита кандидатской диссертации преподавателем. В нашу бытность студентами, когда мы были на 4-м курсе, диссертации защитили два преподавателя – больше защит не было.

Значительно позже, когда я работал ученым секретарем специализированного совета по защита диссертаций и досконально изучал все документы ВАКа, выяснилось, что средний по Советскому Союзу период между окончанием вуза и защитой кандидатской диссертации составлял именно 7 лет. Кстати, научный стаж, по которому начислялась научная пенсия, начинался именно с 30 лет (т.е. школа – $8+10=18$; институт – $18+5=23$;

диссертация — $23+7=30$). Интересно отметить, что средний период между защитой кандидатской и докторской диссертаций составлял 18 лет, т.е. в среднем докторами наук становились в 48 лет. На мой взгляд, это вполне логично. «Система» устанавливала «правила игры». «Молодым» — 48-летним докторам наук до прихода нового поколения докторов давалась возможность 18 лет заведовать кафедрами, занимать административные посты, создавать научные школы, разрабатывать новые научные направления и т.д. Ведь $48+18=66$, а в 65 лет заканчивался по закону срок, когда можно было занимать административные посты. В советское время такое требование, в целом, выполнялось.

Однако, об особенностях подготовки и защиты докторских диссертаций — позже, в свое время.

Остается неясным, как в партийно-административной системе беспартийному преподавателю, который почти демонстративно отошел от комсомольской работы, удалось защитить диссертацию.

Здесь проявилось мое стремление выходить на первых лиц в своей области. Так, когда нужна была математика, лучше институтской, я вышел на классика, академика Н. И. Ахиезера; в прикладной области — на известного специалиста в области контроля радиоизлучений средств связи — полковника Е. О. Матевичко, а на факультете — на единственного доктора технических наук — профессора Бориса Леонидовича Кашеева, который был моим первым оппонентом при защите диссертации.

Здесь уместно кратко возвратиться к вопросу об общественной работе. В свое время, я, по сути, отошел от значительной идеологической работы. Я говорю «значительной», потому что от некоторой доли такой работы преподавателю вуза нельзя было отказаться принципиально. Это, так называемая, работа со студентами, которая проводилась преподавателями — агитаторами (руководителями) студенческих групп; это написание по читаемым курсам (в рамках «учебного комплекса») документа под названием «Партийность и идейность курса». Как, например, звучит название методической разработки «Партийность и идейность курса «Дифференциальное и интегральное исчисление» или «Партийность и идейность курса «Теория передачи сигналов»? Идиотизм!

Я старался заниматься общественной работой с реальным физическим выходом. Вот здесь обстоятельства столкнули меня с профессором Б. Л. Кащеевым — блестящим руководителем, который как раз занимался конкретными делами с физическим выходом. Как началась такая работа? Ведь кафедры были разными, его кафедра «Теоретические основы радиотехники» и научная лаборатория не вписывались в тогдашнюю структуру факультета. Научных степеней и званий от преподавателей тогда не требовали и научную лабораторию профессора Б. Л. Кащеева рассматривали как ненужный научный придаток. Старшие преподаватели без степени («старперы» как их называли — понятно от какого словосочетания) даже на ученом совете факультета

предлагали: «Давайте закроем этот, лишний для факультета, научный придаток». В ответ кто-то «разумно» замечал: «Если закроем эту лабораторию, факультет потеряет площади. Так что пусть пока остаётся». Такие «старперы», которые преобладали в ученом совете факультета и своим большинством голосов могли провести любое решение, доводили на ученом совете единственного профессора факультета до сердечных приступов.

Как же началась работа под руководством Б. Л. Кащеева? Как говорится в драке: «Он первый начал». Когда две кафедры — «Радиоаппаратура» и «Радиоустройства» — приняли у меня кандидатский экзамен по курсу «Радиоприемные устройства» и намеревались на совместном заседании кафедр официально представить к защите, вмешался профессор Б. Л. Кащеев. Он заявил, что заседание неправомерно, т.к. на кафедрах нет докторов наук, что представлять к защите может только его кафедра «Теоретические основы радиотехники» (моя диссертация по практической направленности подходила специальности «Радиоприемные устройства», а по теоретическим результатам вполне соответствовала требованиям специальности «Теоретические основы радиотехники»).

Так что официально мое дело было передано на кафедру профессора Б. Л. Кащеева. Вот тут-то вмешался я и попросил Бориса Леонидовича быть первым оппонентом.

— На кой это мне? — в своей практической манере отреагировал профессор.

— Я отработаю, — заявил я.

И с тех пор я стал правой рукой во всех практических делах Б. Л. Кащеева. И это было не только до защиты диссертации, но и продолжалось два десятилетия.

Это были разные работы: организация студенческих конференций по студенческим научным работам; участие в организации научно-технических конференций преподавателей и сотрудников факультета; организация публикаций тезисов докладов таких конференций; участие в организации и проведении научных конференций республиканского и союзного уровня, которые иногда организовывал профессор Б. Л. Кащеев совместно с академическим институтом ИРЭ и т.д.

Особое место занимал выпуск научных трудов факультета — научно-технических сборников «Вестник ХПИ. Радиотехника».

Как ученому секретарю редколлегии, мне всё приходилось делать самостоятельно — с практической стороны. Обычно дело обстояло так. Когда надо было решить какую-нибудь проблему, я собирал требуемую информацию, Б. Л. Кащеев садился за телефон, принципиально решал её, а далее я доводил решение до практического уровня. Несколько выпущенных сборников «Вестник ХПИ. Радиотехника» и один межведомственный сборник «Радиотехника» (который выпускался в ХИРЭ) в конце 60-х годов были предметом моей особой гордости.

В такой обстановке приблизился 1971 г. В связи с существованием радиотехнического факультета в Харьковском институте радиоэлектроники Министерством высшего и среднего специаль-

ного образования УССР было принято решение перевести всех студентов и преподавателей радиотехнического факультета ХПИ в Харьковский институт радиоэлектроники.

Так закончился 5-летний этап студенчества в первой альма-матер и первый 10-летний этап работы в качестве инженера и преподавателя радиотехнического факультета ХПИ и я, как кандидат технических наук старший преподаватель, должен был определиться с профилем последующей работы.

2.4. Спортивная жизнь в 60-е годы и позже

После первого года моей работы на факультете, ассистент В. Дубов организовал вместе с другими руководителями секции подводного плавания ХПИ выезд группы студентов и сотрудников на Кавказское побережье Чёрного моря (на полуостров Большой Утриш). Зимой занимались плаванием в открытом бассейне (в маске с ластами), изучали акваланг, элементы теории. Летом же, взяв с собой компрессор для заправки аквалангов, отправились на море.

При учебном погружении с аквалангом применялась двойная страховка: один страхующий находился на поверхности воды (он связан с аквалангистом страхующим шнуром), а вторая группа страхующих — на берегу — наблюдала за процессом погружения.

Скоро закончился воздух в заправленных аквалангах, а привезённый компрессор оказался не-

исправным. Я попросил рассказать об устройстве компрессора и логическим путем определил, где должна находиться неисправность, и неисправность была найдена.

Быстро прошел сезон отдыха с «погружениями», охоты с аквалангом и подводным ружьем на лобанов — мелкий вид осетровых, с походами в ближайший (за перевалом в горах) колхоз за продуктами, виноградом и кавказским виноградным вином. Надо возвращаться в Харьков.

Спортивно-экскурсионные поездки продолжались и в следующем году. Это было путешествие на теплоходе «Алдан» от Ростова-на-Дону до Москвы и обратно: сначала по реке Дон, далее канал Волго-Дон, затем река Волга, и, наконец, река Москва — до города Москва.

Затем — все в обратном порядке. Останавливались на пути из Ростова-на-Дону в одних городах, а на обратном пути — в городах, которые проплывали ночью.

Собралась группа харьковчан — доцент из ХГУ, канд. техн. наук из ИРЭ и два ассистента кафедры РА радиофакультета ХПИ.

Доцент ХГУ оказалась опытным туристом. Она организовывала дополнительные экскурсии в то время, когда основная группа, в основном, разбегалась по магазинам.

В шестидесятые годы туристические походы продолжались в отпускной летний период; «вылазки» на природу были с майских до октябрьских праздников; начались серьезные байдарочные походы, а затем в конце шестидесятых — горный туризм и альпинизм. Были и лыжи, причём,

пару раз бывал зимой в альпинистских лагерях, где катался на горных лыжах.

В байдарочных походах группы бывали разными. В первый период наиболее часто в команде был коллега и друг Евгений Алексеевич Скориков; когда же он отошел от значительной спортивной нагрузки, в семидесятые — восьмидесятые годы, его заменил Павел Юрьевич Бажанов, а в последний период к нам часто присоединился Ярослав Петрович Драган.

В походах, на вылазках использовались навыки, полученные в гимнастике в школьные годы.

Целое лето занял байдарочный поход по Днестру (начало вблизи Львова) и отдых на Чёрном море, на «Золотых песках».

Невдалеке от «Золотых песков» неоднократно отдыхал в спортивно-оздоровительном лагере Одесского политехнического института.

Особое место с конца 60-х годов занимал альпинизм. Хотя позанимался, в общем, немного (формально получил лишь 3-й разряд), основная часть тренировки альпинистов — бег — осталась надолго. К бегу позже на некоторый период добавилось, так называемое, моржевание.

Альпинизм дает не так уж много знаний о горах. В альпинистском лагере сидят на одном месте и совершают радиальные походы к отдельным вершинам, на которые совершаются восхождения. Кавказ же, в целом, остается неизведанным. Другое дело — туристическая автобусная поездка. За полдня — за день можно объездить все хребты Кавказа, мимоходом побывать в различных альпинистских лагерях и получить пред-

ставление об особенностях быта, обычаях, верованиях местного населения. Такой была, например, туристическая поездка в северную Осетию в г. Орджоникидзе.

Были и другие туристические поездки. Так, в начале трёхмесячного творческого отпуска для написания кандидатской диссертации был десятидневный отпуск на черноморском побережье Кавказа.

Альпинизм и байдарка в 60-е годы повлияли на способ активного отдыха на долгие годы. После альпинизма остался бег (не совсем «трусцой») и до 50-ти летнего возраста бегал регулярно. 10 км (или 60 минут) – это была тоже рабочая дистанция. Байдарочные походы в последующие годы также были регулярны – каждый год в летний период устраивались походы на 2–3 недели. И это продолжалось до 60-ти летнего возраста.

С альпинистским коллективом не терял связь долгие годы. Иногда бегал с группой; не раз вместе с альпинистами разных лет встречали Новый год.

Раздел 3

Второе десятилетие работы в институте (1971 – 1981 гг.)

Преподаватели радиотехнического факультета ХПИ имели выбор – либо остаться в ХПИ на второстепенных ролях без своего факультета, либо перейти в ХИРЭ, возможно, с изменением профиля преподавания радиотехнических дисциплин.

К концу шестидесятых годов я уже разобрался в новом для того времени «сигнальном языке» в радиотехнике, увлекся областью случайных сигналов (процессов) и оптимальной обработки сигналов при наличии помех. Кроме того, моя бывшая кафедра, в том числе с бывшими членами моей научной группы, ради получения собственной кафедры решили переквалифицироваться в область микроэлектроники. Во главе с завкафедрой доцентом Б. Г. Бондарем они оказались на кафедре «Микроэлектроника» ХИРЭ.

Я «прозондировал почву» на кафедрах «Высшая математика» в ХПИ, «Прикладная математика» в ХИРЭ на предмет, не заняться ли математикой. Моя наука не вписывалась в их интересы. Поинтересовался кафедрой профессора С. Е. Фальковича в ХАИ (Харьковский авиационный институт). Там интенсивно развивалось направление оптимальной обработки сигналов.

Однако в ней и своих потенциальных докторантов хватало и я с моими научными амбициями (да и с математической подготовкой) был бы серьезным конкурентом и поэтому «не пришелся ко двору», но мы остались «друзьями». Был вариант заниматься в области радиотехники и перейти на одну из подходящих по моим интересам кафедр ХИРЭ. Я обратился к тогдашнему декану радиотехнического факультета доценту М. Ф. Лагутину. Его, как и многих других сотрудников ХИРЭ в области радиотехники, мы знали. Это были либо доценты ХПИ, которые перешли в ХИРЭ заведовать кафедрами, либо же выпускники радиотехнического факультета — чуть старше нас, либо нашего выпуска или даже более молодые.

Михаил Федорович Лагутин радушно меня принял, предлагал перейти на его кафедру «Радиопередающие устройства» и продолжить преподавание в таком же направлении, как и на моей кафедре в ХПИ. Более того, на его кафедре была научная группа, возглавляемая некоей доцентшей, которая, как и мы в ХПИ, занималась проблемами в области контроля радиоизлучений средств связи.

Меня не привлекал «разнобой» в учебной и научной работе, как было в ХПИ. Там я как преподаватель занимался радиопередающими устройствами, а как научный работник, по сути, занимался радиоприемными устройствами. М. Ф. Лагутин вник в мои интересы и предложил подходящий вариант — работать на кафедре под названием «Конструирование радиотехнических систем». Он представил меня завкафедрой

доценту Е. Г. Прошкину (которого я знал ранее как преподавателя одной из кафедр радиотехнического факультета ХПИ). Евгений Григорьевич Прошкин знал меня, много обо мне слышал, и с радостью согласился взять меня на кафедру в должности старшего преподавателя. Там уже было два преподавателя, которые в своё время учились со мной на одном потоке; двое закончили радиофак ХПИ на год раньше; один — даже мой бывший студент-ускоренник. Как говорится, «знакомые все лица».

Так я оказался в ХИРЭ на кафедре, на которой проработал десятилетие. Начал с должности старшего преподавателя, имея научную степень кандидата технических наук.

*Доц. Прошкин Евгений Григорьевич –
завкафедрой «Радиотехнические системы».
В последний период доктор наук профессор*

3.1. Учебная работа

Если в первое десятилетие моей работы на радиотехническом факультете ХПИ преподаватели моего поколения, в основном, учили студентов тому, что они сами, будучи студентами, изучали, то во втором десятилетии моей работы, дело обстояло совершенно иначе. На моей новой кафедре были новые дисциплины, введенные в учебный процесс на радиотехническом факультете в конце шестидесятых годов вместе с курсом «Радиотехнические цепи и сигналы» – «Радиотехнические системы» (радиолокация и радионавигация) и «Радиотехнические системы передачи информации». Тут были вопросы обнаружения сигналов на фоне помех, оптимальная оценка параметров сигналов и др., т.е. вопросы, о которых наше поколение в студенческие годы и не слышало. Естественно, в курсах математики в наше время не было ни одной лекции из области теории вероятностей, случайных процессов и математической статистики. Но именно это меня и интересовало!

В ХПИ, старинном вузе, серьезно относились к учебному процессу. При переходе из ХПИ в ХИРЭ на одном из официальных собраний, на котором руководство ХИРЭ «агитировало» сотрудников радиотехнического факультета ХПИ перейти в ХИРЭ, известный преподаватель радиофака в выступлении сказал: «Существуют не только научные школы. Существуют также школы преподавания. Вот такая школа и создана на радиофакультете ХПИ». В этом мы сразу убеди-

лись в ХИРЭ. Даже возникло разделение. Себя мы называли «политехниками» или «хапыёвцами», а их — «хиревцами». Преподаватели ХИРЭ, имевшие старую схемотехническую подготовку в радиотехнике, трактовали современные курсы по-старому в рамках своего понимания. Лабораторные работы по курсам сводили к демонстрации работы различных реальных устройств, а некоторые из преподавателей даже опускали в лекциях ряд тем, в которых, в силу недостаточной подготовленности, не могли разобраться. Иногда проводили лабораторные работы, «не включая макетов». Так по одной из дисциплин продолжалось аж 1,5 года. У нас, «хапыёвцев», даже возникло определение — «хиревский метод проведения лабораторных работ — проведение лабораторных работ, не включая макетов». Более того, мой бывший студент-ускоренник, здесь — старший преподаватель, «учил» меня, что именно так и следует у них проводить лабораторные работы.

Ни с кем не споря и ничего никому не говоря, я просто «засучил рукава» и подготовил лабораторию к работе — запустил лабораторные устройства. Далее, на имевшейся лабораторной базе, в полном объеме, как мы привыкли в ХПИ, проводил лабораторные работы. Когда же при сдаче лабораторных работ выяснилось, что студенты и не слышали об оптимальном приеме — обнаружении сигналов на фоне помех, оценки параметров сигналов при наличии помех и пр., здесь уже пришлось доложить завкафедрой, что соответствующий раздел официальной ми-

нистерской программы курса не представлен в лекциях. Заведующий кафедрой поручил мне дочитать студентам такой раздел курса.

Здесь, с самого начала, я не «пришёл к ко двору» группе преподавателей, которые не отличались грамотностью, не интересовались учебным процессом, а больше занимались административной или общественной работой — либо быть одним из замдекана (а здесь, в ХИРЭ, их было несколько) или же быть членом партбюро факультета. Образно говоря, они предпочитали «энергичный бег на месте», т.е. имитировать дурную деятельность. Можно сказать и так:

«Они командовали:

— Побежали!

— Куда? — спрашивали мы.

— Неважно. Главное — побежали».

Для начала по настоянию этой группы преподавателей меня «передвинули» с курса «Радиотехнические системы», в котором была задействована большая часть из этой группы, на курс «Радиотехнические системы передачи информации». Далее, когда я так же энергично и принципиально продолжил работать над новым курсом, сделали попытку убрать меня с дороги.

Дело в том, что объективно радиотехнический факультет ХИРЭ в начале семидесятых годов оказался в сложной ситуации. Из ХПИ перевели в ХИРЭ студентов от 2-го по 5-й курс вместе с преподавателями, но набор студентов на радиотехнический факультет ХИРЭ не был увеличен. Поэтому с каждым годом (при переходе студентов с курса на курс) число студентов из ХПИ стано-

вилось меньше и некоторые преподаватели оказывались без нагрузки и подлежали сокращению. Вот здесь преподаватели ХИРЭ и вступали в конкуренцию с преподавателями из ХПИ.

Подобрав момент, когда заведующий кафедрой отсутствовал и, как принято, поручил одному из этих «старых» преподавателей замещать его, они сфабриковали фальшивку, что якобы кафедра пошла навстречу и.о. доцента канд. техн. наук В. А. Омельченко, который просит отпустить его для работы над докторской диссертацией, и предлагает его кандидатуру на сокращение. Они подготовили требуемые выписки из деканата и из решений партбюро. Естественно, в профкоме института разобрались — и.о. доцента канд. техн. наук сокращают без подписи на документах заведующего кафедрой — и вычеркнули фамилию из списка. Об этом я узнал случайно, когда девушка-секретарь по ошибке пригласила меня в профком сообщить о сокращении, но здесь же, разобравшись, отпустила.

Когда я сообщил об этом завкафедрой Е. Г. Прошкину, он не дослушав, рванул по коридору в сторону ректората и развил такую скорость, что, опешив, я отстал метров на пять. Когда я догнал его, то остановил его словами:

— Евгений Григорьевич, успокойтесь, все в порядке. Меня не сократили. Я лишь докладываю, что творят Ваши сотрудники за Вашей спиной.

Несколько лет, пока бывшие студенты ХПИ постепенно становились дипломниками и затем уходили из института, шла конкуренция между преподавателями — кого надо сократить. В ко-

*И.о. доц. Омельченко Виктор Александрович (1973 г.).
В должности доцента работал с сентября 1972 г.
Получил учёное звание доцента в январе 1975 г.*

нечном итоге объективно остались наиболее грамотные преподаватели, но «крови попортили немало». Например, когда надо было сократить одного из старших преподавателей, наиболее неграмотным оказался мой бывший студент-ускоренник, но он был членом партбюро. Руководство факультета настаивало на сокращении кого угодно, даже доцента, но не партийного деятеля. Е. Г. Прошкин был редким исключе-

нием — беспартийный заведующий кафедрой. Тем не менее, партбюро факультета неоднократно вызывало его на заседания и требовало не сокращать члена партбюро. Если бы Евгений Григорьевич был членом партии, то не смог бы устоять — партийная дисциплина. И только в последний день, когда надо было принять решение, под угрозой, что, если этот преподаватель не напишет заявление о переходе на должность старшего научного сотрудника научной лаборатории, кафедра в 14 часов соберется, проголосует и этот преподаватель перестанет быть сотрудником ХИРЭ. Такое заявление было написано и вопрос о сокращении был решен.

Позже мы, профессионалы, относили подобных партийно-административных деятелей к категории неграмотных проходимцев, а далее стали применять более подходящий термин «научные импотенты» или «научно-педагогические импотенты». Термин возник с легкой руки одного из известных научных сотрудников Института радиофизики и электроники АН УССР И. С. Тургенева и прижился на радиотехническом факультете ХПИ; позже он был перенесен «хапыёвцами» в ХИРЭ и хорошо характеризовал некоторых партийно-административных деятелей.

В таких условиях началась принципиальная переработка курса «Радиотехнические системы передачи информации». Правда, поначалу, по принципу «не до жиру, а быть бы живу», были собраны все макеты, которые разрабатывались в ХИРЭ и ранее в ХПИ на соответствующей кафедре, и были разработаны методические ука-

зания к лабораторным работам, которые уже худо-бедно позволяли студентам изучать особенности курса. Затем, как всегда, я обратился к первым лицам, поставившим этот курс. Им оказался академик А. А. Харкевич, который в 1963 г. разработал курс «Теория передачи сигналов» для связных специальностей и открыл кафедру с таким же названием в МЭИСе — Московском электротехническом институте связи. Именно на базе этого курса через несколько лет для специальности «Радиотехника» и был введен рассматриваемый курс.

Тогда настольными книгами в этой области стали монографии А. А. Харкевича «Борьба с помехами» и «Очерки общей теории связи». Работа по постановке лабораторных работ по помехоустойчивому кодированию и оптимальному приему сигналов растянулась на ряд лет.

Основные из этих лабораторных работ продолжали применять в учебном процессе в течение последующих десятилетий и для радиотехнической, а в последствии — и для связных специальностей.

Идеи, заложенные в курсе и далее развивавшиеся на протяжении двух с половиной десятилетий, послужили основой для написания фундаментального учебника «Теория электричного зв'язку» в трех томах в объеме около 90 печ. листов (1 печ. лист — 24 стр. машинописного текста через 2 интервала). Учебник был написан по последней в Советском Союзе государственной программе курса «Теория электрической связи», в который трансформировался курс «Теория

передачи сигналов». Соавтором в этом учебнике стал доцент Московского элетротехнического института связи В. Г. Санников — как говорят в наших кругах, «научный внук» академика А. А. Харкевича, т.е. ученик его ученика.

Существенное влияние на последующую работу (учебную и научную) оказал спецкурс «Обработка метеорологических сигналов». Дело в том, что, кроме общей для факультета специальности «Радиотехника», кафедра радиотехнических систем имела единственную для вузов Советского Союза специализацию «Радиотехнические системы метеорологического применения». На кафедре была собрана действующая, применявшаяся в то время в метеорологии, аппаратура, в том числе метеорологический радиолокатор.

В предложенном спецкурсе следовало собрать сведения об имеющихся методах обработки сигналов в области метеорологии. Я вообще везде старался найти наиболее общие подходы; здесь же в различных вариантах спецкурса я рассматривал основные методы статистической обработки сигналов: обнаружение сигналов, оценка параметров сигналов, распознавание (различение) сигналов. Особое внимание уделялось задаче распознавания сигналов, как в обычной, так и в принципиально новой постановке. Соответствующий математический аппарат использовался далее в научной работе, как моего научного направления, так и кафедрального научного направления в области применения разрабатываемых радиоакустических и акустических радиолокационных станций.

3.2. Научная работа

Проблемы моего научного направления в области контроля радиоизлучений средств связи никогда не покидали меня — они лишь отодвигались на некоторое время на задний план. Первые годы работы на кафедре РТС Харьковского института радиоэлектроники были не только посвящены овладению областью радиотехники, которая не изучалась в наши студенческие годы, но и шла подготовка к дальнейшей серьезной работе на уровне докторской диссертации. Так, я возвратился к официальной учебе на механико-математическом факультете ХГУ. Будучи в отпуске для подготовки кандидатской диссертации, я в течение ряда лет посещал лекции видных профессоров-математиков по дисциплинам, которые прямо или косвенно могли понадобиться в моей дальнейшей работе. Накопилась пачка «хвостовок» с отличными оценками по этим дисциплинам; далее даже не все из них были занесены в зачетную книжку. Так мне удалось послушать лекции элиты профессуры, чего уже невозможно было сделать в последующие годы. Через полтора — два десятилетия некоторые из них ушли из жизни, другие уехали за рубеж. Уровень математики на механико-математическом факультете понизился еще и в том смысле, что поколение моего возраста, профессиональные математики, решали задачи не в области абстрактной математики, а в нашей области — радиофизике. На этом факультете стали работать также «чистые» радиофизики.

Официально я завершил образование в области университетской математики в 1973 г., получив диплом с отличием. Дипломировался на кафедре академика Н. И. Ахиезера. В дипломе значится: специальность «Математика». Таким образом, в целом, «при механико-математическом факультете» я состоял целое десятилетие — с 1963 г. по 1973 г.

Я всегда много писал — статьи, методические указания к выполнению лабораторных работ. Хотя в то время — в семидесятые годы — ХИРЭ не имел права издавать методические пособия (т.е. книги учебного характера), я нелегально превращал методические указания в учебные пособия, перенося значительный объем теоретического материала в приложения. В научной работе с самого начала работы в ХИРЭ, с 1971 г., я начал публиковать научное обобщение направления, к которому примыкала кандидатская диссертация, под общим названием «Спектральный анализ сигналов в реальном масштабе времени». Получилась серия из 10 статей (т.е. частей общей работы), которые опубликованы в сборнике «Радиотехника», выпускаемого в ХИРЭ.

Выполнив обобщение, которое охватывало наши работы в ХПИ и известные в то время работы специалистов из разных городов Советского Союза (Москва, Киев, Горький, Рига), я начал исследовать возможности распознавания сигналов на «спектральном языке». В этом направлении меня подталкивал научный руководитель по кандидатской диссертации полковник д-р. техн. наук Матевецкий Евгений Осипович. С ним долгие

годы продолжалась переписка на научные темы и он по сути стал моим научным консультантом по докторской диссертации. Его интерес к проблеме распознавания сигналов подогревался еще и тем, что в своей докторской диссертации он впервые в области контроля радиоизлучений средств связи применил идеи распознавания образов. В Харькове же практические задачи в этой области ставил сотрудник радиозавода В. В. Балабанов, которому нужны были не тома «бумаг», а современные высокоэффективные работающие устройства и системы, решающие конкретные задачи. И, наконец, на нашей кафедре появился полковник-отставник д-р. техн. наук профессор А. Ф. Апорович, который в военном учебном заведении был начальником кафедры, имевшей отношение к интересующим меня прикладным задачам. Профессор А. Ф. Апорович принес идеи обработки сигналов в многомерном (N -мерном) пространстве признаков. Правда, учёный сознавался, что хотя в своих работах он говорит о представлении сигналов в N -мерном пространстве признаков, но знает только 3 признака: ширина спектра сигнала, длительность сигнала и динамический диапазон уровней сигнала. То есть, встал почти философский вопрос: «Что понимать под «признаками сигнала» в N -мерном пространстве признаков применительно к интересующей нас области контроля радиоизлучений средств связи?». Побыв немного у нас, профессор А. Ф. Апорович возвратился «домой» — в свою родную Белоруссию, заведовать кафедрой в Минском политехническом институте. Кроме идей от профессора А. Ф. Апоровича

Первоначальный состав научной группы на первичном этапе работы над докторской диссертацией – В. М. Безрук слева, В. А. Омельченко, В. В. Балабанов справа (70-е годы)

остался только что поступивший в аспирантуру новый аспирант – В. М. Безрук. (Заметим, что вопрос, поставленный профессором А. Ф. Аповичем был решен при построении ортогональных разложений случайных функций).

Вот в таком коллективе: я, В. В. Балабанов и аспирант В. М. Безрук, – и начался более практический этап в работе над задачами обнаружения неизвестных сигналов при наличии помех и распознавания нужных сигналов при наличии значительного числа ненужных (т.е. сигналов, не представляющих интерес).

При научном исследовании в выбранном направлении крупную задачу я разбивал на не-

большие вопросы, анализировал их и результаты публиковал в виде отдельных статей или серии статей под общим названием. Подобные статьи публиковались, начиная с 1976 г., где впервые появился термин «распознавание сигналов». Значительная часть статей опубликована с Е. О. Матвицким, как моим неофициальным консультантом по докторской диссертации. Позже, когда появились экспериментальные результаты, к составу соавторов добавились В. В. Балабанов, В. М. Безрук и др. Среди статей были и длительные серии, например, статья «Распознавание сигналов по спектру на базе анализаторов параллельного и квазипараллельного типов», опубликованная в восьми частях. На кафедре был еще один сотрудник в области моей тематики — ассистент И. В. Корытцев. Завкафедрой Е. Г. Прошкин предложил мне, став научным консультантом, руководить работой его аспиранта И. В. Корытцева. Так, с самого начала аспирантской подготовки И. В. Корытцева мы вместе с ним изучали возможности распознавания типов неоднородностей атмосферы на базе радиоакустического зондирования атмосферы. Это было еще одно применение разработанного метода распознавания сигналов.

Позже мы убедились, что метод имел весьма широкие возможности. Достаточно было представить некоторые объекты в N -мерном пространстве произвольных признаков и появлялась возможность нашим методом осуществлять классификацию объектов.

В учебном процессе было интересное приложение этого метода. Понятно, что все поступившие

в институт абитуриенты в то время были более или менее однородными — все сдали вступительные экзамены, не ниже некоторого уровня. Однако сразу же, после первой экзаменационной сессии, они разделялись на 4 класса: отличники, хорошисты, «троечники» (т.е. студенты, которые на экзаменах получили хотя бы одну удовлетворительную оценку) и «двоечники» (т.е. студенты, которые получили хотя бы одну неудовлетворительную оценку). Достаточно было представить студента в виде вектора (точки) в некотором N -мерном пространстве признаков и сразу же появлялась возможность классификации студентов по успеваемости с применением нашего метода.

В качестве «признаков» были выбраны 43 характеристики, которые, по мнению ведущих преподавателей факультета, влияли на успеваемость студентов; эти характеристики были заданы в некотором численном виде и преобразованы по нашей методике в некоторые обобщенные признаки. Достаточно было взять 6–8 таких обобщенных признаков и наш метод распознавания позволял с вероятностью 0,96–0,98 правильно классифицировать обучающую «выборку» студентов. Иначе говоря, порядка 96 или 98 процентов представленных студентов нашей методикой правильно относились к классу, в который они объективно входили по результатам экзаменационной сессии.

Более того, выяснился принципиальный момент. Хотя разработанная методика не являлась методикой прогнозирования успеваемости, получилось, что построенные классы студентов по успеваемости устойчивы. Они позволяли с доста-

точно высокой вероятностью без всяких экзаменов находить, в какой из классов по успеваемости попадет тот или иной студент в последующую экзаменационную сессию. Система оценки знаний оказалась устаревшей! Надо было перейти к некоторой другой системе, в которой удельный вес знаний студентов оказался бы бóльшим. Как известно, позже в Украине перешли в оценке знаний к Болонскому процессу, т.е. применили методику Болонского университета, известного своим тысячелетним опытом.

Однако, основным был математический аппарат и программное обеспечение, позволявшие анализировать влияние социальных и личностных характеристик студентов на успеваемость. Даже в тот период руководитель группы мог путем анализа определить, какую из 43-х характеристик или какую группу характеристик следует изменить, чтобы перевести конкретного студента (представленного в виде точки в 43-х мерном пространстве признаков) из его класса в другой — с более высокими результатами успеваемости.

Методом заинтересовалась учебная часть института, проректор по учебной работе. Были публикации в печати, проректор даже сделал доклад в Министерстве высшего и среднего специального образования УССР в методкомиссии, чтобы проиллюстрировать, как научные методы применяются в институте в учебном процессе. Метод не получил широкого применения не столько из-за трудностей, связанных со сбором необходимой информации о студентах, сколько с трудностями ввода данных в ЭВМ (это были 70-е годы!).

Интересна реакция партбюро факультета: «Интересная работа, но ведь В. А. Омельченко беспартийный; ему надо дать руководителя от партбюро». Вот так!

3.3. Общественная работа и общественные отношения

Здесь не место рассказывать об общественной работе — она была всегда и была разнообразной. Остановимся лишь на общественных отношениях и некоторой общественной работе, которая повлияла на завершение (в некотором смысле) оформления научной работы.

С деканом факультета доцентом М. Ф. Лагутиным у меня были хорошие отношения. Мы — выпускники радиофакультета ХПИ, вместе работали на факультете; нас лишь разделяло 5 лет. Михаил Федорович принимал, можно сказать, душевное участие в устройстве моей судьбы при переходе из ХПИ в ХИРЭ.

И вот, спустя несколько лет, в столовой, при встрече он спросил (как стало принято в те годы — спрашивать в американском стиле): «Как дела?». Я, вместо того, чтобы ответить в американском стиле «Ок!», стал по-славянски действительно рассказывать о делах — об успехах. Все-таки он, декан, устроил меня на работу и я, наверное, хотел похвастаться, что он не ошибся в выборе.

— Михаил Федорович! Я, наконец, начал заниматься наукой. А то все учебный процесс, да

учебный процесс. В последние три года публиковал порядка десятка статей ежегодно.

Декан ничего на это не ответил, только как-то изменился в лице. При очередной встрече, опять-таки в столовой, он сам обратился ко мне:

- Это правда, что ты так много публиковался?
- Правда, – ответил я.
- Прекрати. Я буду бегать, а ты публиковаться? Не дам! – резко наказал декан.

Позже, когда уже приблизился этап оформления диссертации, состоялся более острый разговор (конечно, на нейтральной территории):

- Ты продолжаешь работать, хотя я тебе запретил. Это, на первый взгляд, кажется абсурдным, что ведущего доцента факультета увольняют, как не соответствующего занимаемой должности. Но мы это сделаем. АДМИНИСТРАЦИЯ ИМЕЕТ СВОИ ВОЗМОЖНОСТИ!

Последняя фраза мне хорошо запомнилась и не раз вспоминалась в последующие годы.

Однако подоспели другие события, и свои намерения декан М. Ф. Лагутин не успел претворить в жизнь. Пришло время заменить завкафедрой Е. Г. Прошкина другим – закончился срок, когда можно было быть заведующим кафедрой кандидату наук. К этому времени на кафедре появился новый полковник-отставник, специалист по радиотехническим системам д-р.техн. наук профессор Николай Иванович Кравченко. Хотя ему предлагали занять должность завкафедрой, он сначала колебался, но потом, после настоятельной просьбы ряда членов кафедры, согласился. На этом этапе М. Ф. Лагутин, как декан, в нарушении всех

процедурных норм и закона отодвинул кандидатуру профессора и протянул на заведование секретаря партбюро соседнего факультета, ученика Е. Г. Прошкина. Взамен он потребовал (конечно, в частной договоренности) часть научного полигона Е. Г. Прошкина, который перейдет в ведение нового заведующего кафедрой. Какие нарушения? Ну, например, не было голосования при избрании нового заведующего кафедрой. При рассмотрении конкурсных дел голосуют только преподаватели кафедры. Так как большинство преподавателей было против представленной деканом кандидатуры, а предпочитало бы видеть заведующим профессора Н. И. Кравченко, декан собрал инженерный и научный состав проблемной лаборатории Е. Г. Прошкина, заявил, что проблемная лаборатория — тоже кафедра, и в этом составе «избрали» нужного ему заведующего кафедрой.

Ректорат за такое самоуправство отстранил М. Ф. Лагутина от деканства (но М. Ф. Лагутин не очень пострадал — оставалось несколько месяцев до переизбрания декана). Зато М. Ф. Лагутин, как и было ему обещано, получил место на полигоне, начальником которого теперь стал новый заведующий кафедрой — доцент В. И. Алехин.

Ну, а теперь несколько слов об общественной работе, которая ускорила процесс завершения диссертационной работы.

Харьковский институт радиоэлектроники, как молодой вуз, хотя и разрастался, оставался по общественным отношениям малым вузом. Если в ХПИ наш радиотехнический факультет напоминал отдельное государство — «варился в соб-

ственном соку», — здесь, в ХИРЭ, как говорили, «чихнешь на кафедре, а в ректорате скажут — будь здоров».

Сначала маленький пример об эпизодической работе. Как только я перешел в ХИРЭ, председатель профбюро факультета (оказавшийся бывшим членом КСМ бюро радиофака, которое я возглавлял в ХПИ в 1962 г.) сразу же протянул меня в профбюро и сделал своим заместителем. Пришлось возглавлять учебно-производственный сектор профбюро. Я всегда добросовестно выполнял даваемые мне поручения. И здесь взялся за работу по своему усмотрению. Отбросив стандартные планы работы профбюро в этой области, взялся за важнейший для молодого вуза вопрос — согласование рабочих планов различных дисциплин разных кафедр между собой. («Что мне, мол, мнение всяких чиновников, я сам преподаватель-профессионал и лучше знаю, что такое настоящий учебный процесс», — так я откровенно считал). «В. А. Омельченко сам себе придумывает работу», — реагировали коллеги.

Работа была длительной и трудоемкой. Она заканчивалась рекомендациями профбюро факультета каждому заведующему кафедрой, как усовершенствовать учебный процесс, обеспечив согласование рабочих планов читаемых дисциплин. Отчет о работе профбюро в области учебно-производственной деятельности заслушали на партбюро. Отчет выслушали с удивленными лицами, лишь задали вопрос, соответствует ли работа утвержденному плану работ профбюро. Я ответил положительно.

Казалось бы, это была работа одного из секторов профбюро одного из факультетов института, но она стала известна в ректорате и впоследствии проректор по учебной работе включал меня в различные институтские комиссии именно как «специалиста» по согласованию рабочих планов разных дисциплин.

Это лишь иллюстративный пример. А теперь, собственно об общественной работе, которая повлияла на завершение диссертационной работы.

Один из моих бывших коллег по кафедре РА радиофакультета ХПИ, единственный там «свободный» доцент, а здесь заведующий кафедрой, А. П. Дорохов, уходя в творческий отпуск для работы над книгой, предложил мне заменить его в работе по контролю за качеством выпускаемых в институте методических указаний. До этого каждый факультет, каждая кафедра, каждый преподаватель оформляли методические указания к лабораторным работам, практическим занятиям, курсовому проектированию и т.д. «как Бог на душу положит». Как раз перед моим приходом были разработаны общие требования к структуре, содержанию разделов, объему и др. методических указаний и нужно было добиться их неукоснительного выполнения.

Приступив к работе, я по существу стал через некоторое время выполнять функции целого издательского отдела, редактируя весь поток методических указаний института. Позже, когда я отошел от этой работы, один человек не в силах был выполнять эту работу и руководство института со временем создало еще один отдел, возглавля-

емый доцентом, получавшим полставки как за работу по совместительству, и где были ещё три штатные сотрудницы. Как бывало и раньше, работу, которую я выполнял, мог бы сделать лишь некоторый коллектив.

Работа выполнялась не ради чинов, не ради карьеры, а для пользы дела. На моем жизненном пути встречались люди, которые правильно воспринимали мои старания, объективно оценивали результаты работы и делали все, чтобы отплатить добром за добро. На этом этапе тогдашний начальник учебной части стал одним из таких людей. Он вызвал меня к себе и спросил:

– Вы работаете над докторской диссертацией?

– Работаю.

– А какие результаты?

– За последние три года опубликовано не менее 30 статей по частным вопросам диссертации, – ответил я.

– Хотите пойти в докторантуру? Это значит стать старшим научным сотрудником на 2 года.

– Условия в институте таковы, что уйти в докторантуру можно, но неизвестно, можно ли будет возвратиться в преподавательский коллектив, – отреагировал я.

– Тогда согласны ли Вы уйти в творческий отпуск на 6 месяцев? Вы останетесь преподавателем и по окончании отпуска сразу же приступите к выполнению своих преподавательских обязанностей.

– С удовольствием, – согласился я.

Уже на следующий день был подписан приказ об отправлении меня с начала нового учебного

года в творческий отпуск для оформления диссертации сроком на 6 месяцев. Даже Е. Г. Прошкин, бывший тогда еще заведующим кафедрой, возмутился, что вопрос решили в ректорате, не спросив его мнения.

В творческом отпуске я побывал, первый вариант докторской диссертации напечатал — огромный труд почти в тысячу страниц. Но моя работа над методичками института и позже сказалась положительно.

Раньше институт, как недостаточно продвинутый, не имел права публиковать книги учебного характера (учебные пособия). С развитием института, с повышением его статуса, как раз после завершения моего творческого отпуска ХИРЭ получил право опубликовать три учебные пособия преподавателей вуза. Мне, как преподавателю, который хорошо разобрался с методической работой кафедр института в последний период, поручили подготовить пояснительную записку с обоснованием и предложить ряд кандидатур, книги которых рационально опубликовать. Возглавлял эту работу один из проректоров, доцент В. Д. Кукуш.

В итоге были отобраны работы этого проректора, моя и еще одного преподавателя нашего факультета.

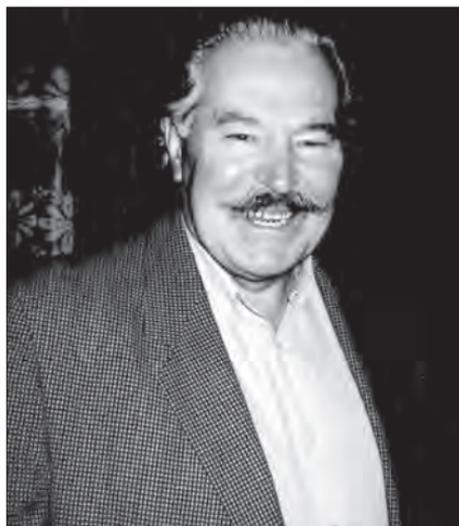
Моя первая книга, имевшая гриф «учебное пособие», была кратким изложением первого варианта докторской диссертации. Она вышла в 1979 г. (Харьков, ХПИ, 1979 г.) под названием «Распознавание сигналов по спектру в условиях априорной неопределенности».

3.4. Политические и научные аспекты в продвижении докторской диссертации к защите

Партком института контролировал все важные процессы в институте. В частности, завершение творческого отпуска для оформления докторской диссертации относили к таким событиям. Представителю парткома, отвечающего за научную работу в институте, профессору Е. П. Путьяину, поручили ознакомиться с диссертационными материалами. Он выполнил эту работу, дал положительную оценку и предложил написать краткое изложение материала в виде первого варианта автореферата диссертации, делая акценты на особенностях работы, которые пересекались с проблематикой кибернетики. Единственный подходящий докторский специализированный совет, находящийся в институте, был именно в этой области. После подготовки такого варианта автореферата, как посоветовал профессор Е. П. Путьяин, уже можно будет на совместном заседании соответствующих кафедр рассматривать вопрос о представлении диссертации к защите.

Популяризация материалов диссертации перед защитой — важный этап в формировании общественного мнения настоящими специалистами о результатах работы.

Как раз в это время, перед летом 1979 г., я узнал, что профессор С. Е. Фалькович проводит конференцию «Пространственно-временная обработка сигналов». Профессора С.Е. Фальковича я считал

Олейников Сергей Юрьевич. Так он выглядел в 2001 г. на 40-летию выпуска 1961 г. Радиотехнического факультета ХПИ

одним из своих учителей и его книга «Оценка параметров сигналов» была одной из моих настольных книг с конца 60-х годов при изучении области оптимальной обработки сигналов.

Хотя было уже поздно подавать документы для участия в работе конференции, мой соученик по радиофакультету ХПИ, доцент Сергей Юрьевич Олейников, как один из организаторов конференции, включил меня в список докладчиков и тем самым обеспечил возможность принять участие в конференции, хотя и без опубликования тезисов доклада.

Конференция проводилась в Крыму, в районе Алушты. Участие в конференции такого уровня принимали видные ученые Советского Союза и открывалась возможность познакомиться с авто-

*Проф. Борис Григорьевич Марченко справа (г. Киев)
и Виктор Омельченко (позже в г. Харькове)*

*Проф. Савелий Еремеевич Фалькович с женой (г. Харьков), Виктор
Омельченко – слева. Снимок соответствует более позднему
времени, когда автор организовывал конференции и собирал по
всему Союзу видных учёных в интересующий коллектив
области знаний*

рами хорошо известных мне книг, а также установить контакты с новыми специалистами, которые мне не были знакомы.

На конференции был и Виталий Павлович Яковлев. Он представил меня профессору Б. Г. Марченко из Киева, которого в то время я не знал, и порекомендовал побывать на его конференциях. По мнению В. П. Яковлева моя работа наиболее близко подходила к проблематике конференций Б. Г. Марченко. Профессор Б. Г. Марченко просмотрел мою книжку «Распознавание сигналов по спектру в условиях априорной неопределенности», сделал несколько критических замечаний и сразу же предложил принять уча-

Проф. Виталий Павлович Яковлев с женой вторые справа (г. Москва), Виктор Омельченко третий справа. Также соответствует более позднему времени

Проф. Андрей Павлович Трифонов посередине (г. Воронеж), Виктор Омельченко слева, Николай Шутко справа (г. Киев). (Позже на другой конференции)

стие в ближайшей конференции в январе 1980 года.

Побывав на конференции в Киеве, сразу же, с января 1980 г., я установил научные и, позже, дружеские связи с рядом ученых, которые продолжались более двух десятилетий.

Конференция Б. Г. Марченко посвящалась разработке вероятностных моделей различных явлений для использования в разных областях, в том числе, и для обработки сигналов. Проблемы создания вероятностных моделей физических явлений курировал профессор Б. Г. Марченко. Об-

ласть обработки сигналов на этих конференциях курировал профессор А. П. Трифонов.

Здесь же я познакомился также с соискателями докторских степеней, работы которых были мне наиболее близки по научной проблематике.

Особенно близкими по научной тематике оказались работы Ярослава Петровича Драгана. Более того, как говорится, я «перебежал ему дорожку» — привез опубликованную книгу, часть которой была посвящена разложению случайных сигналов в ряды, а он как раз сдал в печать монографию, посвященную этой проблематике.

Однако, в моей книжке были оригинальные результаты — введена метрика в пространстве

*Ярослав Петрович Драган справа (г. Львов),
Виктор Омельченко посередине, Олег Петрович Драган.
(Позже на другой конференции)*

случайных процессов и даны основные положения энергетической теории нестационарных случайных процессов (и, кроме того, были оригинальные результаты в области распознавания сигналов по спектральным признакам). На конференции мы обсудили общность и различия наших теорий разложений случайных сигналов и договорились, как в дальнейшем нам «разойтись», чтобы не заниматься одними и теми же вопросами. Позже, в письме, Ярослав Петрович высказал ряд критических замечаний по материалам книги и подсказал, что введенное мною «гильбертово пространство случайных процессов» как раз незадолго до опубликования моей книги уже было введено и изучено под названием «гильбертово пространство над гильбертовым пространством». Такой тип функциональных пространств в конце 60-х — начале 70-х годов еще не был известен в научной математической литературе и не изучался в функциональном анализе на механико-математическом факультете. Я высказал Ярославу Петровичу благодарность за конструктивную критику и в последующих работах использовал терминологию, уже существующую в научной литературе.

Как же обстояли дела в институте, в ХИРЭ? Окрыленный поддержкой специалистов в моей научной области, ожидая найти благоприятную обстановку на совместных заседаниях кафедр при обсуждении диссертационной работы, я подготовил что-то типа первого варианта автореферата диссертации и пригласил указанных про-

фессором Е. П. Путятиным специалистов для обсуждения работы. Планировалось, что это будет расширенное заседание кафедры профессора Е. П. Путятина, но на заседание явилась практически в полном составе кафедра РТС и профессор Е. П. Путятин передал проведение заседания кафедры завкафедрой РТС доценту В. И. Алехину.

При обсуждении работы были нормальные вопросы с разных точек зрения — присутствующие старались понять результаты работы с позиций своих специальностей. Были целесообразные выступления, некоторые пожелания и, в целом, работа получила одобрение.

Проблемы возникли, когда нужно было оформить выписку из протокола расширенного заседания кафедры. Как бывший секретарь партбюро, который шагу не ступит, не согласовав свое решение с парткомом института, доцент В. И. Алехин «побежал» консультироваться с тогдашним секретарем парткома В. В. Свиридовым. Тот устроил доценту В. И. Алехину «разнос», что он провел представление к защите без его ведома. Секретарь парткома, по словам В. И. Алехина, предложил записать в выписке такую формулировку: «Работа, в целом, удовлетворяет требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям. Рекомендуются дальнейшая апробация результатов работы». В то время я еще не был знаком с требованиями ВАКа и решил, что раз в выписке есть термин «докторская диссертация», то все в порядке и надо идти дальше работать со специализированным советом и оппонентами.

В то время специализированные советы работали с докторскими диссертациями длительно — год, полтора и более. Текст диссертации перерабатывался под специальность спецсовета, учитывался состав конкретного совета, а также замечания оппонентов. Только после приведения диссертации к требуемому виду начинался формальный этап рассмотрения диссертации в сроки, оговоренные документами ВАКа.

Тогда я еще не понимал, какая мина замедленного действия заложена под мою работу в указанной формулировке выписки.

В институте того периода шла энергичная борьба за власть — за должность ректора института. В институте было всего несколько докторов наук молодого возраста. По партийной линии шел профессор В. В. Свиридов, а, можно сказать, по научной линии — профессор А. Г. Шеин. Александр Григорьевич Шеин, доктор наук, ученый нового поколения. Он был заведующим кафедрой; на кафедре устраивал шахматные турниры, каждую неделю, как любитель футбола, выводил сотрудников кафедры на студенческий стадион для игры в футбол и др.

В рассматриваемый период А. Г. Шеин уже поработал в специализированном совете по защите диссертаций, был проректором по учебной работе, а позже стал проректором по научной работе. В силу длительных отсутствий ректора института из-за тяжелой болезни, он периодически выполнял обязанности ректора.

Вот между этими двумя претендентами — секретарем парткома В. В. Свиридовым и профессо-

ром А. Г. Шеиным и развернулась конкурентная борьба. Защита моей докторской диссертации в этих условиях была бы более, чем неуместной. На радиофакультетах ХПИ — ХИРЭ это была бы первая защита после защиты Б. Л. Кашеева; в самом ХИРЭ она была бы одной из немногих.

Профессор А. Г. Шеин, как и В. В. Свиридов, подбирал себе команду. Так, еще раньше, не зная меня лично, на различных официальных собраниях Александр Григорьевич отмечал мое имя, говоря, что В. А. Омельченко плодотворно работает, много и хорошо публикуется. Еще в конце моего шестимесячного отпуска для написания диссертации, он предложил назначить меня ученым секретарем специализированного совета.

Профессор А. Г. Шеин, познакомившись поближе с моими работами, предложил мне защищаться по специальности «Радиофизика», а не подделываться под некоторую специальность в области кибернетики. Осознав, что это действительно так, я обратился к председателю соответствующего докторского спецсовета на радиофизическом факультете ХГУ. Члены спецсовета, связанные со статистической радиофизикой, познакомились с моей книжкой и в итоге председатель совета профессор О. А. Третьяков принял такое решение: «Опубликуйте монографию по теме диссертации и включите задачу, где было бы «поле». Члены спецсовета привыкли иметь дело с электромагнитными полями. Когда это будет сделано, приходите — будем решать вопрос о защите диссертации».

Вопрос казался мне ясным — засесть за написание монографии, ориентируясь на более близкую для меня область — статистическую радиофизику, а не «подделываться» под проблемы кибернетики.

Однако в политическом плане оказалось не все так просто. В частной беседе доцент В. И. Алехин прямым текстом отметил, что выписка из расширенного заседания кафедры не имеет юридической силы. В ней не указано, что диссертация представляется к защите, т.е. никакого представления не было. Мне вообще предлагалось забыть о том расширенном заседании кафедры — ничего, мол, не было. Пригрозил, что если я буду продолжать работать, как уже начал действовать, запретит какие бы то ни было командировки — конференции, консультации с профессурой и др.

Позже, когда выяснилось, что я продолжал заниматься вопросами диссертации — обсуждал какие-то научные вопросы с профессором Н. И. Кравченко и даже работал над монографией, завкафедрой В. И. Алехин принял кардинальное решение — передать мой курс и меня на другую кафедру.

К этому времени на факультете уже существовали связные специальности, на кафедре РТС появился курс «Теория передачи сигналов», вместе с ассистентом И. В. Коротцевым были написаны методические указания к проведению лабораторных работ по этому курсу.

Вот с этим курсом я и был переведен с кафедры «Радиотехнические системы» на кафедру «Радиоприемные устройства», которой заведовал

бывший секретарь партбюро факультета доцент И. Н. Пресняков.

Так закончилось второе десятилетие работы в институтах — ХПИ и ХИРЭ — и десятилетие работы на кафедре РТС Харьковского института радиоэлектроники.

Раздел 4

Третье десятилетие работы в институте (1981 – 1991 гг.)

Третья декада работы в институтах оказалась, в некотором смысле, самой трудной, но, одновременно, и самой эффективной — именно в течение этого десятилетия написана и опубликована самая важная монография, а также была защищена докторская диссертация. Но к этому событию пришлось идти трудным путем, преодолевая существенные преграды. Однако, расскажем все в некотором систематизированном виде.

4.1. Учебная работа

С полгода в 1981 году решался вопрос, куда перевести меня с курсом «Теория передачи сигналов». К началу 1982 года все детали были согласованы и в марте 1982 года был подписан приказ о переводе меня на кафедру радиоприемных устройств. Как и при переводе из ХПИ в ХИРЭ на новую кафедру, прежде всего, возник вопрос обеспечения учебного процесса. Кафедра РТС передала по одному лабораторному макету, относящемуся к курсу ТПС (если их было несколько экземпляров). Задача заключалась в том, чтобы

на базе этих макетов разработать лабораторный практикум, пригодный для нормального проведения лабораторных работ с полной студенческой группой.

Я обычно делал лабораторию по курсу с запасом по сравнению с требованиями министерской программы. Курс «Теория передачи сигналов» считался фундаментальным в соответствии с министерской программой, но учебных часов выделялось немного, хотя периодически количество таких часов увеличивалось. И здесь, воспользовавшись такой ситуацией, я развернул работу по постановке новых лабораторных работ по принципу «чем больше, тем лучше». Согласуясь с веяниями начала восьмидесятых годов о привлечении ЭВМ в учебный процесс, ряд работ ставился с учетом их выполнения на ЭВМ.

Завкафедрой доцент И. Н. Пресняков проявил себя в этот период как жёсткий руководитель. Он поручил ряду кафедральных сотрудников заниматься тиражированием имеющихся лабораторных макетов, а тем, кто владел программированием, поручил разрабатывать программы для выполнения лабораторных работ на ЭВМ. Мои научные сотрудники также подключились к учебному процессу — постановке новых лабораторных работ. В этот период особо эффективной оказалась работа сотрудника кафедры — ассистента по нашему курсу С. П. Семиволоса. Он, как выпускник специальности «Конструирование и технология производства радиоаппаратуры», разработал требуемую документацию и силами опытного завода ХИРЭ обеспечил размножение

макетов для проведения лабораторных работ «фронтальным методом». (То есть, каждая лабораторная работа была представлена восемью макетами и студенты группы одновременно могли выполнять одну и ту же лабораторную работу).

Таким образом, была создана лабораторная база для выполнения лабораторных работ по курсу «Теория передачи сигналов» на физических макетах и на ЭВМ. Были написаны и опубликованы методические указания к выполнению лабораторных работ. Число поставленных лабораторных работ значительно превышало существовавшие в то время требования министерской программы. Их хватило на много лет вперед.

Для иллюстрации приведем данные, характеризующие изменения требований министерской программы, начиная с курса «Радиотехнические системы передачи информации». Там выделялось 48 или 52 часа на курс, т.е. 18 лекций — $18 \cdot 2 = 36$ часов и 3 или 4 четырехчасовые лабораторные работы — $3 \cdot 4 = 12$ или $4 \cdot 4 = 16$ часов.

Значительно позже, перед написанием учебника по курсу «Теория электрической связи», выделялось 100 часов на лекции, 50 часов на лабораторные работы, 50 часов на практические занятия и 50 часов на курсовое проектирование. То есть 52 часа и 250 часов, выделяемых на курс, — это, как говорят в Одессе, «две большие разницы».

Введённое в программу курса где-то в 90-м году курсовое проектирование было методически обеспечено. Я воспользовался разработками кафедры «Теория передачи сигналов» Московского электротехнического института связи и со

временем усовершенствовал их до такого уровня, что начинающие преподаватели нашей кафедры могли сразу же подключаться к руководству курсовым проектированием, а студенты понимали, что и как надо рассчитывать в заданиях по курсовому проектированию.

Уже здесь, в период подготовки лабораторной базы и методического обеспечения для курса ТПС, появилось трение между мною и заведующим кафедрой И. Н. Пресняковым. Естественно, я руководил всеми работами по обеспечению учебного процесса по курсу ТПС и как идеолог, и как организатор. На каждом заседании кафедры я докладывал о ходе работ. Когда же пришло время размножать методические указания к лабораторным работам, И. Н. Пресняков не подписывал их в печать, делая непонятные для меня замечания. В его отсутствие замещающий И. Н. Преснякова преподаватель кафедры подписал документы «в печать» и методические указания были опубликованы. Когда же завкафедрой явился и узнал об этом, он на заседании кафедры в сердцах чуть не чертыхнулся и официально заявил: «Я запрещаю печатать на кафедре для В. А. Омельченко что-либо, как по учебному процессу, так и по науке». Это распоряжение было передано кому следует и много лет на кафедре для меня ничего не делалось.

Только после этого заявления доцента И. Н. Преснякова, я осознал, что на кафедре существует принцип, установленный партийно-административной системой – всё, что сделано на кафедре, должно выходить под именем заведующего кафедрой. В предисловии к методиче-

ским указаниям я добросовестно и объективно перечислил всех преподавателей и сотрудников кафедры, кто хоть что-то сделал при модернизации лабораторного практикума. Ну, если бы И. Н. Пресняков сказал прямым текстом, что заведующий кафедрой (как у них принято) тоже должен быть вписан в состав исполнителей, то не было бы никаких проблем — я бы, ни слова не говоря, вписал бы его имя.

Были на новой кафедре и другие учебные поручения по другим курсам кафедры, но они не повлияли на основное направление учебного процесса и на научную деятельность. Так что нет смысла уделять им внимание.

4.2. Научная и научно-организационная работа

Ещё со времени 6-ти месячного творческого отпуска я включился в работу специализированного совета в ранге учёного секретаря. Изначально на первом этапе председателем совета был полковник-отставник д-р.техн. наук профессор Николай Дмитриевич Колпаков, который был проректором по науке и заведующим кафедрой «Радиопередающие устройства» (вместо доцента М. Ф. Лагутина). Заместителем председателя работал профессор Б. Л. Кашеев. Здесь Н. Д. Колпаков «царствовал», а Б. Л. Кашеев «правил» и под его руководством я выполнял работы.

Позже, когда проректором по науке стал профессор А. Г. Шеин, он переориентировал «под

себя» спецсовет, включив специальность «Радиофизика, включая квантовую физику», которая позже стала называться просто «Радиофизика». На этом этапе профессор Б. Л. Кащеев, зная характер профессора А. Г. Шеина, отошёл от руководства спецсовета, а Александр Григорьевич Шейн поручил мне выполнять все работы самостоятельно.

Работа в специализированном совете считалась значительной работой (официально по закону она должна была учитываться и при аттестации преподавателя), а практически она придавала в институте ощутимый вес.

Параллельно с подготовкой к учебному процессу я занимался написанием монографии «Основы спектральной теории распознавания сигналов», которую после оформления всех необходимых документов передал в печать в издательство «Вища школа» при Харьковском государственном университете. По требованию издательства я подготовил список вузов, где работали специалисты по теме монографии, куда издательство могло бы направить работу на рецензирование. Издательство, как мне было сказано, выбрало МФТИ – Московский физико-технический институт (г. Долгопрудный), но рецензия долго не приходила.

На одной из конференций в Киеве (которые регулярно проводил профессор Б. Г. Марченко), я попросил профессора В. П. Яковлева, работавшего в то время в МФТИ, узнать о судьбе моей книги. Позже он сообщил, что книга попала на другой факультет, к математикам, и он ничего не может сделать.

Тем временем, наконец, пришла и рецензия. С точки зрения редакции это была отрицательная рецензия — в ней отмечалось, какие вопросы рассмотрены в монографии, а далее делался вывод, что нет достаточно широкого круга читателей, которым была бы адресована книга. Более того, рецензия была утверждена ректором — академиком АН СССР. «Более высокого уровня в Советском Союзе нет, — сказали в редакции, — надо обращаться, что ли, в Нью-Йоркскую академию наук. В наших же условиях, единственное, что редакция может посоветовать, — это депонировать рукопись; там те, кто заинтересуется, смогут ознакомиться с изложенными материалами».

Кроме того, мне сказали, что издательство не имеет права назвать авторов рецензии, т.к. рецензенты прямо указали: «Встречу с автором считаем бесполезной. Наши имена автору не сообщать».

Беда не приходит одна. Новый декан факультета доцент И. Ф. Демьянков, видя мою активную работу в научной области, решил, наконец, реализовать политическое требование, высказанное бывшим деканом доцентом М. Ф. Лагутиным. Он вызвал меня и наедине заявил: «Вы не прекратили работать, как Вам было приказано. Поэтому сейчас начнём процесс Вашего увольнения, как несоответствующего занимаемой должности. Не бойтесь, это не страшно — мы это уже делали раньше». (Вспомним слова М. Ф. Лагутина: «Администрация имеет свои возможности!»).

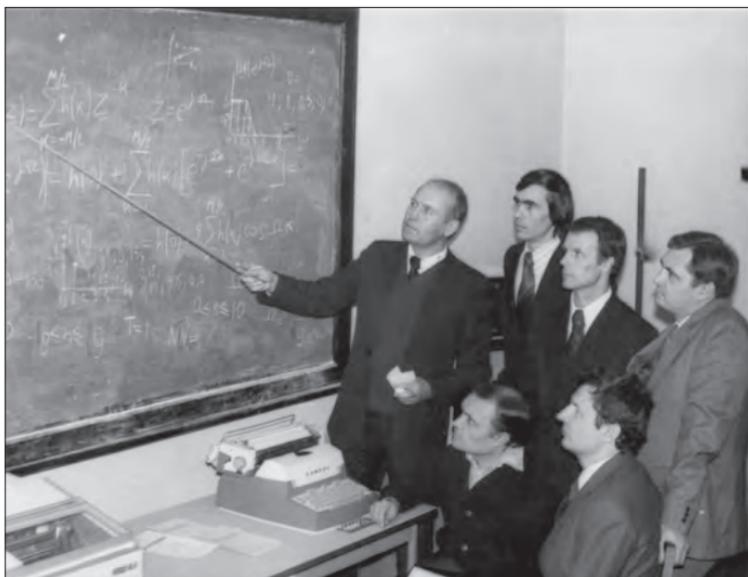
В ответ я спокойно ответил: «Специализированный совет, где я работаю ученым секретарем, юридически существует при радиотехническом

факультете. Администрация по закону должна обеспечивать его работу, в том числе, и по материально-техническому снабжению. Я неоднократно обращался к Вам, как к декану, за помощью, но Вы не ударили палец о палец. Кафедра точно так же относилась к моим просьбам. Я должен был сам на свои деньги докупать бумагу, скрепки и другие мелочи и даже практически самостоятельно, не имея технического секретаря, временами оформлять диссертационные дела для отправки в ВАК СССР. Так что начинайте обо мне писать, что считаете нужным, а я напишу в Москву, в ВАК, как обстоят дела с работой специализированного совета».

Парень оказался не из смелого десятка, и дело «про увольнение доцента В. А. Омельченко, как не соответствующего занимаемой должности», не открыл. Он понимал, что мой ответный шаг приведёт к тому, что, как минимум, закроют специализированный совет, а за это ректорат отстранит его от занимаемой должности. Со своей стороны я понимал, что в случае такого развития событий ректорат, скорей всего, уволит и меня. Подобные вопросы называли «кляузными» и руководство института (был уже такой пример!) избавлялось и от того, на кого направлена «кляуза», и, как бы объективна она ни была, избавлялось и от «кляузника».

Так закончился второй этап попытки партийно-административных работников радиофакультета избавиться от доцента В. А. Омельченко.

В научном направлении дела развивались. Объективно говоря, завкафедрой доцент

Основной состав научной группы (80-е годы) – первые аспиранты: В.А. Омельченко с указкой обсуждает с аспирантами детали одного из кафедральных курсов; сидят слева О.А. Колесников, однофамилец автора Анатолий Васильевич Омельченко; стоят справа налево В.М. Безрук, В.В. Балабанов и ещё один аспирант, побывавший в коллективе недолго – Л.А. Нестеров

И. Н. Пресняков помогал с набором аспирантов. Как завкафедрой, на которую берутся аспиранты, он принимал участие в работе комиссии по приему кандидатских экзаменов. И. Н. Пресняков даже советовался со мной, пропустить ли в аспирантуру одного производственника, недостаточно сильного в теоретических вопросах. Когда я подтвердил, что он мне нужен, Игорь Николаевич пропустил его.

Вопрос о моем пребывании на радиотехническом факультете с партийно-административной номенклатурой факультетского уровня был решен положительно и теперь нужно было решать вопрос с монографией. По существу монография была кратким изложением последнего варианта докторской диссертации. Отказ в ее публикации ставил под вопрос возможность защиты диссертации.

Как дипломированный математик я переработал первую часть монографии, касающуюся ортогональных разложений случайных сигналов и полей, «под математиков»; вторая, прикладная часть, была адресована именно инженерам, и я собирался доказать оппонентам, что ее ни в коем случае не следует писать «под математиков».

В чем же суть результатов, изложенных в монографии (а, значит, и в диссертации)? О существовании энергетического спектра стационарных случайных процессов было известно давно и этот результат широко применялся в радиотехнике и других областях техники. Этому существованию энергетического спектра процесса отвечало представление самого процесса по континуальному базису гармоник. Энергетический спектр нестационарного случайного процесса при его разложении в ряд по произвольному ортогональному базису не был известен. Более того, в рамках существовавшего в 60-е – 70-е годы математического аппарата считалось невозможным построение такого спектра.

Как дипломированный математик, я ввёл новый математический аппарат – «гильбертово

пространство случайных процессов» (правда, как уже было отмечено, его незадолго до меня разработали и назвали «гильбертовым пространством над гильбертовым пространством»).

В рамках этого математического аппарата я открыл существование энергетического спектра нестационарных случайных процессов с конечной энергией, которому отвечало представление процесса в виде разложения по произвольному ортогональному базису. Результаты были обобщены на векторные случайные процессы, случайные поля и векторные случайные поля, на матричные случайные функции.

Этого не могли сделать полсотни лет во всем мире!

То есть, это фундаментальный результат.

Изложенные во второй части монографии результаты также имели принципиальный характер для одной из областей техники — контроля радиоизлучений средств связи.

В радиолокации и в классической теории связи задачи оптимальной обработки сигналов решались на базе хорошо известных результатов математической статистики. Постановки задач в области контроля радиоизлучений средств связи имели существенные особенности и не могли быть сформулированы в известных терминах математической статистики. Стоящие перед инженерами задачи решались на уровне инженерной интуиции.

В монографии основные задачи контроля радиоизлучения средств связи были поставлены и решены в постановке, не укладывающейся в рам-

ки математической статистики. Более того, приведены результаты решения двух центральных задач: обнаружение случайных неизвестных сигналов при существовании большого количества не интересующих практику «известных случайных сигналов», а также распознавания известных случайных сигналов при наличии большого количества не интересующих практику случайных сигналов. Приведены экспериментальные данные, полученные на базе реальных сигналов, которые подтверждали высокую эффективность найденных решений по сравнению с тем, что давала существовавшая аппаратура.

Говоря иными словами, в монографии найдены оптимальные (в некотором смысле) решения. Поэтому результаты оказались несравненно лучше, чем давали устройства и системы, построенные на основе инженерной интуиции. Такой постановки задач и их решений не существовало в рассматриваемой области, по крайней мере, полсотни лет!

Однако, надо было подготовиться ко встрече с оппонентами (что так или иначе я на них выйду, у меня не было сомнения). Естественно, я написал ответ на рецензию оппонентов, доказывая на конкретных примерах, взятых из учебника по ТПС и монографий, какие принципиальные ошибки в них допускаются, если оставаться на уровне математической строгости 60-х годов. Доказывал, что уровень математизации материалов отвечает современным требованиям, более того, приводил примеры отдельных московских авторов, которые писали на аналогичном математическом уровне.

Ответ на рецензию оппонентов — это маленькая техническая деталь. Нужно было запастись положительным мнением ведущих специалистов Москвы по центральным вопросам монографии (а, значит, и диссертации).

Прежде всего, я договорился с профессором А. М. Трахтманом выступить на его семинаре (в МЭИСе). Как уже отмечено, во время работы над кандидатской диссертацией я нашел, что исследуемые в то время три направления создания устройств спектрального анализа сигналов в реальном масштабе времени с математической точки зрения основаны на разложении сигналов в ряд Фурье по гармоникам, разложении спектра в ряд Фурье и получении спектра сигнала в интегральной форме, как интеграла Фурье. Тогда же я отметил, что возможно много других направлений, основанных на разложении сигнала в обобщенный ряд Фурье. И вот появляется монография А. М. Трахтмана «Введение в обобщенную спектральную теорию сигналов», в которой как раз изучается разложение сигнала в обобщенный ряд Фурье. Теория А. М. Трахтмана охватывала только детерминированные сигналы, хотя автор заметил, что ее можно обобщить и на случайные сигналы. А. М. Трахтман даже дал ссылку на статью некоего Дж. Брауна-младшего в американском журнале, где доказывалась теорема, подтверждающая такую возможность. Поэтому первоначально, начиная с выступлений на конференциях Б. Г. Марченко в Киеве («Статистические методы в теории передачи и преобразования информационных сигналов»), я трактовал

свою теорию ортогональных разложений случайных процессов и полей как решение проблемы А. М. Трахтмана.

Естественно, когда на семинаре А. М. Трахтмана я доложил свою теорию в трактовке, что это решение «проблемы А. М. Трахтмана», доклад прошел «на ура» и получил блестящую оценку.

Второе, более существенное, направление — это доложить в самом МФТИ у специалистов в области радиотехники. Здесь организовать соответствующий доклад помог Виталий Павлович Яковлев. Я выступил с докладом на кафедре декана, заведующего кафедрой профессора Б. Н. Митяшева, где также получил полную поддержку. Этот вуз, МФТИ, был элитной организацией. В Союзе в то время существовало лишь три вуза, которые рассматривались как технические университеты (к которым примыкал и МФТИ), и которые были, по сути, «кузницами» для подготовки кадров высшей квалификации. На факультете, на стендах, была представлена информация о дальнейшем повышении квалификации выпускников факультета. Лет через десять после окончания МФТИ большинство студентов каждой группы становились кандидатами наук, а через несколько больший срок не менее трети группы становились докторами наук. Модные в то время «филиалы кафедр» организовывались на базе ведущих организаций страны. Достаточно отметить, что заведующим одного из филиалов кафедры был академик В. А. Котельников, директор московского ИРЭ — Института радиотехники и электроники АН СССР. Мой курс ТПС

в значительной степени базировался на работах академика В. А. Котельникова — это теорема Котельникова и его «Теория потенциальной помехоустойчивости», в которой развивалась теория оптимальной обработки сигналов применительно к связи.

Третье существенное направление в монографии (и диссертации) — многокритериальная оптимизация устройств. Здесь главным специалистом в Москве (и в СССР) был профессор Л. С. Гуткин. С ним было условлено, что при необходимости он ознакомится с работой или же заслушает доклад на семинаре.

Осталась маленькая техническая деталь. Хотя я уже «обложил» оппонентов со всех сторон, но еще не имел официального выхода на них. Оппоненты строго наказали не называть их имена. Во времена моей молодости женщины благоволили ко мне и делали, что я попрошу. В редколлегии издательства, конечно, сказали мне, кто оппоненты и откуда они, но предупредили, что редколлегия имела право назвать только институт, куда на рецензирование направлена монография. Поэтому я должен был разработать другой, параллельный, путь получения такой информации и логично объяснить, откуда узнал об оппонентах, не «подставляя» редколлегию.

Как раз в подходящее время в МФТИ защищал кандидатскую диссертацию один из аспирантов Б. Г. Марченко и я прибыл туда, как представитель ведущей организации, которой был ХИРЭ. Решив свои дела, аспирант занялся и моим вопросом. Как бывший комсомольский работник,

аспирант обладал высокой коммуникабельностью и сразу в концелярии МФТИ расположил к себе сотрудниц. Нашел там даже «землячку» — тоже с Полтавщины. Они для своего «земляка» готовы были сделать все, что угодно. Конечно, сразу же нашли, когда и кому была направлена на рецензию монография В.А. Омельченко.

Таким образом, во всеоружии я заявился к оппонентам на кафедру «Прикладная математика» — к завкафедрой.

Завкафедрой был ошеломлен и с раздражением чуть ли не выкрикнул:

— Кто Вам дал наш адрес?

Я ответил хорошо заготовленным тезисом:

— Название института мне дали в издательстве. Здесь же, находясь на защите диссертации, как представитель ведущей организации, я зашел в канцелярию и спросил, куда направлена на рецензию моя монография. Они и указали на Вашу кафедру и дали Ваше имя.

Все было отработано идеально и оппоненты были вынуждены общаться с автором книги. Сразу же они ознакомились с моим обоснованным ответом на их рецензию, взяли переработанную рукопись первой части монографии, посвященную теории ортогональных разложений случайных сигналов и полей, ознакомились с ней.

Я почти прямым текстом заявил, что они не являются специалистами по теме монографии, отметил, что я уже доложил у видных специалистов Москвы (в том числе на кафедре профессора Б. Н. Митяшева) и собираюсь продолжить делать такие доклады у других специалистов. По

интонации разговора было понятно, что, если они не изменят рецензию, я их ославлю на всю Москву. Ответ был практически очевидным — оппоненты согласились с доводами моего ответа на их рецензию, признали, что новый текст 1-й части монографии как раз отвечает их взглядам на стиль изложения подобных результатов, согласились, что 2-я часть монографии может быть переработана, так, как мне — автору — кажется рациональным. В итоге они сказали, что дадут отличную рецензию, утвердив ее у проректора вуза по науке (ведь нельзя одну, отрицательную, рецензию утверждать у ректора, а вторую, положительную — у него же).

Единственная шероховатость в общении с оппонентами заключалась в том, что они не смогли «найти» на кафедре рукопись монографии.

Когда я пришел в назначенный день, мне возвратили рукопись монографии, сказав, что она, якобы, «завалилась среди бумаг — упала за стол», показали блестящую рецензию и собирались отдать ее мне из рук в руки. Мне что-то не понравилось в выражении их глаз и полускрытой улыбке. Я отказался взять с собой рецензию и сказал, чтобы ее выслали по официальному каналу.

После возвращения в Харьков я побывал в редакции издательства и сообщил, что вопрос с рецензией на монографию подработан и есть положительный ответ.

— Вы что, взяли рецензию с собой и привезли к нам? — почти с ужасом спросили в редакции.

— Нет, они пришлют рецензию по официальному каналу, — ответил я.

– Ух, слава Богу, – выдохнула зав. отделом редколлегии.

Тут я понял смысл необычного выражения глаз и полускрытой улыбки оппонентов – меня собирались подставить. Позже выяснилось больше, в частности, почему не могли сразу найти на кафедре рукопись монографии. Поняв, что в монографии получены фундаментальные результаты, автор же, с точки зрения Москвы, – какой-то там Омельченко из какого-то Харькова, с Украины, т.е. с периферии, из глубокой провинции, написали отрицательную рецензию на монографию и начали, под своими именами, публиковать основные результаты монографии. Публиковались на самом высоком уровне – в Докладах АН СССР, в разделе по кибернетике. Доцент вместе с завкафедрой писали статьи, а ректор – академик – представлял их в АН СССР. Так и проходили публикации.

Проходимцы в науке, в то время, были на всех уровнях – кафедральных, факультетском, институтском и на самом высоком – Союзном уровне. Утешает одно, с доцентом, который «грабнул» материалы монографии (а значит и диссертации), я встречался на конференциях в области кибернетики – «Теория распознавания образов и обработка изображений». Это было на конференциях в ХИРЭ и в Прибалтике. Он, видя меня, сбегал как от чумы. В докладах, при виде меня, нес какую-то ахиною, не имеющую никакого отношения к заявленной теме доклада и опубликованной аннотации последнего. По крайней мере, он защитил докторскую диссертацию и стал профессором позже меня.

Вот такая, почти детективная история произошла при опубликовании монографии «Основы спектральной теории распознавания сигналов». Она вышла в свет в 1983 году и стала «пригласительным билетом» для встречи со специалистами любого ранга и на любую конференцию подходящего профиля.

Так, сразу же на Выездном семинаре профессора Бориса Рувимовича Левина, который проходил у профессора А. П. Трифонова в Воронеже в 1983 г., Б. Р. Левин, познакомившись со мной, предложил организовать проведение его семинара на базе радиотехнических школ г. Харькова. Б. Р. Левин был руководителем секции «Теории информации» ЦП НТО РЭС имени А. С. Попова. Он один раз в году проводил заседание семинара на базе поповского общества в Москве, а на следующий год проводил Выездной семинар в каком-нибудь городе Союза. Такой семинар существовал уже два десятилетия, и, по сути, являлся всесоюзной конференцией. На нем воспитана целая плеяда кандидатов и докторов наук в области статистической радиотехники. Сам же Б. Р. Левин был одним из основателей статистической радиотехники в Советском Союзе. По первому варианту его книги «Статистическая радиотехника» я учился еще при работе над научной темой и кандидатской диссертацией в шестидесятые годы.

На этом семинаре, в Воронеже, я познакомился с рядом коллег, работавших в близкой области, в частности, с доцентом К. К. Васильевым из Ульяновского политехнического института.

С К. К. Васильевым в дальнейшем мы тесно сотрудничали и стали друзьями.

Позже, на конференции в Красноярске в 1984 году, куда нас с К. К. Васильевым пригласил В. Б. Кашкин, была возможность познакомиться со многими представителями науки, да и деятелями из других областей. В частности, я познакомился с космонавтом Георгием Николаевичем Гречко и для памяти взял у него автограф. Конференция проводилась на борту теплохода, который шел вниз по течению реки Енисей (а далее на самолетах и вертолетах мы добирались до Полярного круга и пересекали его).

На конференции, проводимой в таких условиях, были доступны ученые и деятели любого ранга. Скажем, к профессору – директору крупного научно-исследовательского института «входная такса» для соискателя степени кандидата наук была бутылка водки и закуска, а на доклад выделялось 3 минуты; вход для соискателя докторской степени «стоил» бутылки коньяка с лимоном и закуской, а на доклад выделялось 5 минут. Позже мы с коллегами убедились, что, если соискатель действительно осознал, чем он занимался и что он сделал, за указанное время можно доложить и, соответственно, оценить работу. Так мы иногда и поступали значительно позже.

В плане защиты моей докторской диссертации Б. Г. Марченко советовал: «Проведите конференцию, пригласите на нее всех нужных ученых и тогда для защиты диссертации будут открыты все двери – никто не сможет помешать». Я внял совету моего учителя и, основываясь на предло-

жении Б. Р. Левина провести заседание его Выездного семинара на базе научных школ Харькова, занялся организацией его проведения. Идею поддержал проректор ХИРЭ по научной работе, мой шеф по специализированному совету, профессор А. Г. Шеин; скрипя душой, поставил свою визу и завкафедрой И. Н. Пресняков. Там стояли визы видных ученых Харькова в области радиотехники — профессоров: С. Е. Фальковича, Я. Д. Ширмана, В. Б. Алмазова, Я. С. Шифрина.

Были проведены необходимые оргмероприятия, подобран состав конференции, причем, даже ставилось условие, чтобы в каждом докладе присутствовал доктор наук, как один из соавторов. Напечатана аннотированная программа конференции; чтобы напечатать тезисы докладов, пришлось с помощью моего «однокашника» Сергея Юрьевича Олейникова включить выездной семинар Б. Р. Левина также в план работы Научного совета по проблеме «Статистическая радиофизика» АН СССР. Тезисы докладов 9-го выездного научно-технического семинара секции «Теория информации» ЦП НТО РЭС им. А. С. Попова были опубликованы (Харьков, 1985 г.).

Конференцию планировалось провести в спортивно-оздоровительном лагере ХИРЭ, вблизи Туапсе на Чёрноморском побережье.

Интересно для истории, что враги не дремали и старались «подставить ножку» даже в таком вопросе. Конференцию по сути подготовили два сотрудника ХИРЭ — я и мой помощник В. М. Безрук; остальные люди работали на инициативных началах, выполняя отдельные поручения. Кон-

ференция должна была состояться в октябре; В. М. Безрук, проработав лето над подготовкой конференции, уходит в сентябре в отпуск, а замдекана Л. П. Тимошенко отправляет меня в колхоз. Меня отправят в колхоз, а я по объективным причинам возвращаюсь в институт, вновь отправит — я вновь возвращаюсь. Когда в очередной раз доцент Л. П. Тимошенко хотел отправить меня в колхоз, я пошел к ректору В. В. Свиридову и доложил о подготовленной конференции: «Состав конференции — цвет науки Союза, — кто угодно готов позавидовать; программа конференции опубликована по максимуму — названия докладов сопровождаются аннотациями; изданы тезисы докладов. Конференция проводится на базе ХИРЭ и на данном этапе для подготовки её проведения нужно подключить соответствующие структуры института. Я не администратор — у меня нет людей; мой сотрудник В. М. Безрук в отпуске, а меня Л. П. Тимошенко постоянно отправляет в колхоз, какими бы способами я не возвращался в институт. Назревает срыв конференции».

Ректор В. В. Свиридов принимает гениальное решение. Он вызывает замдекана Л. П. Тимошенко и дает распоряжение:

— Леонид Петрович, готовьте сценарий проведения конференции в Туаспе.

— Так ведь конференцию проводит В. А. Омельченко, — откликается замдекана.

— Конференцию проводит радиотехнический факультет, так что идите и включайтесь в работу.

Леонид Петрович вместе со мной вышел из кабинета ректора и, обняв меня за плечи, с улыбкой сказал:

— Виктор Александрович, слышал, что приказал ректор? Иди и работай.

— А как же колхоз? — поинтересовался я.

— Никакого колхоза.

Вот так решались даже мелкие вопросы с политиками-администраторами.

Конференция прошла успешно, завязалось много новых знакомств с представителями научной общественности, которые остались на годы. Я не только руководил одной из секций, но и в присутствии лучших ученых в нашей области сделал широкий доклад по своей диссертационной работе.

Моя монография работала. Начиная с конференции в Воронеже, я презентовал книгу ученым из разных городов Союза; что касается Москвы, я старался обеспечить экземплярами книги не только ведущих ученых, но и просил коллег передать по экземпляру в библиотеки их вузов. Специально подготовленная стопка книг для презентов (100 экземпляров в твердом переплете с золотым тиснением названия и имени автора) быстро таяла, а мое имя и работа становились известными специалистам во всем Союзе.

В фотоальбоме представлены некоторые из общих снимков участников конференции (основная часть которых оставалась неизменной и на последующих конференциях).

После проведения на высоком научном и организационном уровне Выездного заседания секции «Теории информации» Центрального Правления

НТО РЭС им. А. С. Попова, Харьковское отделение общества А. С. Попова предложило по этому направлению создать областной постоянно действующий научно-технический семинар при Доме техники. Такой семинар был создан. Кроме того, при очередном переоформлении документов на специализированный совет, я создал Региональный специализированный совет. Хотя это был кандидатский спецсовет, в Региональный совет можно было, в отличие от обычного кандидатского совета, включать ученых из других городов. Я включил Б. Г. Марченко (Киев), Я. П. Драгана (Львов), А. П. Трифонова (Воронеж). Тем самым центром деятельности научных школ («незримый научный коллектив», как его иногда называли, особенно на Западе) стал город Харьков. На нашем областном семинаре «Теория и техника представления и обработки случайных сигналов и полей» стали заслушиваться работы представителей научных школ Харькова, Киева, Львова, Черкасс, Воронежа, Казани и вновь появляющиеся работы нашего направления.

Мы с Ярославом Петровичем Драганом обдумывали, как объединить различные научные школы, чтобы они совместно представляли единое широкое научное направление. Для этого, как мы решили, должен существовать свой постоянно действующий научный семинар, нужно иметь свой специализированный совет по защитам диссертаций, иметь свою всесоюзную конференцию и публиковать статьи в одном журнале.

Такую программу наметили на ближайшие годы, но на повестке дня стояла защита моей докторской диссертации.

Виктор Александрович Омельченко перед защитой докторской диссертации (1986 г.)

4.3. Этапы защиты докторской диссертации

Первый раз диссертация была представлена к защите в 1980 г., но по «политическим» соображениям представление было аннулировано — вместо термина «может быть представлена к защите»

в выписке из протокола расширенного заседания кафедры было написано «рекомендуется дальнейшая апробация работы». Замечу, у меня тогда спрашивали, устраивает ли меня такая формулировка, и я, тогда неграмотный в области ВАКовских дел и, не ожидая подвоха, дал согласие.

Когда в тот период я обратился к председателю докторского спецсовета ХГУ профессору Олегу Александровичу Третьякову, он первый раз объективно притормозил продвижение диссертации к защите. Это было действительно необходимо. Направленность моей диссертации соответствовала разделу «Вероятностные модели явлений и обработка сигналов» специальности «Радиофизика», а спецсовет при ХГУ был составлен для другого раздела – «Распространение радиоволн». Если в специализированном совете рассматривается диссертация формально по той же специальности «Радиофизика», но в совете нет настоящих специалистов по теме диссертации, должна быть 100-процентная уверенность в правильности всех результатов работы. Существование признанной специалистами монографии и давало такую гарантию. Поэтому опубликование монографии «Основы спектральной теории распознавания сигналов» в конкретных условиях спецсовета ХГУ было объективно необходимо.

Во время передачи диссертации в спецсовет ХГУ для предварительного ознакомления, проректором по научной работе ХИРЭ ещё был профессор А. Г. Шеин и он же периодически выполнял обязанности ректора института во время болезни последнего. Профессор А. Г. Шеин, кото-

рый сам направил мою работу в русло специальности «Радиофизика», поддерживал меня. Сразу же после передачи диссертации в ХГУ начались «кляузы» на меня и работу; профессор А. Г. Шеин подтверждал по телефону, что он поддерживает мою диссертацию и мою кандидатуру.

Когда действующий ректор скончался, завершилась борьба между профессором А. Г. Шейным и секретарём парткома В. В. Свиридовым за должность ректора ХИРЭ. Победил представитель партии — В. В. Свиридов был не только секретарём парткома института, но и членом Ревизионной комиссии ЦК КПУ в Киеве и, кроме того, имел знакомство в Министерстве высшего и среднего специального образования СССР в Москве. В. В. Свиридов стал ректором ХИРЭ, а А. Г. Шеина «убрали» из института, естественно, как делали в таких случаях, — с повышением. Его назначили ректором Симферопольского государственного университета.

Ситуацией мгновенно воспользовался мой ведущий кафедрой доцент И. Н. Пресняков. Как он сам мне признавался, он переговорил с женой профессора О. А. Третьякова, которая работала доцентом на одной из кафедр ХИРЭ, и с ее подачи О. А. Третьяков, уже на субъективной основе, приостановил продвижение диссертации к защите. Олег Александрович в частной беседе заявил, что, как минимум, для защиты диссертации надо иметь согласие заведующего кафедрой.

— Я уже пять с половиной лет хожу с диссертацией, — все администрация предлагает чего-то ждать, — сколько можно? Монография опубли-

кована и известна в Союзе. Как советовал мой учитель профессор Б. Г. Марченко, вот-вот я проведу конференцию (имелся ввиду Выездной семинар Б. Р. Левина), приглашу ведущих специалистов в радиотехнике и доложу работу широкому кругу специалистов, — пояснил я.

— ХИРЭ — одна из наиболее «кляузных» организаций Харькова, — заметил Олег Александрович, — только одна организация, пожалуй, еще хуже ХИРЭ. И это следует учитывать в работе, в том числе, и нам, в специализированном совете. Мы не отказываемся принять к защите диссертацию. Можете официально говорить, что в специализированном совете большая очередь и до истечения срока действия спецсовета диссертация не успеет пройти все необходимые процедуры. Она будет рассмотрена в спецсовете после его переутверждения. Реально же, — продолжал О. А. Третьяков, — сейчас идет очередной процесс оптимизации сети специализированных советов в СССР. ВАК нас уже предупредил, что хотя к нашему спецсовету нет абсолютно никаких претензий, совет не попадает в оптимизированную сеть спецсоветов и не будет переутвержден. Откройте у нас спецсовет и вы первым будете в нем защищаться, — заявил Олег Александрович.

Ничего себе — чтобы защититься, надо, ни мало, ни много, создать докторский спецсовет. Это, как отмечено, происходило незадолго до проведения в Туапсе Выездного семинара профессора Б. Р. Левина. Чуть позже, как уже сказано, этот семинар был успешно проведён.

Для решения задачи создания спецсовета, поставленной профессором О. А. Третьяковым, использовались харьковские возможности. Павел Юрьевич Бажанов свел меня с коллегами из ВИРТА, которые и добились в ВАКе создания в ХГУ открытого и закрытого спецсоветов.

Таким образом, вопрос о защите моей диссертации принципиально был решен.

Профессор О. А. Третьяков был бессменным председателем открытого спецсовета по «Радиофизике», а моя диссертация из-за прикладных задач лучше подходила для закрытого спецсовета по этой специальности. Там он был лишь членом спецсовета и в этом ранге мог быть 1-м оппонентом по диссертации от спецсовета. Остальными оппонентами планировались профессора Б. Г. Марченко и А. П. Трифонов. Профессор О. А. Третьяков по собственной инициативе взялся контролировать переработку диссертации под спецсовет с учетом требований ВАКа в этой области.

Для переработки диссертации под требования спецсовета и оппонентов я заранее подготовил что-то в виде месячного творческого отпуска. Фактически это была обязательная для преподавателей стажировка для повышения квалификации. Она была запланирована еще при А. Г. Шейне. В течение этого месячного периода последний вариант диссертации и соответствующий автореферат были подготовлены и нужно было с другими официальными документами передать их в закрытый спецсовет ХГУ.

Однако, «враг не дремлет». Если мы, профессионалы, занимались своим делом и лишь время от

времени отвлекались для преодоления преград, выдвигаемых из политических соображений, для партийно-административных деятелей «подковерная борьба» и «закулисные махинации» являлись основным полем деятельности. Они всегда во всеоружии и готовы к «военным действиям». При этом не упускались никакие мелочи.

Так, в период подготовки окончательного варианта диссертации один из «старых» партийных работников подошел к сотрудникам моей научной группы и передал настоятельную рекомендацию заведующего кафедрой не помогать Виктору Александровичу при оформлении диссертации. Хотя мои сотрудники и передали мне этот разговор, фактически они, ссылаясь на объективные обстоятельства, частично отстранились от такой помощи. Мне пришлось в срочном порядке научиться печатать на пишущей машинке (тогда еще не было компьютеров!) и самостоятельно в закрытой части института печатать автореферат и закрытые фрагменты диссертации. Подготовка диссертационных материалов была завершена и нужно было оформить еще одно представление к защите.

Было собрано расширенное заседание кафедры для решения вопроса о представлении диссертации к защите. И тут проявилось явное намерение И. Н. Преснякова сорвать «представление». Для начала он заставил минут 15 ждать всех собравшихся, заявил, что был якобы занят и поэтому опоздал. Во время доклада и при его обсуждении И. Н. Пресняков пытался «вставлять шпильки». Меня поддерживали присутствующие

профессора — Н. Д. Колпаков и Я. С. Шифрин; профессор Н.И. Кравченко всегда держался в стороне от «кляузных дел» и сдержанно присоединился к указанным профессорам, которые четко придерживались мнения, что работу В. А. Омельченко необходимо представить к защите.

Окончательную точку в обсуждении диссертации на расширенном заседании кафедры поставил профессор Я. С. Шифрин, пользовавшийся в институте непререкаемым авторитетом: «Виктор Александрович — серьезный и вдумчивый ученый. Он сам решит, нужно ли далее перерабатывать диссертацию или же продолжить ее апробацию. Я принимаю решение — представить диссертацию доцента В. А. Омельченко к защите».

В это время председательствующий завкафедрой И. Н. Пресняков с физиономией, красной как вареный рак, подпрыгивая как чертик из табакерки, выкрикивал: «Продолжить апробацию, продолжить апробацию, продолжить апробацию...»

В ХГУ, когда в очередной раз я встретился с ученым секретарем специализированного совета, он с тревогой спросил: «Что у Вас написано в представлении? И. Н. Пресняков сообщил, что были рекомендации продолжить работу над диссертацией и апробацию ее материалов». Я успокоил секретаря, говоря, что уже давно разобрался в требованиях ВАКа к документам и все подготовлено на высшем уровне.

В период официальной работы спецсовета с диссертацией, ее направили на рецензию в ВИРТА к ведущим специалистам в области радиолокации, а также специалистам по прикладным

задачам диссертации. Те же, не имея в ВИРГА на кафедре Высшей математики специалистов соответствующего профиля, отправили диссертацию на рецензию в ХГУ на факультет, который был моей второй альма-матер – механико-математический факультет. Везде была дана положительная оценка, и наступил результирующий этап – доклад на расширенном заседании кафедры О. А. Третьякова, которая курировала специальность «Радиофизика». Даже здесь, где все – и кафедра, и приглашённые специалисты без тени сомнения высказывались за представление диссертации к защите, один из военных профессоров, которого я, по простоте душевной, «выпустил из рук» и по пустяковому вопросу «замкнул» на И. Н. Преснякова, при обсуждении вякнул: «Я, конечно, за представление к защите, но у нас, в теории связи, все это давно известно».

Вот так, не давай слабинки, пока вопрос окончательно не будет решён. Но ведь с работой этот профессор был знаком. Замечание было сделано не из-за недопонимания, а с политическим подтекстом. Этот профессор, как начальник кафедры, где служил Паша Бажанов, обсуждал с нами статьи, которые мы с Павлом Юрьевичем публиковали в военных журналах. На этих обсуждениях начальник кафедры соглашался со всем, что мы отправляли в печать, а это были работы того же, моего научного направления.

Диссертация окончательно оказалась в специализированном совете и была представлена к защите. Разосланы авторефераты, готовились отзывы оппонентов и ведущей организации, контро-

лировались отзывы на авторефераты. И в этом момент пришла очередная «кляуза» в спецсовет.

На этом этапе ректорат ХИРЭ уже принял решение поддерживать В. А. Омельченко и когда узнали об очередной «кляузе», ректор института профессор В. В. Свиридов расвирепел: «Ректорат принял официальное решение поддерживать В. А. Омельченко. Кто-то продолжает свои персональные политические игры. Скажите мне, кто это, и я на следующий же день выгоню его из института».

На защиту диссертации ректор официально для поддержки от имени института направил проректора по научной работе профессора Э. Г. Петрова (он опасался, что из-за «накладки» мог сам не успеть), но пришел и сам. Защита прошла с блеском. Проректор института, при выступлении, дал мне отменную характеристику. Один из членов спецсовета — член-корреспондент АН УССР — поблагодарил меня, пожал руку, сказал, что давно не получал такого удовольствия от защиты диссертаций.

Показательно, что меня пытались достать и в ВАКе. В «Бюллетене ВАК СССР» была заметка о кляузах, которые приходят в московский ВАК. И замечание об одной из них я отнес к себе, как по сроку ее появления, так и по содержанию. ВАК писал: «Иногда, так называемые, «сигналы» доходят до анекдотического уровня. Так, об одном соискателе докторской степени из Харькова писали, что он имеет почти в центре города дачу; сам не пьет, но устраивает пьянки для коллег». Все совпадает! Моя дача-кабинет почти в центре города, прибы-

вающие в Харькове коллеги из других городов для участия в работе специализированного совета или областного семинара, естественно, как принято, принимались у меня на Журавлевке.

Защита прошла, документы подготовлены и отправлены в ВАК, а когда возвратилась открытка из ВАКа, что диссертационное дело получено, буквально через пяток дней я был приглашен в Киев, в наше министерство, для вручения мне диплома. В нем значилось, что «Решением Высшей Аттестационной Комиссии при Совете Министров СССР от 6 марта 1987 года Омельченко Виктору Александровичу присуждена ученая степень доктора физико-математических наук».

Когда мой первый оппонент Олег Александрович Третьяков поинтересовался, как продвигается в ВАКе диссертационное дело, то, узнав о результате, удивился: «Даже если бегом носить дело из кабинета в кабинет, нельзя успеть утвердить диссертацию так быстро». Я ответил: «Мне неизвестны ВАКовские процедуры. Могу лишь предположить, что ведущие ученые Москвы давно и хорошо знают мою работу, а среди них есть, конечно, и члены ВАКа, и поэтому работу, наверное, просто не рассматривали в обычном порядке, а передали, образно говоря, со входа на выход».

Позже Олег Александрович, который часто посещал ВАК, сообщил мне, что мое диссертационное дело полтора года простояло на стенде, как пример идеального оформления диссертационных дел.

Вот так закончился 18-ти летний путь от кандидатской до докторской диссертации. Трудно-

сти прохождения этого пути у всех бывали разными. «Система» придумывала барьеры, чтобы на их преодоление уходило в среднем по стране именно 18 лет. Здесь же я рассказал о прохождении этого пути беспартийным в партийно-административной системе, в конкретных институтах и при конкретных партийно-административных деятелях.

4.4. Работа в докторском ранге

После защиты диссертации обстановка резко изменилась. Молодых докторов наук (т.е. непенсионного возраста) было, как говорится, раз, два и обчелся. Сразу же после утверждения диссертации ректор ХИРЭ профессор В. В. Свиридов пригласил меня и предложил «взять» кафедру «Высшая математика». Я ответил:

— Валентин Викторович, я не стремлюсь к заведованию кафедрой. Однако, если мне поручат, буду добросовестно работать, но профиль кафедры должен быть в направлении моих научных интересов — что-то в плане теории вероятностей, случайных процессов и математической статистики.

— Институт у нас маленький. Уже существует две кафедры математики, и нас не поймут, если я открою еще одну. В любом случае, я понял, что Вам нужно. Когда надумаете, заходите, — ответил ректор.

На этом разговор и закончился. Я подумал про себя о кафедрах ТЭС, которые существуют во всех

связных вузах страны. По опыту МЭИСа я знал, что на такой кафедре может быть также ряд математических дисциплин. Однако в голове роились другие планы и я промолчал о подобной возможности, да и позже не поставил такой вопрос.

Были и другие предложения. Так, в тот период с Западной Украины выходили на меня и предлагали перейти к ним работать.

Аналогичное предложение было и от одного из моих коллег А. Т. Трофимова, с которым я познакомился ещё на конференции в Воронеже в 1983 году. Он после защиты докторской диссертации стал завкафедрой и проректором по научной работе в Новгородском политехническом институте. А. Т. Трофимов, несколько позже, на нашей конференции, также приглашал меня стать завкафедрой высшей математики в его институте.

В нашем же ХИРЭ проректора по научной работе, сначала Э. Г. Петров, затем Е. П. Путятин, уговаривали и настаивали, чтобы я «взял» кафедру «Высшая математика». Так продолжалось несколько лет. Профессор Э. Г. Петров всё дopyпывался, почему я не хочу стать заведующим кафедрой. Я ответил: «Я накопил много данных в области учебного процесса и в научных делах и хочу написать пару добротных книг по этим направлениям». (Я тогда не подозревал, что реализация этой «задумки» в наших условиях займет десять лет и выльется в десяток книг. Напомню, что в то время у меня уже было две опубликованные книги). Проректору я не сказал, что есть и ограничения, связанные со здоровьем.

После защиты докторской диссертации я больше думал о дальнейшем развитии научно-го направления, обобщающего работы наших научных школ. Важно было продолжить популяризацию научных результатов на уровне всесоюзных конференций, начатую на Выездном семинаре Б. Р. Левина. Вместе с Ярославом Петровичем Драганом мы выбрали название будущей конференций — «Методы представления и обработки случайных сигналов и полей». Назвали её «1-я Всесоюзная школа-семинар» и организовали под эгидой самых авторитетных в стране организаций — Научного совета по проблеме «Статистическая радиофизика» АН СССР и Центрального правления научно-технического общества радиотехники, электроники и связи имени А. С. Попова, а также нашего института. В программный и организационный комитет включили десятки видных ученых Харькова и Союза. Председателем программного комитета «записали» академика А. Я. Усикова, директора ИРЭ АН УССР, а председателем организационного комитета — ректора ХИРЭ профессора В. В. Свиридова.

Вот здесь уже администрация института действительно подключилась к проведению конференции; она решила, что условия в нашем спортивно-оздоровительном лагере «Электрон» около Туаспе недостаточно хороши и договорилась с туапсинским райкомом партии о проведении Всесоюзной школы-семинара в пустующем санатории партийных работников одного из городов Краснодарского края.

Уровень научной общественности, представленной на конференции, уровень организации и великолепные условия проживания были такими, что о конференции заговорили во всем Союзе. Так, известный московский профессор, автор книг, Ю. Г. Сосулин, при встрече в Москве сказал:

– Виктор Александрович, все только и говорят о туапсинской конференции, а я там не был.

– Мы Вас приглашали, но Вы прислали к нам какого-то аспиранта. В следующий раз обязательно снова пригласим, а Вы уж сами приезжайте лично, – отреагировал я.

Конференция конференцией, но кроме дел, касающихся всех наших научных школ, стоял естественный вопрос личного характера о получении после докторской степени профессорского звания.

Как всегда, все серьезные вопросы я решал по максимуму, с запасом. Поэтому решил «под звание» профессора написать серьезную книгу учебного характера, касающуюся нашего научного направления. Пригласил Бориса Григорьевича Марченко, которого по-прежнему считал своим учителем, совместно поработать над книгой. Была подготовлена рукопись книги под названием «Вероятностные модели случайных сигналов и полей в прикладной статистической радиофизике».

На этом этапе, когда я был доктором наук, а завкафедрой – кандидат наук, И. Н. Пресняков со страхом смотрел на меня и при разговорах чуть не заикался; он даже как-то подослал своего «старого» партработника с вопросом, если у него,

Преснякова, с диссертацией не выйдет, не планирую ли я забрать его кафедру.

Как бы там ни было, забыто, что когда-то завкафедрой И. Н. Пресняков строго-настроено запретил что-либо делать на кафедре для В. А. Омельченко, и сейчас как-то само собой вышло, что кафедра занялась подготовкой к печати нашей с Б. Г. Марченко книги. Как позже отмечал И. Н. Пресняков, половина кафедры целый год только и занималась тем, что печатала и перепечатывала книгу Б. Г. Марченко и В. А. Омельченко. (В книге-то всего десяток печатных листов! А какой объем технической работы надо выполнить, чтобы подготовить к печати книгу большего объема?).

Итак, когда я сказал, что меня следует перевести с должности доцента на должность профессора, И. Н. Пресняков, ни слова не возражая, сразу же самостоятельно выполнил все необходимые формальности; когда потребовалось нашу книгу подготовить к печати — И. Н. Пресняков бросил силы кафедры на выполнение этой работы. Воистину, «золотой век», когда завкафедрой — кандидат, а преподаватель — доктор наук.

К сожалению, такие условия просуществовали недолго. Пока мы продвигали в доктора наук представителей наших школ — Ю. П. Кунченко, и Я. П. Драгана, а далее — присоединившегося к нам А. С. Мазманишвили (ХПИ) в спецсовете ХГУ, в нашем Харьковском институте радиоэлектроники не решалось дело о докторском спецсовете. В конце концов, ВАК окончательно и безоговорочно отказал в утверждении спецсовета

при ХИРЭ в области радиотехники, документы по которому готовил И. Н. Пресняков. Поэтому Игорь Николаевич передал свою диссертацию в спецсовет ВИРТА, где председателем был профессор В. Б. Алмазов; последний же, в частной беседе со мной, отметил, что представленная работа будет «долго и мучительно» проходить в спецсовете. Вот здесь и проявилась «клятая» наследственность от моего прадеда Никифора Бендюкова — по первой просьбе «снять с себя и отдать ближнему своему последнюю рубашку». Когда И. Н. Пресняков пожаловался на свое плачевное состояние в плане защиты диссертации, я возьми да брякни: «Я могу пробить спецсовет по радиофизике, но не на физмат науки, а на технические науки. На всех этапах есть нужные люди, которые поддержат такое предложение». И. Н. Пресняков с радостью согласился, и я стал заниматься организацией такого спецсовета. Давно зная указанную мною слабость, профессор Н. А. Хижняк (ХГУ, УФТИ) не раз говаривал: «Бойтесь первого порыва».

Спецсовет я скомпоновал, включив представителей радиофизического факультета ХГУ, а также профессуры из Киева и Москвы. Председателем совета стал ректор ХИРЭ профессор В. В. Свиридов; зам. председателя — проректор по науке профессор Е. П. Пулятин, а вот с ученым секретарем произошла загвоздка. Дело в том, что это был закрытый спецсовет, где по положению ученый секретарь официально считался одним из руководителей совета. Это означало, что в отсутствие председателя совета и его заместителя заседание

мог проводить ученый секретарь и решение совета юридически оставалось действительным. Такое положение не распространялось на открытые советы. По телефону из отдела нашего киевского министерства, который занимался контролем документов, отправляемых в Москву по ВАКовским делам, мне прямым текстом сказали, что как беспартийному мне не могут доверить такой пост. В итоге ректор дал указание вписать кандидатуру члена партии канд. техн. наук И. Н. Преснякова на эту должность.

Все требуемые вопросы на всех уровнях были решены, докторский спецсовет, в который вошла и специальность «Радиофизика» на технические науки, был утвержден и приступил к работе. Вот тут-то и проявились последствия моего альтруизма. Конечно, представители наших школ могли защищать и защищали диссертации: так, Б. Г. Марченко впоследствии защитил докторские диссертации своих учеников; руководство же института стало штамповать докторские степени своих бывших администраторов, которые раньше не могли подняться до докторского уровня. Те же люди, с которыми я проработал два с половиной десятилетия, стали докторами, а далее — профессорами. Всё возвратилось «на круги своя». Даже И. Н. Пресняков, быстренько защитившись, стал раньше меня профессором — как завкафедрой он сразу же после утверждения докторской степени послал документы на звание профессора, т.к. должность завкафедрой считалась профессорской должностью. Мне же надо было отработать в должности профессора не

менее года, а лишь затем посылать документы в ВАК.

Учебное пособие «Вероятностные модели случайных сигналов и полей в прикладной статистической радиофизике», которое писалось «под звание профессора», вышло в свет 1988 году. В июне 1989 г. решением Государственного комитета СССР по народному образованию Омельченко Виктору Александровичу присвоено ученое звание профессора по кафедре радиоприемных устройств.

Раздел 5

Четвертое десятилетие работы в институте — работа в докторско-профессорском ранге (1991 — 2001 гг.)

Каждое десятилетие в жизни и деятельности в вузах имело свои индивидуальные особенности, связанные с моими личными качествами, конкретным окружением и, естественно, законами, установленными командно-административной системой; последнее обстоятельство имело объективный характер. В этом плане девяностые годы имели принципиально другие особенности, несомненно, также объективного характера. Распался Советский Союз, образовались отдельные независимые государства, в том числе, Украина. На территории СНГ, как стали называть территорию бывшего СССР, стал развиваться капитализм, причем в самой дикой форме — шло первоначальное накопление капитала. Резко ухудшилось материальное положение сотрудников системы образования.

Зарплата научно-педагогических сотрудников упала до 10 долларов в месяц. Последствия болезни печени (вирусный гепатит В и осложнение) на годы ограничились мою возможность заняться предлагаемой административной работой — либо взять существующую кафедру «Выс-

шая математика», либо создавать кафедру ТПС (или ТЭС), ориентируясь на перспективу развития в ХИРЭ связных специальностей. Я пошел по проторенной дорожке — начал писать книги, что привело к написанию и изданию десятка книг за 10 лет; занимался конференциями, планируя выступать не только как один из основных организаторов конференций, но и как теоретик, создающий единую теорию, охватывающую все научные направления, которые были представлены на наших конференциях; занимался на разных уровнях созданием, руководством и работой в специализированных советах. Намерения все это делать, оставаясь на прежней кафедре, закончилось тем, что как только перешел рубеж пенсионного возраста, пришлось написать заявление о выходе на пенсию для оформления научной пенсии, но в сложившейся обстановке не возвращаться для продолжения работы.

Остановимся на особенностях работы в этом, четвертом десятилетии деятельности, в более или менее систематизированном виде.

5.1. Работа над книгами

Лев Матвеевич Финк как-то писал, что он сломал ногу, долго лежал в больнице, т.к. кость не срасталась, и, чтобы чем-то себя занять, начал писать. Получалось неплохо, и Л. М. Финк стал писать книги. У меня получилось аналогично. Лежал в инфекционной больнице с вирусным гепатитом В и, чтобы не замыкаться мыслями на

болезнь, взялся писать на знакомую тему — более подробно стал описывать вопросы, изложенные в диссертации, в ее первой части.

Первая книга, «Распознавание сигналов по спектру в условиях априорной неопределенности» (1979 г.), которая вышла как учебное пособие, отражала в сжатом виде первый вариант докторской диссертации. Вторая книга, «Основы спектральной теории распознавания сигналов» (1983 г.), вышла как монография. Она отражала окончательный вариант диссертации. Здесь же, в больнице, я развил материалы первой части диссертации, описав подробно каждый вид случайных функций и приводя их конкретные примеры. Это учебное пособие «Ортогональные разложения случайных сигналов и полей» (1991 г.).

Когда я отдал рукопись книги в свою научную группу, Олег Александрович Колесников, не информируя меня, добавил из материалов своей диссертации вопросы сравнения базисов и так, без упоминания его имени, книга пошла в печать. Таким образом Олег Александрович «отдал долг» — я дал ему возможность для одного конкретного случая переписать половину моей диссертации, причем, полтора года объяснял и вбивал в голову, как это сделать. Когда, наконец, он понял, что надо делать, то начал эффективно работать; более того, появился новый материал — сравнение базисов по совокупности разных критериев. Этот вопрос в то время пытались решать в разных организациях Союза, но Олег Александрович решил его лучше, чем на тот момент в любом другом коллективе Союза.

Хотя книга вышла как учебное пособие, она отражала научное направление, которое я развивал. Однако, бóльшая часть времени и усилий, которые я, как преподаватель, затрачивал, касалась именно учебного процесса. К началу девяностых годов вышла последняя в Советской Союзе официальная министерская программа курса «Теория электрической связи». Произошло резкое увеличение объема часов, выделяемых на изучение курса — лекции, лабораторные и практические занятия, курсовое проектирование. Никто из прежних авторов учебников по ТПС — ТЭС, в условиях развала Союза и, в частности, деградации высшей школы и науки, не взялся писать новый, расширенный вариант учебника. Прежние варианты учебников при резком увеличении объема учебных часов напоминали краткие популярные брошюры. У меня появилась идея написать свой вариант учебника.

В курсе ТЭС присутствует три принципиально важные направления: теория детерминированных и случайных сигналов, теория информации и кодирования и теория оптимальной обработки сигналов. Есть, конечно, и другие разделы, которые дают связь с изучаемыми позже курсами. Указанные же три направления определяют суть курса ТЭС и больше нигде впоследствии не изучаются.

Я решил написать учебное пособие по каждому из направлений в более расширенном и детализированном варианте, чем это разумно делать в учебнике. Далее, после апробации такого учебного пособия, можно писать и соответствующую часть учебника.

По первому направлению (теория детерминированных и случайных сигналов) в тот же период была написана книга «Вероятностные и детерминистские модели сигналов в электросвязи» (1991 г.). Её содержание частично пересекалось с более ранней книгой «Вероятностные модели случайных сигналов и полей в прикладной статистической радиофизике» (1988 г.), написанной вместе с Б. Г. Марченко. Как я уже упоминал, последняя написана «под профессорское звание». Книга же 1991 года писалась в соответствии с министерской программой по ТЭС.

Как я обычно поступал и раньше, для более глубокого понимания акцентов, которые ставятся на различные разделы курса, я познакомился с преподавателями кафедры ТЭС МЭИСа. Именно на этой кафедре писались программы курса, которые дальше утверждались как в министерстве связи, так и в нашем министерстве образования. Так я вышел на активного преподавателя, одного из авторов последней программы, доцента Владимира Григорьевича Санникова.

Когда еще был жив академик А. А. Харкевич, В. Г. Санников работал на его кафедре в студенческом научном кружке. По словам Владимира Григорьевича, он в студенческие годы слушал лекции А. А. Харкевича. Иногда студенты бунтовали, не в силах перейти от «схематического» мышления к «сигнальному»; тогда А. А. Харкевич приходил прочитать несколько лекций, доходчиво объясняя особенности нового «сигнального языка». А. А. Харкевич обладал редким даром: просто объяснять сложное.

Я стал приглашать В. Г. Санникова на наши конференции. Там я убедился в широком кругозоре и глубоких знаниях Владимира Григорьевича в области связи; все-таки я чувствовал себя радиотехником, частично радиофизиком, математиком — поэтому нужен был связист «до мозга костей». Я пригласил В. Г. Санникова принять участие в написании учебника, хотя уже успел выпустить учебное пособие и почти закончить написание первой части учебника. Мы договорились все делать поровну — объем текста, который напишем, и материальные затраты. Кроме того, Владимир Григорьевич взялся готовить самостоятельно весь иллюстративный материал для учебника.

Возникла еще одна трудность — языковая. В 1991 г. редакция самостоятельно перевела на украинский язык и издала книгу «Ортогональні розклади випадкових сигналів і полів». Редакция предупредила, что далее не будет принимать рукописи, представленные на русском языке. Это был очередной этап «украинизации». Наша первая совместная рукопись, посвященная второму направлению курса, т.е. теории информации и кодирования, успела «проскочить» — рукопись уже была в издательстве. Учебное пособие вышло под названием «Вероятностные и детерминистские модели каналов и проблемы передачи информации в электросвязи» (1992 г.) на русском языке. Для дальнейшей работы над книгами мне пришлось профессионально изучить украинский язык, чтобы мог писать книги, читать лекции и вести занятия на государственном языке. Владимир Григорьевич языка не знал, и при-

шлоось нанимать филологов, владеющих украинским языком, для перевода его частей текста.

Хотя у меня уже была книга, вышедшая на украинском языке, первой самостоятельно написанной мною книгой фактически стала первая часть учебника: «Теорія електричного зв'язку. Частина 1» (1994 р.). Книга имела гриф учебника. Стоит напомнить, что это был первый учебник на радиотехнических факультетах ХПИ и ХИРЭ с момента создания радиофака в ХПИ в 1946 г.

Языковые трудности были не только субъективного характера — в 50 лет изучить украинский язык так, чтобы можно было профессионально на нем работать; были трудности не только экономического плана, когда надо было найти средства для перевода с русского языка на украинский частей текста, написанного В. Г. Санниковым, и выполнить технические работы по подготовке рукописи к печати; неожиданно возникли трудности и политического характера.

Министерством образования Украины был издан приказ, к какому времени необходимо во всех вузах страны перейти в системе образования на государственный язык. Указывалось, что если некоторые преподаватели смогут перейти к преподаванию раньше, их надо поощрять. Соответственно, в нашем институте, который стал называться «Харьковский государственный технический университет радиоэлектроники», был издан приказ о подобном поощрении, что, если кто из преподавателей начнет раньше читать лекции на украинском языке, того ждет 50%-ая надбавка к зарплате. Наивно полагая, что теперь-то словам

можно верить, я прочитал пробную лекцию на украинском языке. Писать книгу — это одно, а читать лекцию — это совсем другое. Но не только в этом сложность! Студенты взбунтовались. Они, с лозунгами: «Требуем, чтобы профессор В. А. Омельченко читал курс «Теория электрической связи» на русском языке», — пошли в деканат. Декан телефонирует завкафедрой — требует, чтобы прекратилось безобразие — чтение лекций на украинском языке. Заведующий кафедрой уговаривает меня возвратиться к русскому языку: «Я знаю, — говорит он, — что Вы не националист. Так зачем Вам это нужно?» Я поясняю, что в соответствии с требованиями редакции я пишу учебник на украинском языке. Поэтому нужна некоторая тренировка — обкатка материала. Завкафедрой за свое: «Все-таки надо отставить украинский язык. Я не могу уже слушать декана — трубка раскаляется — так он кричит».

Мне надоели эти уговоры, и я твердо предложил: «Хватит кулуарных разговоров. Напишите письменно, что Вы или декан запрещаете профессору В. А. Омельченко чтение его курса ТЭС на государственном языке. Должна быть подпись и дата. Но я сразу предупреждаю, что держать в кармане это распоряжение я не стану!». И они сразу, как говорят американцы, «shut up».

Вскоре после этой дискуссии, я пошел к проректору по учебной работе М. М. Быкову, кстати, моему начальнику по спецсовету. Михаил Макарович на мой вопрос тут же ответил:

— Читать на украинском языке сейчас запрещено. Когда студенты будут сдавать на вступи-

тельных экзаменах украинский язык, будет не только разрешено, но мы будем требовать чтение курсов на украинском языке.

— А как же приказ о поощрении для тех, кто начнет читать раньше? — спросил я.

— А это чтобы у нас было, как у всех, — откровенно ответил проректор.

Вот так! Значит, верить «заборным надписям» по-прежнему нельзя. Так и закончилась моя попытка читать лекции на украинском языке раньше установленного срока.

К написанию второй части учебника мы, авторы, были морально готовы. Учебное пособие по второму направлению курса ТЭС было опубликовано еще в 1992 году. Нужно было лишь написать и подготовить к изданию текст книги. Если первая часть учебника была почти вся написана мною, на этом этапе Владимир Григорьевич подключился как соавтор и представил значительный объем материала. Мне пришлось, как научному редактору, разгрузить представленный материал, переведя немалую ее часть в приложения.

Чтобы подготовить к изданию книгу большого объема (как позже выяснилось — 590 стр. текста учебника), я попросил дать мне небольшой творческий отпуск. Конечно, И. Н. Пресняков был против. Тогда я пошел к своему начальнику по спецсовету — проректору по учебной работе М. М. Быкову:

— Михаил Макарович! Чтобы вторая часть учебника попала в план издательства на 1995 год, прошу дать мне творческий отпуск для выполне-

ния технических работ по подготовке книги к изданию, — обратился я к М. М. Быкову.

— Нужно решение кафедры и решение Совета факультета, — отреагировал проректор.

— Сейчас трудное время. Завкафедрой думает лишь как выжить и чуть-чуть заглядывает в завтрашний день. Конечно И. Н. Пресняков против. Но кто-нибудь в институте должен думать, как будем жить послезавтра и позже?

Михаил Макарович задумался на несколько секунд и затем произнес:

— Институту нужны учебники. Скажите И. Н. Преснякову, что я — за.

Я повернулся, пошел и, когда уже приоткрыл дверь, выходя из кабинета проректора, услышал:

— А еще скажите И. Н. Преснякову, что, если заведующий кафедрой мешает изданию учебника, мы подумаем, нужен ли такой завкафедрой.

— Я этого передавать не буду. Если Вы считаете необходимым, скажите сами, — отозвался я.

На кафедре я передал И. Н. Преснякову, что проректор по учебной работе — за предоставление мне творческого отпуска для оформления книги к печати. Больше мне ничего не пришлось делать. И. Н. Пресняков рванул выполнять волю начальства — сделал все, что необходимо и приказ о предоставлении творческого отпуска был подписан.

Все подготовительные работы были выполнены, вторая часть учебника «Теория электричного зв'язку. Частина 2» попала в план издательства и вышла в свет в 1995 г.

Материальные трудности в 90-е годы были всегда. Однако, они обострились при подготовке

третьей части учебника. Гуманитарии-переводчицы никогда не взяли бы за перевод материалов В. Г. Санникова с русского языка на украинский за государственную плату. Они требовали «коммерческих расценок». Такие материальные затраты были уже не под силу Владимиру Григорьевичу и он попросил меня принять участие в оплате труда переводчиц.

По научным работам финансирование планировалось только в рамках оплаты штатных сотрудников. В этих условиях, я, как научный руководитель группы, решил передать свою годовую зарплату для оплаты почасовиков-переводчиц. Даже это было сделать юридически не просто — планировать работу над учебником по научной тематике не полагалось. Пришлось обойти проректоров по учебной, научной работе, ректора, а также руководителей тематик других факультетов. Только после создания соответствующего общественного мнения удалось на своем же факультете, на своей кафедре в рамках запланированного финансирования моей научной тематики запланировать такую работу. (Заметим, за мой же счет!).

Работа была выполнена, книга была вовремя подготовлена к печати и вышла в свет в 1997 году. Однако возникло сразу две трудности. Во-первых, заморозили зарплату, и переводчицы, которым планировалась зарплата по моей научной тематике, её лишились. Переводчицы пустили слух: «В. А. Омельченко нанял нас на работу; мы работу выполнили, а он нам не заплатил». Во-вторых, институт находился в таком плачевном

экономическом состоянии, что не мог оплатить работу издательства по изданию учебника.

По первому, персональному, вопросу я переформулировал ситуацию так. «Система» наказывает тех, кто делает больше положенного. Так, за то, что я впервые за полстолетия существования радиофака в ХПИ и ХИРЭ написал и издал учебник, меня лишили зарплаты по совместительству за год. То есть, если бы я не выполнял эту работу, я получил бы зарплату, как все руководители научных тематик в институте. Но я выполнил эту большую работу и, в итоге, оказался без годовой зарплаты. Если Вы считаете это правильным, я подумаю, нужна ли мне организация, которая наказывает за выполнение дополнительной большой и нужной работы. Если же считаете такое положение вещей неправильным, решайте вопрос на неформальном, субъективном уровне.

Второй вопрос об оплате работы издательства оказался сложнее. Я обошел, как и с первым вопросом, проректоров и ректора. Проректор по научной работе профессор Е. П. Путятин даже, когда я лишь открывал дверь в его кабинет, сразу же из-за стола встречал меня возгласом: «Виктор Александрович! Денег нет!». Проректор по учебной работе по моей просьбе поручил И. Н. Преснякову решить этот вопрос на уровне одной из государственных комиссий, куда последний входил. Ничего не вышло.

В это время институту предложили научную тематику по моему направлению с хорошим финансированием. Тогда я поставил вопрос об оплате за счет темы затрат издательства за издание

учебника. Средства были очень нужны. И. Н. Пресняков требовал, чтобы я подписал согласие взять тему без каких бы то ни было дополнительных условий. Иначе, предлагал он, пусть В. М. Безрук будет руководителем, или же руководителем будет он сам. «Мы будем использовать Ваши результаты со ссылками на публикации», — нагло заявлял И. Н. Пресняков с характерной косою ухмылкой. В конечном итоге этот вопрос обсуждался с ректором; было решено, что предлагаемый пункт оплаты работы издательства у заказчика не пройдет, а сама тема так и не была взята, без выполнения условия, которое я ставил.

Вся эта эпопея закончилась неожиданно. Издательство заявило, что В. А. Омельченко является одним из старейших авторов, которые публикуются в издательстве; он является одним из наиболее квалифицированных авторов, и поэтому издательство выступает как спонсор при издании учебника. Авторам при этом полагается гонорар за изданную книгу.

Гонорар был выдан «натурой» — двадцать процентов от всего тиража книг; 140 экземпляров до сих пор лежит в моей библиотеке на даче-кабинете. В денежном исчислении это была бы немалая по тем временам сумма — себестоимость одного экземпляра книги — 5 долларов (при зарплате научных и педагогических работников в тот период порядка 10 долларов в месяц).

Вопрос с оплатой переводчиц тоже решился. Как раз в 1997 году я получил Соросовский грант и почетное звание «Соросовский профессор». Это позволило расплатиться с сотрудниками.

Так закончилось «хождение по мукам» при подготовке к изданию и издании учебника «Теория электронного зв'язку» в трех книгах. Общий объем книг – 1530 стр., т.е., 89,19 усл. печ. листов. Это был первый, как я уже отмечал, за полстолетия учебник, написанный на радиотехнических факультетах ХПИ – ХИРЭ. Как говорили в ректорате, это был 6-й учебник за почти 70-ти летнюю историю существования института.

Здесь мы рассматриваем особенности опубликования книг, а не проведение конференций, хотя эти вопросы взаимосвязаны. На особенностях проведения конференций остановимся позже. Сейчас лишь упомянем, что мы отказались от конференций «Методы представления и обработки случайных сигналов и полей», которая перешла в ведение института, и начали проводить конференции непосредственно в нашей области – это «Вероятностные модели и обработка случайных сигналов и полей». На основании результатов конференций я начал формировать сборники научных трудов, составляя из отдельных статей общую картину наших научных направлений. Я видел эти сборники, как цельные мозаичные картины, характеризующие эти направления. Это книги:

– «Вероятностные модели и обработка случайных сигналов и полей» (1991 г.); в книге отражено содержание украинской школы-семинара с аналогичным названием (г. Харьков, 1990);

– «Імовірнісні моделі та обробка випадкових сигналів та полів», где обобщались материалы

международного симпозиума с этим же названием (Харьков — Тернополь, 1992).

Такая форма представления сложившихся научных направлений оказалась неэффективной — читатели не представляли всю картину в целом, т.е. не видели цельной книги в представленных сборниках.

В тот период времени — восьмидесятые-девяностые годы — уже начали появляться коллективные монографии. «Мощный» профессор собирает коллектив авторов и предлагает каждому из них написать некоторый фрагмент книги, который вписывался бы в общую картину, видимую «внутренним взором» этого профессора. Главное, что это единая работа; коллектив авторов указывается на титульном листе, а не у главы или пункта, написанных конкретным автором. При таком представлении материалов читатель, в первую очередь, интересуется содержанием книги, а не авторами.

Я решил поступить аналогично. Разработал структуру книги, рекомендации по написанию каждой главы и предложил руководителям школ к определенному сроку представить соответствующие материалы. К этой работе подключился Ярослав Петрович Драган. Он взялся, совместно со своим учеником из Тернополя Б. И. Яворским, перевести разделы книги, представленные на русском языке, и организовать ее издание. Так появилась коллективная монография «Прикладна теорія випадкових процесів і полів» под редакцией Я. П. Драгана и В. А. Омельченко (Харьків — Львів — Тернопіль, 1993 р.). Коллектив авто-

ров: Я. П. Драган, К. К. Васильев, В. А. Казаков, Ю. П. Кунченко, В. А. Омельченко, А. П. Трифонов. К сожалению, Б. Г. Марченко (по-видимому, из политических соображений) отказался войти в авторский коллектив, хотя основные его результаты, опубликованные раньше, были включены нами в книгу.

Совокупность научных направлений я образно представлял как «ветви» могучего дерева, где каждое направление — отдельная «ветвь». У меня была тоже своя «ветвь» — ортогональные разложения случайных сигналов и полей. Более того, как дипломированный математик, я чувствовал, что все эти «ветви» идут из одного источника и, если достаточно углубиться, можно все их математически описать на едином «языке»; кроме того, можно найти взаимосвязь различных «ветвей».

Б. Г. Марченко собрал нас два десятилетия назад и руководил конференциями десятков лет; следующее десятилетие мы, более молодые, взяли дело в свои руки. Указанная коллективная монография была серьезной заявкой на создание единого широкого научного направления. Как-то я подсчитывал, сколько диссертаций защищено за этот период. Оказалось, что вместе с руководителями научных школ защищено не менее 20 докторских и не менее 100 кандидатских диссертаций.

Украинский язык малопонятен на территории СНГ. Для более широкой популяризации работ наших научных школ К. К. Васильев предложил издать русскоязычный вариант монографии у

себя в Ульяновске. Пришлось еще раз переводить некоторые тексты — на это раз с украинского на русский язык. Второе, расширенное издание монографии с привлечением новых соавторов, вышло в 1995 г.: «Прикладная теория случайных процессов и полей» под редакцией К. К. Васильева и В. А. Омельченко, Ульяновск. Авторский коллектив: К. К. Васильев, Я. П. Драган, В. А. Казаков, В. Р. Крошенинников, Ю. П. Кунченко, В. А. Омельченко, А. П. Трифонов, А. А. Спектор.

У меня были планы самостоятельной реализации идеи описания «всего дерева», начиная от «корней» и захватывая «ветви». Однако, ей не суждено было осуществиться — не успел.

Вторая и третья книга нашего учебника «Теория электричного зв'язку» вышли, соответственно в 1995 и 1997 годах. Это не значит, что мы занимались только техническими и организационными вопросами. В тот период у меня возникла идея написать отдельную книгу совместно с основными членами моей научной группы.

Основания для подготовки такой книги уже созрели. Дело в том, что к середине 90-х годов В. И. Алехин начал «отдавать долги». Если в 80-м году по указанию секретаря парткома В. В. Свиридова он ликвидировал представление докторской диссертации к защите, запрещал мне продолжать работать над диссертацией, убрал с кафедры, запретил И. В. Корытцеву указывать в диссертации мое имя, как научного консультанта (а я им был и официально, и по существу с самого начала), в данный же период он по своей инициативе ввел для радистов мой спецкурс

по вероятностным моделям. Еще раньше, во времена А. Г. Шеина, после защиты диссертации, я рвался обучать аспирантов современным вопросам статистической радиотехники; тогда я и прочитал соответствующий спецкурс в этой области. Однако, из-за неудобства такой нагрузки и других причин, спецкурс долго не просуществовал. Здесь же, В. И. Алехин предложил читать полнометражный спецкурс для всех групп на радиотехническом факультете. К середине 90-х годов курс уже сложился; более того, В. М. Безрук хорошо изучил оригинальные работы Ю. С. Харина (г. Минск) и, в первую очередь, книгу «Практикум на ЭВМ по математической статистике» и добавил в спецкурсе лекции по теории моделирования, а также по моделированию ряда разработанных в моей научной группе вероятностных моделей. В этих условиях я предложил Я. П. Драгану, как и в коллективных монографиях, объединить наши результаты, а моим сотрудникам Анатолию Васильевичу Омельченко и Олегу Александровичу Колесникову добавить задачи по теме книги и дать их решения. Так получился задачник — «Імовірнісні моделі випадкових сигналів та полів у прикладах і задачах» (1995 р.) авторов В. А. Омельченко, В. М. Безрука, Я. П. Драгана, О. А. Колесникова, А. В. Омельченко.

Учебный процесс натолкнул меня на новую более широкую область работы по подготовке и изданию книг. Дело началось с пустяка. Одна студентка, Алина, как-то подошла на лекции и попросила дать ей заранее задание по курсовому проектированию по курсу ТЭС, т.к. она собира-

лась замуж и хотела освободить время для соответствующих мероприятий. Естественно, я дал ей задание. Однако, важнее другое. Студенты подхватили и расширили эту идею — они хотели работать со мною по курсу, выполняя конкретную работу. Началась работа, которая тянулась несколько лет.

Прежде всего, нужно было написать сокращенный раз в два — два с половиной вариант учебника «Теория электричного зв'язку», чтобы можно было его издать одной книгой. Курс я читал на украинском языке, но была часть слушателей, иностранцы, которые лишь кое-как овладели русским языком; для них, да и для некоторых «наших» студентов, нужно было организовать и русскоязычный вариант такой книги. Если же смотреть в будущее, то «завтра или послезавтра» понадобится и англоязычный вариант книги. Я организовал значительную часть потока (а поток у меня насчитывал порядка 150 человек) для работы над различными небольшими фрагментами этого направления — подготовки сжатого варианта учебника на украинском, русском и английском языках.

Второе направление — это работа в области теории вероятностей в широком смысле. Кафедра высшей математики в силу недостаточно высокой квалификации в этой области математики, не могла подготовить студентов по разделам «Теория вероятностей», «Теория случайных процессов» и «Математическая статистика» так, как это необходимо для качественного изложения курса ТЭС. Поэтому после долгих упрашиваний

со стороны нашей кафедры, я согласился читать соответствующий курс «Теорія ймовірностей у електрозв'язку». Основным доводом для меня оказался язык — кафедра математики читала соответствующие вопросы на русском языке, а я читал курс ТЭС на украинском. Студенты при этом не смогли понять даже терминологию.

В течение трех лет я «ставил» курс — видоизменял соотношения частей курса, привязывал излагаемый материал к соответствующим разделам курса ТЭС. Параллельно писалась соответствующая книга. Здесь, в полной мере, проявилась моя подготовка и как дипломированного инженера, и как дипломированного математика. Книга была готова для передачи в печать в 2000 году. Однако из-за экономических причин (проявившихся при издании учебника по ТЭС), учебное пособие под названием «Теорія ймовірностей у електрозв'язку» так и не было опубликовано. По моим данным, такой книги не существовало в мировой литературе.

Заметим, что работы по подготовке этой рукописи на русском и английском языках также проводились и были подготовлены соответствующие материалы.

Третье направление — подготовка словарей терминов. Профессионально направленных словарей в нашей области в то время почти не существовало — они только начали разрабатываться и публиковаться. Чтобы найти профессиональные термины, преподавателю нужно было очень хорошо потрудиться.

Готовились трехязычные словари (украинско-русско-английские) терминологии в теории

электрической связи. Причем, для облегчения работы с терминами, независимо от языка изучаемого текста, словари готовились в трех вариантах: сначала первым шли украинские термины, затем первыми шли русские термины, и, наконец, первыми шли английские термины.

Аналогично готовились словари применительно к курсу «Теорія ймовірностей у електрозв'язку». Был подготовлен трехязычный терминологический словарь по теории вероятностей и теории случайных процессов.

В своей педагогической практике я тридцать лет проработал со студентами на русском языке, десять лет я читал курсы и вел занятия на украинском языке; один год пришлось читать лекции и вести занятия на английском языке, который изучил перед шестидесятилетием.

В институте появилась группа англоязычных студентов, которые не знали русского языка. Я взялся вести у них занятия по курсу «Теория информации и кодирования», который перекликался с одним из разделов моего основного курса ТЭС. Пришлось подготовить методические указания для проведения лабораторных работ на английском языке, а также текст лекций. Работая, как обычно, по максимуму, я подготовил на английском языке учебное пособие по курсу «Теория информации и кодирования». Все было готово к изданию, но руководство не нашло возможности выплатить компенсацию за выполненную работу. Мне надоело, что за все труды, за материальные затраты, которые приходилось нести при подготовке к изданию и издании книг,

начальство лишь «похлопывает по плечу»: «Молодец, Виктор Александрович»; или же выдает какую-нибудь «бумажку» — грамоту, да благодарность в приказе. Так что эта англоязычная книжка так и не была опубликована.

Во второй половине 90-х годов появилась возможность опубликовать третье, англоязычное, зарубежное издание нашей коллективной монографии «Прикладная теория случайных процессов и полей». Была проведена немалая работа по подготовке такого, еще более расширенного, варианта книги, но по субъективной причине в последний момент это «мероприятие» сорвалось.

Была еще одна достаточно оригинальная рукопись, которая так и не увидела свет. Она связана с проблемой В. М. Безрука. Он был хорошим помощником и, по правде говоря, я не смог бы без его участия добиться описанных результатов. Однако у него практически отсутствовало творческое научное начало. Он быстро научился оформлять статьи по готовому материалу и обычная постановка задачи стала такой: В. М. Безрук побегаает-побегаает и, считая, что на статью наработано, спрашивает: «Что еще опубликовать?» Я указывал на вопрос, который не освещен в печати. Если там не было результатов моделирования на ЭВМ, Валерий Михайлович выполнял моделирование и оформлял статью.

Однако я, по старым советским традициям, считал, что для докторской степени нужно хоть один вопрос решить на докторском уровне. Вот для того чтобы помочь своему официальному докторанту, я и подготовил рукопись

«Ймовірнісні моделі та розпізнавання сигналів». Она максимально учитывала особенности и возможности В. М. Безрука — надо было выполнить весьма большой объем моделирования на ЭВМ новых алгоритмов. Если, как было разрешено в советское время, я позволил В. М. Безруку в его аспирантский период переписать половину моей докторской диссертации, делал вид, что он решает некоторую задачу, сейчас писать докторскую диссертацию для В. М. Безрука было бы непозволительной роскошью. Я ставил условие, чтобы на базе изложенной мною в рукописи теории и безруковского моделирования подготовить и опубликовать совместную монографию, а далее на её основе уже защищать ему докторскую диссертацию. Я все ждал подходящих условий для передачи рукописи Валерию Михайловичу, выдавая пока информацию отдельными фрагментами.

Оглядываясь назад, видно, что, кроме опубликованных 15 книг, немалый объем написанных работ, требующих для подготовки к печати большей или меньшей доработки, так и не был завершен.

5.2. Научно-организационная и другие организационные работы

Я не говорю «научная и научно-организационная работа», т.к. по классификации работ в вузе написание профессором книг и является научной работой. Работа же моей научной группы

в 90-е годы свелась к «тиражированию» старых результатов — так это называло институтское начальство на собраниях. Я же называл вещи своими именами — фальсификацией. Менялась лишь терминология, а под нее «подкладывались» старые результаты.

Типичный подход — заменять термины «ставится задача исследовать что-то», «разработать» и т.д. терминами «исследовано», «показано», «разработано» и т.д. Вопросы, которые даже не затронуты, так описывались в информационных отчетах, что хоть медаль выдавай за «полученные» результаты. Как говорил Паша Бажанов, имея в виду посещение студентов в общежитии руководителем группы: «Посетил общежитие — запиши, не посетил общежитие — запиши дважды».

Реальную работу моей научной группы в девяностые годы я определил как «работу издательского отдела». Все книги проходили через этот «издательский отдел». Работа была действительно огромная. Особенно много потрудился Олег Александрович Колесников, работая над компьютерным набором учебника «Теория электрического зв'язку».

Поэтому больший интерес представляет прежде всего работа по организации и проведению конференций.

Мы немало потрудились, создавая конференцию «Методы представления и обработки случайных сигналов и полей». Даже само название мы с Ярославом Петровичем Драганом тщательно выбирали так, чтобы оно не повторяло извест-

ные конференции и отражало сущность наших научных направлений. Однако, организуя такую широкую конференцию, надо было учитывать политическую обстановку — политику кафедры, факультета, института, города. В результате тематика размывалась и присутствовало немало людей, работы которых не представляли для нас интереса. Поэтому мы решили эту конференцию оставить институту, отделиться и проводить конференции непосредственно по нашей тематике. Так возникло название «Вероятностные модели и обработка случайных сигналов и полей». Я конкретизировал наше направление таким образом: мы занимаемся разработкой вероятностных моделей именно для целей обработки сигналов и полей.

Мы с Ярославом Петровичем разработали идеологию нашего направления. Дело в том, что термин «модель» в разных областях науки и техники понимается по-разному. Мы определили это понятие в нашей научной области и пропагандировали его на конференциях. Мы учили, что существует три объекта: физическое явление, которое надо описать, математическое описание этого физического явления и задача, для которой такое описание разрабатывается. Эти три объекта взаимосвязаны. Если меняется задача, может понадобиться совсем другое математическое описание того же физического явления.

Непонимание термина «модель» может привести к плачевным последствиям. Так, в нашей прикладной области контроля радиоизлучений средств связи считалось, что «модели КВ-

диапазона (коротковолнового диапазона радиоволн) не существует». Такое устоявшееся мнение привело к тому, что требуемую аппаратуру для решения соответствующих задач обработки сигналов строили на основе инженерной интуиции. Однако, нет модели — не может быть оптимальной обработки сигналов. Я же, основываясь на высказанной идеологии, предложил соответствующую модель; на её основе поставил и решил задачу «оптимальными методами». В итоге аппаратура по занимаемому объему стала на порядок меньше, а по всем необходимым параметрам — значительно лучше, чем у разработанной ранее инженерными методами.

Мы стали проводить конференции, начиная с 1990 года, с Харькова, под названием Украинская республиканская школа-семинар «Вероятностные модели и обработка случайных сигналов и полей». Далее, после развала Советского Союза, суть конференции осталась прежней, но формально менялся статус, вплоть до «международной».

В 1991 г. провели школу-семинар в Черкассах, где организатором был профессор Ю. П. Кунченко, а далее в 1992 и 1993 годах она проводилась в Тернополе. Организатором был ученик Я. П. Драгана, соискатель докторской степени Богдан Иванович Яворский.

Начало девяностых годов было весьма сложным. Проводить в Харькове областной научный семинар стало практически невозможным: Дом техники стал трактовать проведение семинара как рекламу научно-технических результатов и

стал требовать арендную плату за использование его площадей. Организовывать конференции стало экономически сложно — все упиралось в вопрос «где достать средства?» Кроме того, в этот период, некий деятель от науки Т. Винцюк из Института кибернетики (г. Киев) перехватил наше направление, расширив его, стал проводить конференции, приглашая наших основных участников. На этом он быстро сделал карьеру, поднявшись до европейского уровня. (Повторился в некоторой форме вариант с опубликованием монографии «Основы спектральной теории распознавания сигналов»).

Формы встреч и совместной работы изменились. Мы встречались на отдельных конференциях, которые еще проводил один из руководителей научных направлений, входящих в совокупность наших научных школ; либо мы встречались у нас, в Харькове, на заседаниях Регионального специализированного совета (куда я, как ученый секретарь, включил Б. Г. Марченко, А. П. Трифонова, Я. П. Драгана), а затем — Докторского специализированного совета, где я вынужден был занять пост председателя спецсовета и пригласил тех же коллег; либо мы встречались в Воронеже, где А. П. Трифонов, как завкафедрой и проректор по научной работе Воронежского госуниверситета, был председателем спецсовета и включил меня членом этого совета; наконец, меня стали приглашать для чтения цикла лекций.

На территории Украины Я. П. Драган вместе со своим докторантом, завкафедрой

«Тернопільського приладобудівного інституту» Б. И. Яворским продолжали традицию ранее проведенных школ-семинаров в виде приглашения для чтения лекций аспирантам и научным сотрудникам и проведения мини-семинаров, на которых обсуждались работы докторантов и аспирантов.

В фотоальбоме представлены фотографии, иллюстрирующие элементы культурных программ на таких мероприятиях.

В середине 90-х годов в нашем университете (даже без занятия административных постов) стал меняться мой статус. Сначала пришло приглашение стать действительным членом Нью-Йоркской академии наук. Членом-корреспондентом Инженерной академии Украины я уже был с 1992 года. Однако в Академии нужно платить членские взносы. Сто долларов — такова была величина взноса — тогда была недостижимой величиной. Я пошел к ректору М. Ф. Бондаренко с вопросом, не оплатит ли институт такой взнос. Меня удивил не отказ, а реакция — со скоростью, которую демонстрируют в американских боевиках, с какой выхватывают у противника пистолет и направляют его на хозяина пистолета, — Михаил Федорович выхватил у меня приглашение и сунул в ящик стола. До меня «дошло» — как это, делать рядового профессора академиком, когда ни ректор, ни его администраторы — от завкафедрами до проректоров — не удостоились такой чести?

Однако уже в 1996 году я стал выше институтских взаимоотношений — мне дали Соросовский грант, к которому прилагалось почет-

ное звание Соросовского профессора. Это было международное признание. Характерно, что грант давался за фундаментальные достижения. Понятно, что фундаментальными проблемами занимаются в научно-исследовательских академических институтах, да еще в университетах. А тут — в техническом вузе. Это был второй и последний раз, когда профессор нашего института получил такой грант. Первым был полковник — профессор Я. С. Шифрин; однако, ему уже было порядка восьмидесяти и он удостоился этого гранта за достижения молодости — в другой организации он развил статистическую теорию антенн, получившую мировое признание. Так что единственный, кто удостоился такой чести за результаты, полученные в ХИРЭ, — это В. А. Омельченко.

Ректор М. Ф. Бондаренко сразу же возвратил мне приглашение в Нью-Йоркскую академию наук, я принял это приглашение, как и ряд других предложений. Грант по сути разошелся на оплату различных почетных званий и членство в различных почетных обществах. Смысл был простой — мне почетные звания, а научной группе по правилам тех лет хоть как-то добавлялся объем финансирования по научной тематике, т.е. увеличивалась реальная зарплата.

В девяностые годы мы делали разные попытки обеспечить достойное финансовое существование моей научной группы. Хотя Харьковский радиозавод разрабатывал системы, основанные на моей теории (более того, их разрабатывали мои же аспиранты и ученики), его руководство

потребовало, чтобы я не предъявлял к ним материальных претензий.

Интересно кратко остановится на истории создания таких систем — всё-таки теоретически, при других условиях, это могло быть серьёзным источником финансирования научных работ моей научной группы.

Систему обнаружения неизвестных сигналов разработал мой аспирант В. В. Балабанов. Он хотел представить её на госиспытания, но руководство организации запретило. Тогда Валерий Васильевич решил этот вопрос «через голову» начальства и попал на госиспытания. Система, представленная головной организацией, с треском провалилась — система В. В. Балабанова была на порядок меньше по объёму, но по всем показателям лучше, чем представленная головным институтом. Систему В. В. Балабанова приняли на вооружение и поручили её производить балабановской организации. Руководство же организации за самоуправство уволило В. В. Балабанова и поэтому Валерий Васильевич оказался в НИИРИ.

Системами же обнаружения и распознавания (классификации) сигналов позже занялся мой следующий аспирант Ю. Н. Голобородько. Теперь уже все официальные мероприятия проходили в плановом порядке. Более того, эти системы оказались настолько совершеннее, по сравнению с теми, которые могли создать в головном институте, что руководство организации выдвинуло их на госпремию. И её получили бы, если бы не стечение обстоятельств.

Системы тогда стояли на подлодке и к моменту, когда документы на госпремию «поднялись на самый верх», чтобы получить последнюю подпись, эта подлодка затонула. (Было много шума и в Союзе и в зарубежье по этому поводу). Соответствующий чиновник по этому поводу изрёк: «Как! Утопили подлодку и ещё хотите получить госпремию? Отказать!»

Я специально направил своего аспиранта Ю. Н. Голобородько защищаться по системе (тогда такая форма научных работ была разрешена), а не представлять обычную диссертацию. Это я сделал из «политических» соображений. Почему? Когда я защитил докторскую диссертацию на соискание степени д-ра физ.-мат. наук, где вообще не требовалось внедрение, возникла шероховатость даже с профессором Б. Л. Кащеевым. Как я говорил ранее, я проработал с Борисом Леонидовичем два десятилетия; он признавал мою квалификацию и тем не менее после защиты диссертации Б. Л. Кащеев (по словам коллег) звонил в ВАК и требовал: «В.А. Омельченко нельзя утверждать. У него нет сис темы». Вот так! Политика есть политика! Борис Леонидович открыто говорил на факультете, что без его поддержки на факультете никто не защитит докторскую диссертацию. Защита диссертации моего аспиранта Ю. Н. Голобородько показала такой уровень внедрения, о котором на факультете и не мечтали. Характерно, что по законам крепостного права в науке в советское время (как позже говорили в газетах и журнальных статьях), я юридически также считался автором технических решений,

выполненных моими аспирантами В. В. Балаба-новым и Ю. Н. Голобородько.

Далее специалистом по этим системам стал мой последующий аспирант А. В. Чеботов. Тогда уже характеристики систем широко рекламировались и потребителями стали различные страны СНГ. Более того, его приглашали и в Китай как специалиста по системам обнаружения и распознавания.

В середине девяностых годов мы делали различные попытки найти достойное финансирование научных работ. В этот же период стало модным искать такое финансирование в зарубежье. Для этого в предверье моего шестидесятилетия мне пришлось заняться изучением английского языка, естественно, по современной методике — два года по три раза в неделю в 1996–1997 гг. я ходил на занятия в «International House».

Хотя в советское время мы всю жизнь изучали иностранный язык, мы не «слышали» и не «говорили», т.к. методика преподавания была специально разработана так, чтобы мы могли лишь «читать и переводить со словарём». Здесь же уже в конце 1-го года обучения мы понимали англоязычные фильмы и хоть как-то могли говорить и общаться.

Первым направлением поиска подходящего финансирования стала Мексика.

Дело в том, что один из моих коллег, который уехал преподавать в Мексику, прибыл в Харьков с предложением от руководства его мексиканского университета поехать на два года преподавательской работы. Это предложение стало известно на

кафедре и в деканате. Меня расспрашивали об этом и отговаривали. Я всё же подготовил сжатый вариант документов и отправил в Мексику. Там представленные материалы получили высокую оценку и было предложено в двух-трех недельный срок подготовить полный комплект необходимых документов.

Я полагал, что, наконец, настал момент когда можно передать В. М. Безруку рукопись книж-диссертации «Ймовірнісні моделі та розпізнання сигналів» и начать совместно работать — я в Мексике, а В. М. Безрук — в Харькове.

Для возможной поездки в Мексику пришлось подготовить на английском языке комплект документов и «дело», намного большее, чем для докторской диссертации. Например, один из «фрагментов» дела — это оттиски всех опубликованных работ (оригиналы книг, копии статей, тезисов докладов, методических указаний и др.).

«Дело» было подготовлено, но не за 2-3 недели, как рекомендовали, а за 6 месяцев. К этому времени место в мексиканском университете уже было занято и, таким образом, поездка в Мексику сорвалась.

Вторым направлением в получении достаточного финансирования была поездка в Китай для чтения лекций и обсуждения возможной научной работы с соответствующим (не советским и тем более не украинским) финансированием. Была подготовлена большая рукопись на английском языке, освещающая научные направления наших научных школ и результаты решений

ряда прикладных задач, в том числе в области радиолокации.

Я ступил на землю Китая в день своего шестидесятилетия, 15 сентября 1998 года. Это был Пекин, или как его называют китайцы, Бейджин (Beijing, China). Командировка была недлительной – 10 дней. Каждый день я читал лекции в 1-й половине дня, а во второй половине, после обеда, была культурная программа. Ко мне был «приставлен» профессор, которому уже было за 60 лет. В таком возрасте в Китае профессура обычно не ведет занятий, а занимается организационными делами. Большей частью он и сопровождал меня. Я работал с переводчиком – тоже профессором; это был грамотный человек, проучившийся в МГУ три года на математическом факультете; его приглашали переводить в исключительных случаях.

В культурной программе показывали различные экзотические места Пекина и его окрестностей. Обязательная экскурсия для приезжающих – Великая Китайская стена (The Great Wall, Beijing, Chine; Sep. 19. 1998). Фотографировали много, побывали в разных местах. Сопровождающий меня профессор, после моего возвращения в Харьков, просил прислать домашний адрес для пересылки остальных фотографий, но я их так и не получил.

Отмечу лишь один объект, который меня особенно заинтересовал. Это буддистский монастырь. Как и у нас в 60-е годы Киево-Печерская лавра частично работала как монастырь, а частично, как музей, так и буддистский монастырь

河北省国际人才交流协会

HEBEI ASSOCIATION FOR
INTERNATIONAL PERSONNEL EXCHANGE

Приглашение

Харьковский институт
радиовэлектроники
тел: +38-0572-409432
факс: +38-0572-409113

Уважаемый господин Смелыченко Виктор Александрович!

В соответствии с нашим планом работы приглашаем Вас посетить в Китае в конце текущего года и одновременно читать ваши лекции, а также производить технический обмен для того, чтобы совместно искать конкретные проекты сотрудничества. Оформите пожалуйста заграничный паспорт скорее как можно. Мы будем сообщать Вам по факсу темы для лекции и вопросы, которые будем обсуждать.

С уважением,

Председатель
общества обмена между международными
специалистами организации Хэбэй
Китая

05.08.1998 г.

Факс: 0086 311 7017094

3

INVITATION NOTICE

NAME Victor A. Omelchenko
PROFESSION Professor
NATIONALITY Ukrainian
PASSPORT NO. _____
UNIT _____
CITY _____ STATE Ukraine

DATE 6/24/1998

DEAR MR/MS. Victor A. Omelchenko,

YOU ARE KINDLY EXPECTED BY Peking University TO COME TO
Beijing, CHINA, ON 9/15/1998 FOR Lecture. THE
DURATION IN CHINA WILL BE 30 DAYS, PLEASE APPLY FORTH-
WITH FOR one ENTRY VISA(S), AT THE CHINESE EMBASSY OR CONSULATE-
GENERAL IN Ukraine WITH THIS NOTICE

THE INVITED PERSON(S) AND ACCOMPANYING MEMBERS,

1. NAME _____ PROFESSION _____
NATIONALITY _____ PASSPORT NO. _____

2. NAME _____ PROFESSION _____
NATIONALITY _____ PASSPORT NO. _____

3. NAME _____ PROFESSION _____
NATIONALITY _____ PASSPORT NO. _____

DEPARTMENT OF FOREIGN AFFAIRS
STATE EDUCATION COMMISSION
THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA
(0 1 1 5)

P.S. THIS NOTICE IS VALID ONLY FOR THREE MONTHS

398

邀 请 通 知 书

外文姓名(全称) Victor A. Omelchenko
身 份 教授 国籍 乌克兰 护照号码 _____
工作单位 _____ 城市 _____ 国 名 乌克兰

Victor A. Omelchenko 先生(女士):
_____ 北京 大学(学院)邀请您于 一九八八年 年 九月 月 十四 日
来华 讲学 , 为期 三天 。请即持此函前往中国驻
乌克兰 大使馆、总领馆申请 叁 次有效签证。

随行人员名单:

外文姓名 _____ 身份 _____ 国籍 _____ 护照号码 _____
外文姓名 _____ 身份 _____ 国籍 _____ 护照号码 _____
外文姓名 _____ 身份 _____ 国籍 _____ 护照号码 _____

中华人民共和国 外事司 (0115)
国家教育委员会

一九八八年 六月 十四日

注: 此通知书有效期为三个月

работал в таком же режиме. Можно было ходить, рассматривать экспонаты, а рядом, за ограждением в виде протянутого шнура, сидели и учились монастырские послушники. Меня поразило, что урок медитации у них, как лекция в институте у нас. Учитель говорит текст, ученики повторяют. Кто находится в медитативном состоянии, кто формально повторяет мантру, а кто откровенно зеваёт и разглядывает посетителей.

Одна из комнат была посвящена изображениям (скульптурам) Будды, отвечающим разным ветвям буддизма. Одна из скульптур, отвечающая малораспространённой ветви буддизма, изображала Будду в виде женщины с впечатляющими формами (естественно, в обнаженном виде). На её массивном теле «прилепилось» несколько мужских фигурок — на плечах, на груди, на бёдрах и др. Я вспомнил описание Ошо в «Тантре», что существует направление, где секс используется как один из способов достигнуть просветления. Похоже, что это тот самый вид буддизма.

Сделаем отступление. Я со студенческих лет интересовался хатха-йогой, рассматривая её как один из видов спорта, хотя и весьма специфического. Позже я интересовался аутотренингом и медитацией. Когда медитацию стали официально преподавать, я даже овладевал в некоторых организациях методами медитации, в частности ТМ — трансцендентальной медитацией Махариши. Достигнув определённых успехов в области понимания того, как измененное состояние сознания при медитации может быть использовано для повышения творческих способностей, я ста-

В.А. Омельченко в Китае (Пекин) в возрасте 60-ти лет

вил задачу разработать конкретные приемы перехода в такое состояние и обучать им студентов.

В тот период я познакомился с профессорами медитации из Голландии, ставил вопрос о создании при ХИРЭ университета медитации, пытался получить финансирование по проблеме повышения качества обучения студентов при использовании медитации — всё безуспешно, институт этим не заинтересовался. Единственный след от этого интереса — представленная в Соросовский комитет лекция, посвящённая повышению творческих способностей при использовании медитации.

Однако, всё это лишь пришлось к слову.

В Китае лекции и обсуждение возможных вопросов исследования закончились оформлением, так называемого, протокола о намерениях. Учитывая мою организаторскую работу по объединению различных научных школ Украины и владение результатами их работ, мне было предложено создать что-то в виде института по исследованию возможностей применения теоретических результатов в практических задачах, прежде всего, в области радиолокационной техники.

Возвратившись в Харьков, я опросил руководителей направлений и оказалось, что никто к такой работе не готов. «Что там понимают под практическими задачами?» — спрашивали меня. «Это примерно то, что я с учениками сделал в области контроля радиоизлучений» — отвечал я, — то есть существует некоторая задача, которая решается определенной аппаратурой. Эту

аппаратуру совершенствовать далее невозможно. Надо предложить иной подход для решения задачи, разработать аппаратуру или создать пакет прикладных программ, реализующих предложенный метод, и по реальным данным показать преимущества метода по сравнению с известными». Именно в этом смысле коллеги не были готовы решать прикладные задачи.

Отмечу, что вся поездка в Китай по условиям приглашения была за счет китайской стороны. Меня приглашали приехать после этой командировки и, хотя бы, обсудить и заключить персональный договор (но приехать уже за счет нашей стороны). Вопрос о финансировании поездки рядового профессора за счет института не решался. За счет института за рубеж ездило только руководство.

Так что из-за финансовых проблем тема не была заключена и поездка в Китай дала лишь яркие впечатления и приятные воспоминания.

В конце 90-х годов возникло еще одно направление в поисках достаточного финансирования научных исследований – Нигерия.

Из Ладоса, Нигерии, я получил предложение принять грант на огромную для нас сумму в 18 млн. 500 тысяч долларов США. Предполагалось, что 40% суммы переходит в мое пользование, а остальные – для выполнения определенных работ. Вот последнему и была посвящена длительная переписка (одним из видов работы было создание института нашего профиля на территории иностранного государства, естественно, в регионе развивающихся стран). Когда все было

оговорено, выяснилось, что для подписания контракта (договора) надо было в срочном порядке ехать в Нигерию или оплатить услуги юридической фирмы. Оплата для меня непосильная по тем временам — 4000 долларов США. Тогда я еще раз пошел к ректору М. Ф. Бондаренко, — во-первых, надо было узнать, интересуется ли институт работа по созданию филиала за рубежом и, во-вторых, подчеркнуть, что денег для оплаты у меня нет. Ректор подтвердил, что такая работа интересуется институт, хотел направить документы на экспертизу в иностранный отдел, но, когда заметил, что денег у меня нет, ректор «остыл» и отпустил меня. Валюта просто так не используется. Вот если бы я за свой счет решил вопрос и принёс валюту в институт, меня бы «похлопали по плечу», мол, «молодец, Виктор Александрович!».

Все хлопоты — и Мексика, и Китай, и Нигерия — оказались безрезультатными. Результата — нормального финансирования научных работ они не дали.

В середине 90-х годов была также организационная работа иного характера. Мне предложили получить международное признание от имени МБЦ — Международного биографического центра (Англия), а несколько позже и от АБИ — Американского биографического института (США). Это открыло возможность и мне рекомендовать достойных ученых в области моих интересов этим организациям. Лучших представителей науки в системе образования Советского Союза я знал сначала по их публи-

кациям, а далее, как участников наших конференций. Я воспользовался такой возможностью и представил с течением времени порядка 150 человек в эти организации.

За эффективную деятельность в этом направлении МБЦ (Англия) и АБИ (США) избрали меня почетным членом этих организаций. Мною был принят также ряд наград, почетных званий и др. от этих организаций из множества разнообразных предложений.

5.3. Учебная работа

Работа, как преподавателя, мало изменилась в этом, четвертом десятилетии научной и преподавательской деятельности. Изменились лишь условия работы.

Как и ранее, основным курсом оставался курс ТЭС, который определенное время пришлось читать в параллельных потоках сразу и на украинском, и на русском языках. Для радистов читался спецкурс по вероятностным моделям. Новым стал курс по последним разделам высшей математики — теории вероятностей, теории случайных процессов и математической статистике — «Теорія ймовірностей у електров'язку». В конце этого десятилетия пришлось читать у себя курс ТЭС на украинском языке и параллельно в англоязычной группе — некоторый вариант части курса — на английском языке.

Это была бы обычная напряженная преподавательская работа, если бы не политическая об-

становка на кафедре. Дело в том, что И. Н. Пресняков панически боялся потерять должность заведующего кафедрой и всё, что с нею связано, — он бы остался «голеньким». Как только он получил докторскую степень, сразу же организовал переизбрание с указанием, что нужен на заведование доктор наук. При этом, пользуясь партийно-административными кулуарными методами, в программе заседания кафедры даже не указал, что рассматривается конкурсное дело (это делалось даже при переизбрании ассистентов!). Переизбрание завкафедрой с требованием докторской степени хотели провести в «разном».

Я возмутился, сказал, что конкурсных дел нет в программе заседания кафедры. Декан В. И. Алехин спросил меня:

— Вы хотите быть завкафедрой?

— Нет, не хочу. Я лишь указываю на нарушение процедурных вопросов, — ответил я.

— Вы правы. Если настаиваете, мы перенесем этот вопрос на другой раз. Но что изменится?

— Пожалуй, ничего, — отреагировал я, — проводите.

Так, И. Н. Пресняков, сразу же после утверждения докторской степени, был переизбран досрочно на новый срок. Напомню, что И. Н. Преснякову не нужно было ждать год работы в профессорском ранге — должность завкафедрой по положению и была профессорской. Поэтому он сразу же послал документы на получение профессорского звания и вскоре получил его. Тогда он еще раз органи-

зовал конкурс на замещение должности завкафедрой – доктора наук профессора – и еще раз переизбрался. Таким образом, он «забил» кафедру за собой «навсегда».

Хотя я со временем получил профессорское звание, реально я стал доктором наук профессором на кафедре, где завкафедрой тоже доктор наук профессор. Как говорят: «В одной берлоге двум медведям не ужиться», так и у нас сразу же в явном виде проявилась тенденция – И. Н. Пресняков хотел стать полновластным «хозяином» всего, что сделано на кафедре. Ну, а В. А. Омельченко надо отодвинуть подальше, вплоть до удаления с кафедры.

Ранее, мой основной курс – «Теория электрической связи» – уже начали перетягивать на сторону ученика И. Н. Преснякова – доцента Ю. М. Бидного. Далее, когда объём нагрузки возрос из-за увеличения числа групп студентов, учебная нагрузка по курсу стала распределяться среди разных преподавателей кафедры, а сами преподаватели были выведены из-под контроля лектора. Эти преподаватели эксплуатировали старую материальную базу, не принося ничего нового. Даже задание по курсовому проектированию, которое я ввел в начале десятилетия, тиражировалось один к одному в пяти группах.

В этот период и общая обстановка в институте изменилась. Трагически погиб ректор В. В. Свиридов, а новым ректором стал М. Ф. Бондаренко. Его избранию способствовала поддержка факультетов радиотехнического профиля. Именно

В. И. Алехин предложил на собраниях самых больших в институте радиотехнических факультетов проголосовать за М. Ф. Бондаренко — эта кандидатура была наиболее приемлемой для радистов. Наш институт, который ранее уже стал называться университетом, теперь был разбит на два института в рамках университета, а В. И. Алехин в благодарность за поддержку при избрании ректора был назначен директором одного из них. Радиотехнический факультет тоже был разделен на две части — радиотехническую и связную, а И. Н. Пресняков был назначен деканом факультета, относящегося к связи.

Кафедра «Радиоприемные устройства» тоже претерпевала изменения. Сначала она была переименована как кафедра «Приема и обработки сигналов», а затем стала называться «Сети связи».

Во второй половине девяностых годов моё имя, как преподавателя и научного работника, стало энергично популяризоваться, опять-таки, по инициативе декана, а позже директора В. И. Алехина (как я уже упоминал, он начал «отдавать долги»). Меня назвали лучшим методистом института, В. И. Алехин предложил мою кандидатуру в книгу «Лучшие преподаватели Харькова» (однако, по некоторым техническим причинам, биография в этом сборнике так и не была опубликована), предложил мою кандидатуру в энциклопедию научных работников Украины, выдвинул кандидатуру в номинации «Лучший преподаватель профессионально-ориентированных дисциплин».

Интересны личные соображения и официальные сведения обо мне в тот период. Вот они (1999 г.):

«Моя суть — узнавать, познавать, рассказывать, рассказывать»
НОМИНАЦИЯ «КРАЩИЙ ВИКЛАДАЧ — ПРОФЕСІЙНО ОРІЄНТОВАНИХ ДИСЦИПЛІН»

ОМЕЛЬЧЕНКО
Віктор Олександрович,
Доктор фізико-математичних наук, професор кафедри прийому та обробки сигналів

Поставив та читав ряд нових курсів: «Теорія передачі сигналів», «Теорія електричного зв'язку», «Імовірнісні моделі та обробка сигналів і полів». Має понад 200 публікацій, серед яких 15 книг наукового та методичного характеру. Найбільш ігнорні підручник «Теорія електричного зв'язку», монографія «Основи спектральної теорії розподілення сигналів» та «Прикладна теорія випадкових сигналів і полів», а також задачник «Імовірнісні моделі сигналів і полів у прикладах та задачах».

Розвинув новий науковий напрямок у статистичній радіодіагностиці - «Імовірнісні моделі та обробка випадкових сигналів і полів». За цим науковим напрямком організував та керував семінарами, конференціями і симпозиумами, був науковим редактором тематичних збірків наукових праць.

За досягнення у своїй діяльності отримав численні звання, титули та нагороди в Україні та за кордоном. Відзначався кращим методом університету, одержав почесний диплом та премію Міністерства зв'язку України за цикл книг наукового та науково-популярного характеру: електров зв'язку. Має почесне звання «SOROS PROFESSOR», Міжнародний біографічний центр (МБЦ, Англія) присвоїв йому титул «International Man of the Year» (1995/96, 1996/97) та нагородив медалью «XXth Century Award for Achievement».

Американський біографічний інститут (АБІ, США) також присвоїв В. О. Омельченку титули «International Man of the Year» (1996, 1997) та «The Most Admired Man of the Decade». У 1998/99 навчальному році ним поставлений новий курс «Спеціальні глави математики, математичні основи теорії електров зв'язку», за яким підготовлені до видання конспект лекцій, а також навчальний посібник. Цей курс, а також «Теорія електров зв'язку» є базовими при підготовці спеціалістів відповідного фаху.

Спільно з викладачами кафедри прикладної математики В. О. Омельченко підготував до видання матеріали навчального посібника «Випадкові сигнали в прикладах та задачах» для студентів спеціальності «Прикладна математика». Вийшла з друку третя, завершальна частинка підручника з трифном мінусівти «Теорія електричного зв'язку». Цей підручник — єдиний в Україні, підготовлений українською мовою.

Як провідний фахівець в галузі імовірнісних моделей та розпізнавання сигналів 1998 року В. О. Омельченко був запрошений читати лекції в Пекінському університеті (КНР). У 1999 році матеріали двох його доповідей опубліковано в збірнику наукових праць міжнародної конференції «Advances in Radar Methods» (Італія).

Він є членом докторських спеціалізованих учених рад ХТУРЕ та Воронежського університету, членом Нью-Йоркської академії наук, Інженерної академії України, а також членом Міжнародної біографічної асоціації (МБЦ, Англія) та асоціації «Men's Inner Circle of Achievement» (АБІ, США).

Біографічні дані В. О. Омельченка опубліковані в ряді престижних міжнародних довідників.

1. В одном из вариантов «Автобиографии» я писал: «Моя суть; узнавать, познавать, рассказывать». То есть любознательность привела к книгам, контактам с людьми, которые являются носителями знаний, а также к научным исследованиям, т. е. к «диалогу» с Природой. Однако, с другой стороны, была потребность сообщать узнанное другим людям – студентам, аспирантам, научным работникам. Иначе говоря, главным было стать носителем высококачественной информации и научиться передавать ее на доступном для слушателя уровне – от студенческого до высокопрофессионального.

2. Как преподаватель хочу дать студентам знания, способность видеть реальность и всегда учиться. Знание должно быть не палкой, которой бьют студента, а точкой соприкосновения с бесконечным в своей необходимости Миром.

Как научный работник учу своих коллег, трудников и учеников, что на каждом этапе научной деятельности у них должны быть научные результаты – хотя бы самые малые, причем независимо от внешних условий (карьера, материальное положение, семейные дела и др.).

3. Не было никакого одного обстоятельства, которое определило бы жизненный выбор – это была цепочка случайностей.

Пожалуй, существенным было приобщение в раннем детстве к книгам (моей тетей – филологом по образованию). Это открыло, кроме естественного пути внешней деятельности, другое направление – вовнутрь, т. е. в колено счете – к творческой деятельности. Чем бы я ни занимался (если бы мне сложился жизненный путь), это было бы сочетанием внешней деятельности и творчества.

Я всю жизнь учился и учусь, и на разных этапах были люди, которых я называю учителями – либо с ними контактировал и научился чему-то новому, либо знал ученых по их книгам; впрочем, с большей частью из них позже я познакомился лично. На первых этапах научной деятельности это был проф. Б. Л. Кацеев, с которым я вместе работал на радиотехническом факультете; в области математики – академик Н. И. Ахизер; в области первоначальной узкопрофессиональной научной деятельности – проф. Е. О. Матвеевский (г. Ленинград). Позже в области обработки сигналов к основным учителям я отношу харьковчан – профессора А. Ф. Апоронича, С. Е. Фалковича, Я. Д. Ширмана; в области радиодиффузии, объединенной с математикой, – профессоров Б. Г. Марченко (г. Киев) и В. П. Яковлева (г. Москва);

в области статистической теории связи – академик А. А. Харкевича (единственный, с кем я не успел познакомиться) и проф. Б. Р. Левина (г. Москва).

4. В последний период достаточно регулярно участвовал в различного рода конкурсах – университетского, областного, украинского, международного уровня. Это в некоторой степени дань системе, в которой я работаю, а в некоторой степени – необходимости, поскольку, как говорится, «встречают по одежке, провожают по уму».

5. Наивысшим достижением считаю подготовку и опубликование в последние десятилетия более десятка книг в области профессиональной деятельности (монографии, учебник, учебные пособия). В них удалось сконцентрировать научные знания, накопленные за предыдущие годы, нужные как сейчас, так и последующим поколениям.

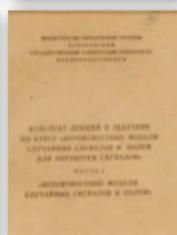
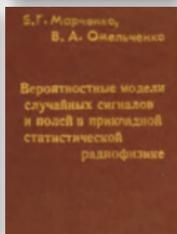
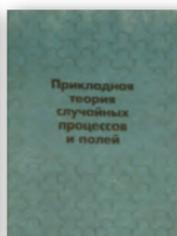
В области педагогической деятельности – издание учебника в 3-х частях «Теория электричного зв'язку» (объемом более 1500 стр.), опубликованного на украинском языке. В научной области – создание нового научного направления, как обобщение 20 – 30-летних научных результатов своих работ и ряда научных коллективов Украины и России; результаты опубликованы в монографии и учебной литературе.

Тогда была также сделана фотография моих книг, подготовленная на одну из выставок, как «учебно-научный комплекс».

На кафедре в этот же период «сгушались тучи». Сколько бы я не требовал, чтобы преподаватели, которые «растягивали» нагрузку по курсу ТЭС, принимали участие в методической работе – постановке новых лабораторных работ, модернизации старых работ, разработке своих заданий по курсовому проектированию (а не тиражированию одних и тех же), переиздании, наконец, старых методических указаний к лабораторным работам – на кафедре наткнулся на глухую стену. Этим преподавателям ничего подобного не планировалось. Конечно, у всех была и другая, своя работа, а курс ТЭС лишь эксплуатировался.

Официальной политикой института, который стал называться «Харьковский национальный университет радиозлектроники», стало требование, чтобы каждая кафедра вела свою специальность. Для кафедры «Сети связи» такой стала специальность, созвучная с названием кафедры. В этих условиях преподаватели кафедры замыкались сами на себя, никто не мог их проконтролировать, да и министерских программ по их курсам не существовало. На этом фоне фундаментальный курс «Теория электрической связи» возвышался как колосс.

Для решения своей «политической проблемы» – стать полновластным «хозяином» всего, что создано на кафедре, И. Н. Пресняков пошел на «разгром» моего курса «Теория электрической связи».

Комплект книг В.А. Омельченко, подготовленный
для учебно-научного комплекса

Опубликованный учебник и методическое обеспечение по курсу ТЭС были разработаны под министерские программы Советского Союза, в том числе, и последнюю. Программ, изданных по курсу в «украинский период», не существовало. В этих условиях И. Н. Пресняков стал выдвигать абсурдные предложения об изменении курса, с чем я категорически не соглашался. В итоге, он отобрал у меня вторую половину курса и сосредоточил нагрузку по математическим курсам. Я отказался выполнять такую нагрузку, заявляя: «Я и в ректорате, и на кафедре четко говорил, что на технической кафедре я не читаю математических дисциплин».

И. Н. Пресняков же, пользуясь моим именем, отобрал, якобы для меня, у кафедры «Высшая математика» значительный объем часов и раздал их сотрудникам кафедры под технические дисциплины. Жалобы завкафедрой «Высшая математика», что И. Н. Пресняков «разгромил» их кафедру, не воспринимались на совете университета.

Чем же удалось завладеть И. Н. Преснякову?

Я создал в институте спецсовет со специальностью «Радиофизика», когда вообще ВАК СССР отказал институту в открытии докторского совета радиотехнического профиля. И. Н. Пресняков, после трагической гибели ректора и председателя спецсовета В. В. Свиридова, быстренько переписал состав спецсовета, вписав себя председателем и вычеркнув мое имя, стал называть себя специалистом в области радиофизики; институт, соответственно, «назначил» его специалистом по радиофизике и порекомендовал его в

ВАК Украины, куда он и был избран; (кстати сказать, во время защиты докторской диссертации И. Н. Преснякова я уговорил Б. Г. Марченко, из «политических соображений», поддержать диссертацию И. Н. Преснякова, выступив первым оппонентом от спецсовета).

Когда мы оставили институту конференцию «Методы представления и обработки случайных сигналов и полей» (чтобы работать на своей, более узкоспециализированной конференции), И. Н. Пресняков автоматически стал «хозяином» оставленной нами конференции.

Разве этого мало? Оказалось — да.

Мои ученики постепенно переходили под влияние И. Н. Преснякова. Еще раньше, один из моих первых аспирантов, В. В. Балабанов, сотрудник радиозавода, был приглашен читать по совместительству курс по его научному направлению. Позже, когда более поздний аспирант, Анатолий Васильевич Омельченко, после защиты диссертации перешел работать к заказчику, И. Н. Пресняков переманил его — пригласил к себе работать доцентом и заниматься наукой. В итоге начали появляться научные статьи под фамилиями А. В. Омельченко и других Пресняковых — отца и сына, на которого работал Анатолий Васильевич. В них использовался математический аппарат нашего научного направления.

Во второй половине 90-х годов после наших неудачных попыток добиться достойной оплаты для моих научных сотрудников, чтобы они не вели полуголодного существования, я сам пред-

ложил И. Н. Преснякову взять кандидатов наук В. М. Безрука и О. А. Колесникова в преподаватели.

Устроив таким образом своих сотрудников, в конечном итоге я написал заявление о выходе на пенсию для оформления «научной пенсии», но, трезво оценив ситуацию, в сложившийся условиях решил не возвращаться на работу. Был ряд предложений о моём трудоустройстве в университете и вне него, но начинать все сначала я счел нерациональным. Характерно, что в этот период руководство университета выдвигало меня на звание Заслуженного деятеля высшей школы.

5.4. Творчество и измененное состояние сознания

На протяжении всей жизни у меня бывали «озарения», когда мгновенно что-либо «осознавалось», как я это называл. В различных местах я приводил такие эпизоды. Так, когда в дошкольном возрасте мальчишка спросил, умею ли я считать после 100 и объяснил, как это делать, я осознал это и мгновенно «научился» считать до любого числа. Помнится, что в 9-м классе, когда по курсу астрономии я изучал звездное небо, я как-то мгновенно «осознал» необъятность мира — наша земля представилась малюсенькой пылинкой, которая висит в пустоте; стало страшно, что она может куда-то упасть. Помнится, я долго думал, как доказать некоторую теорему (например, представленную в книге «Ортогональные разложения

случайных сигналов и полей») и — «озарение». Я понял, как её доказывать, причем, четко запомнились обстоятельство и место, где это случилось. Бывали и другие подобные моменты.

Во время работы над первым вариантом докторской диссертации (во время 6-месячного творческого отпуска) в какой-то период я писал формульный текст при «пустой» голове — мыслей никаких нет, а рука с ручкой заполняет страницу за страницей текстом; одна лишь «посторонняя» мысль осознавалась: «Откуда это?».

Во время работы над первой частью учебника «Теория электричного зв'язку» пришло полное «просветление» с его элементами — покой, свет, знание, блаженство. Я предоставил один из вариантов записей такого состояния профессорам медитации из Голландии; они заметили, что в старые времена в Индии мудрецы приходили к просветлению через их творческую работу. Они отметили, что основные характерные ощущения, которые я описываю, начертаны на колонне одного из храмов. «Только Вы можете так ясно описать свои ощущения», — подытожили они разговор.

Я знал, как подойти к такому состоянию; на полпути к нему встречается состояние, когда задаешь себе вопрос и перед мысленным взором мелькает калейдоскоп промежуточных решений, пока мозг не выдаст окончательного решения. Хотел обучить других хотя бы способу вхождения в такое состояние, но как я уже отметил, институт не заинтересовался таким направлением работы.

Подытоживая, приведем соображения по этой теме, высказанные «по горячим следам». Менять

текст, написанный в «молодые годы», в зрелом возрасте не стоит.

Просветление: поход, состояние, анализ.

1. Поход к состоянию самадхи

Весной 1993 г. при работе над одной из своих книг я испытал необычные переживания — необычные на Западе, но достаточно хорошо известные на Востоке. Однако к ним вела вся моя жизнь.

Сам я по образованию инженер и математик, но по профессии — преподаватель, всю жизнь проработавший преподавателем вузов, пройдя все ступени от ассистента до профессора. Параллельно всегда проводил научные исследования, выступал как теоретик, занимающийся прикладными проблемами. Общая картина мира, мировоззрение были совершенно типичными для советского времени — полное приятие диалектической философии (марксизма-ленинизма) с особым интересом к диалектической логике. Однако со временем возникали вопросы, которые не находили ответа в границах сформировавшегося мировоззрения. По мере приближения к концу советского строя все больше и больше осознавались вопиющие противоречия положений советской идеологии с жизнью. Все в большей и большей степени осознавался духовный террор, осуществляемый номенклатурой.

Со временем сложилось убеждение, что преподаватель именно и является носителем духовных ценностей, которые передаются подрастающе-

му поколению. Научный работник, кроме того, является и создателем духовных ценностей. Поэтому особенно остро ощущалось противоречие между насаждаемой «Системой» бездуховностью и островком духовности в этой части интеллигенции — лучшими представителями науки, преподавателями, представителями искусства.

Как математик по образованию, в прикладных исследованиях я всегда старался формализовать результаты, представить их в виде теорий, математических соотношений. Более того, долгое время сначала я полагал, что результаты можно получить, лишь сформулировав прикладную задачу на математическом языке и решив ее. Конечно, в определенной степени это так. Но все больше и больше накапливалось фактов в области личных исследований, что сначала на интуитивном уровне «угадывается» результат, а затем на логически-математическом уровне он излагается. То есть «для себя» результат получается на интуитивном уровне, а «для читателя» он излагается в формализованном — как некая теория. Со временем, в период длительной и интенсивной научной (творческой) работы, накапливались факты, которые необъяснимы или объяснимы с большой натяжкой в рамках господствовавшего мировоззрения. Хотя психологией творчества и занимались у нас, сколько-нибудь последовательного и внятного объяснения накопившихся фактов мне не встречалось.

Исследователям хорошо известно творческое состояние, которое я отождествляю с видением путника в степи. Он хорошо видит, что находит-

ся вблизи; чем дальше от него, тем более смутно он видит эти предметы и кругозор ограничивается горизонтом — далее ничего не видать. Однако путник идет вперед и то, что раньше виделось смутно, представляется совершенно отчетливым, смутно видны новые предметы, которые раньше были едва различимы или даже находились за горизонтом, сам горизонт отодвинулся. Принципиально картина остается аналогичной, только путник продвинулся вперед и центр отсчета стал другим — переместился вперед. Так и при научном творчестве, когда долго и регулярно работаешь, находишься «в форме», работа продвигается по аналогичной «линейной» схеме. Сегодня какие-то детали исследуемого вопроса отчетливо видны, другие — хуже, третьи — едва различимы и где-то есть «горизонт», за которым ничего не видно. За день заполняются страницы, излагаются результаты, а завтра картина остается та же: ты продвинулся вперед, какие-то детали стали совершенно ясны, какие-то стали более ясны, появились новые, смутно различимые детали, а далее — снова горизонт. И так день за днем; в математических символах, в логической последовательности описывается картина, которая возникает перед внутренним взором «научного путника».

Конечно, чаще бывает совсем не так — долго и мучительно приходится размышлять над отдельными частными вопросами. Но случались и другие проявления — внезапное «видение» результата. Тогда приходится лишь поспешно, лихорадочно записывать его, автоматически из-

лага в логической последовательности. «Выводить» формулы, соотношения не приходится — их «видишь» сразу готовыми вместе с видением результата. Сейчас — ни мало, ни много — уже более тридцати лет занимаюсь преподавательской и научной работой. В последний период стал осознавать, что все сколько-нибудь существенное из научных результатов было получено именно так — на уровне интуитивного «озарения». Формализованное математическое изложение — лишь форма представления таких результатов, ну и, кроме того, такое изложение позволяет выяснить и описать детали, получить числовые данные.

И, наконец, был, по крайней мере, единожды эпизод, не укладывающийся даже в схему такого «озарения». В период весьма напряженной работы над докторской диссертацией, для написания которой мне был предоставлен 6-ти месячный творческий отпуск, произошло следующее. После периодов «линейного» творчества и всплесков «озарения» однажды я осознал необычное состояние. Голова была как бы «пуста», не было «видения в целом» или «линейного видения», а рука с ручкой самостоятельно бежит, заполняя страницу за страницей формульным текстом. Запомнился изумленный вопрос, который я себе задавал: «Что это?», «Откуда это?» Правда, для себя позже я кое-как объяснил подобное явление, приняв такую «рабочую гипотезу». Народная мудрость говорит: «Утро вечера мудренее», — и мы объясняем этот экспериментальный факт тем, что, задав с вечера подкорке головного мозга задачу, мы утром по-

лучаем из подкорки решение — оно поступает в кору головного мозга и осознается. Многие научные работники знают, что задачи, над которыми мы безрезультатно бьемся, нередко осознаются решенными чаще всего утром. То ли это решение приснится, то ли мы просыпаемся и осознаем готовое решение — это детали. В моем случае я предположил, что подкорка головного мозга решила поставленную задачу, но не выдала результат в кору: поэтому я решения и не осознавал, и она же давала команды двигательным мышцам руки на запись соответствующего решения. Вот и оказывалось, что голова — кора «пуста» — я ничего не осознаю, а рука «строчит» — лихорадочно записывает решение.

Подобные феномены встречаются. Слышал как-то я выступление по телевидению одной женщины, которая подобное свое состояние объясняла тем, что ей решение «продиктовали инопланетяне с НЛО, с которыми она состоит в постоянном контакте». Подобное объяснение я воспринял с улыбкой.

Чтобы рассказать о необычном состоянии, о котором я упомянул, необходимо сделать отступление в другую область.

Занимаясь с юных лет различными видами спорта и физической культуры, я интересовался и хатха-йогой. Этот интерес продолжается вот уже более 30 лет. Я привык воспринимать хатха-йогу как еще один вид спорта, хотя и весьма необычный. Мог длительными периодами ею не заниматься. Бывали годы, когда я не возвращался к хатха-йоге. В лучшем случае практически еже-

дневно занимался такими упражнениями порядка полугода. Обычно же — не более 2-х-3-х месяцев в году в районе отпускного периода. Временами практиковал лишь дыхательные упражнения, в последнее время достаточно регулярно — аутотренинг, который рассматривал как одну из составных частей йоги (асаны, дыхательные упражнения, сосредоточение-внушение). В комплексе упражнений была и медитация, как одно из упражнений. Она воспринималась как сложнейшее упражнение, которое было трудно выполнять: чаще всего избегал его, поскольку не хватало времени на все упражнения. Хотя в период отпуска где-нибудь на берегу речки или моря было приятно делать упражнения хатха-йоги, но практически они никак не влияли на реальную жизнь, хотя изредка и мелькали необычные проявления. В целом, сложилось интуитивное представление, что хатха-йога почти бесполезна для реальной жизни, если ставить цель полного изменения себя с ее помощью.

В период, так называемой «перестройки» в бывшем Союзе, когда разразился крах экономической системы социализма, а также приближался крах мировоззренческой системы, я с жадностью набрасывался на новую информацию, которая тогда становилась доступной. В том числе это были широко известные на Западе, но неизвестные в бывшем Советском Союзе книги, воспринимавшиеся как откровения XX века. Они пришли на территорию Советского Союза только на грани 90-х годов. В то время стали доступны также религиозные книги — Библия, Коран,

религиозные и философские произведения Востока, да и не только Востока. С использованием новой информации более интенсивно разрушалось старое и формировались элементы нового мировоззрения.

По ряду обстоятельств личного порядка, а также как способ сохранения духовности в период нарастания экономического, политического и мировоззренческого хаоса в стране, я стал интенсивно писать книги. Несколько лет работал, по сути, регулярно совмещая с обычной научно-педагогической деятельностью работу над книгами научного и учебного характера, выпуская в среднем по книге в год. Весной 1993 г. работал над очередной книгой — учебником, торопясь написать и подготовить ее к изданию к лету. Учебный год был напряженный. Много сил занимали типичные для нашей жизни «политические игры», в которые поневоле оказывался втянутым на службе. Была также обычная для тех лет работа по организации научных конференций высокого ранга и другая типичная для доктора наук и профессора деятельность. То есть, в целом, это был период предельного напряжения всех физических и духовных сил. Снова возвратился к упражнениям хатха-йоги, почаще стал делать дыхательные упражнения, стал пытаться регулярнее делать медитации. Однако каких-либо заметных успехов в плане глобальных обещаний и целей йоги, как и обычно, не наблюдалось. Именно в такой период и подошел к упомянутому необычному состоянию.

Оглядываясь назад, могу сказать, что подход к такому состоянию все же не был внезапным.

В промежуток времени, непосредственно предшествующий просветлению, проявлялись некоторые изменения: одни из них привлекли моё (и окружающих) внимание сразу, а другие были осознаны позже.

Каждому творческому работнику известно, как нелегко ввести себя в творческое состояние. Плодотворно работает практически только на голодный желудок, а себя, кроме того, надо хорошо подхлестнуть основательными порциями крепкого чая или кофе. Те, кому не приходилось так работать, вспомните хотя бы Льва Толстого, который говорил, что он должен был выпить два чайника чая, пока подготовит себя к работе. Только практически доведя себя до «автоколебательного режима», я мог нормально работать — просто это нормальное рабочее состояние, когда уже получается что-то путное, новое. Поработав в таком состоянии дома, уже не очень работает на службе, с коллегами — слишком взвинчен. Надо иметь время, да и умение возвращать себя в обычное, более уравновешенное состояние. Так вот, я заметил, что несмотря на искусственное взвинчивание огромными порциями упомянутых «слабых наркотиков», хотя бывал в хорошем рабочем состоянии, становился позже все спокойнее и стабилизированнее.

Второе, что заметили коллеги, изменился уровень восприятия окружающего. Он стал более глубок и менее традиционен. Когда приходилось решать текущие производственные вопросы, коллеги не раз замечали, реагируя на мои решения: «Вы говорите, как Б. Г.» Так в наших научных

кругах называли основателя научного направления профессора Б. Г. Марченко, объединившего ряд научных школ в области нашей научной деятельности, отличавшегося особо глубоким и нетрадиционным взглядом на вещи.

Я работал над книгой на даче (которую выше упоминал как «дачу-кабинет»), уединившись от семьи и от коллег, превратив ее, как говорил коллегам, в рабочий кабинет. Хотя такое уединение и необходимо, все же, в целом, в какие-то периоды дня или вообще определённые промежутки времени, оно обычно тяготно. Но здесь я стал замечать, что одиночество становилось все более и более приятным, наполняя упоительным покоем и даже в какой-то степени — блаженством. Хотя западному уму трудно это понять, но на Востоке это хорошо знают: отшельников нередко охватывает состояние блаженства. Это у нас, на Западе, считается, что самое сильное наказание преступника — одиночная камера, что такое заключение может привести к сумасшествию. На Востоке одиночество воспринимают как необходимое условие духовного роста, совершенствования.

И, наконец, что я заметил до наступления упомянутого необычного состояния — это изменение типа мышления. Сначала, когда надо было обдумать какой-нибудь вопрос, я с удивлением заметил, что, стоит мне сознательно поставить такой вопрос, вспомнить некий факт, как сразу же уже без моего усилия, без моего ведома, быстро, как в калейдоскопе мелькает в голове десяток — полтора новых фактов, мыслей, которые сами выстраиваются в логической последовательности,

объясняя, обосновывая взятую мысль (поставленный вопрос), взятый факт. А далее эта, необычная для меня, способность трансформировалась — я уже не мог думать в обычном (логическом) смысле — с использованием слов, понятий. Теперь все этапы доказательства, обоснования, которые возникали самостоятельно и чрезвычайно быстро, представлялись образно, зримо. Подчеркиваю, что я с удивлением заметил, что не могу, даже если и пытаюсь, мыслить по-старому — с использованием слов, понятий — они сразу же и автоматически трансформируются в образы.

2. Состояние самадхи

После этого пришло необычное состояние. Вход в него осознается, пребывание в нем и выход из него — нет. Оно настолько лично, интимно, что в тот период я усиленно его скрывал, лишь изредка намеками говорил о нем друзьям и коллегам. Лишь спустя время, уже лишь на логическом уровне я мог вспоминать и говорить о нем.

При входе в это необычное состояние совершенно четко ощущаешь «растворение» тела. Тело, постепенно растворяясь, исчезает и остается очень острое осознание себя: себя без тела. Творческим работникам известно состояние очень четкого осознания себя, когда хорошо работается, в период «озарения» или после него, свой вопрос ясно видишь духовным взором. Здесь было что-то подобное, но на порядки выше. Это состояние объясняет, откуда возник на Востоке тезис: «Я —

Атма», т.е. «Я — Индивидуальная Душа». Это состояние и объясняет веру в душу, потому что тела совершенно не ощущаешь, его нет, а острое осознание себя надо как-то назвать, так почему бы не назвать термином «Душа». Более того, ты не ощущаешь, где находится, где расположена эта «Душа», ощущаешь, что она только и существует.

Что делал, как работал, как выходил из этого состояния — это не осознавалось, оставались лишь смутные воспоминания. Однако я занимался профессиональной деятельностью — писал книгу, учебник по своему курсу. Налицо физический результат — листы исписанной бумаги, причем, производительность была на порядок выше обычной. Тогда я начал писать на украинском языке, который только усваивал как новый язык мышления, так что под руками — словари, а также учебники, монографии, справочники. Я как-то пользовался всем этим, но это не осознавалось. По стилю же книга совершенно не походила на предыдущие книги, а их тогда было уже около десятка, так что есть, с чем сравнить.

Если пытаться, оглядываясь назад, словами описать изменения, связанные с необычным состоянием, а также хотя бы общие ощущения такого состояния, это можно сделать так.

Первое, быть может, самое основное — это четкое осознание, что словами выразить, описать состояние невозможно.

С этим связано очень четкое осознание того, что далеко не все, а только, быть может, лишь небольшая часть, описывается обычным языком, в привычной понятной логической последователь-

ности. Большая, преобладающая часть, не описывается в схеме обычного языка, традиционной логики. Позже, размышляя над этим ощущением, я осознал хорошо известное положение нашей философии, что наука изучает действительность строгими методами, а искусство — образно, адресуясь, прежде всего, к чувствам. Сейчас я бы добавил, что наука и искусство изучают не только разными методами, но и более или менее разное; искусство может и должно изучать и доносить до человека то, что невыразимо в терминах языка. Принято говорить, что рациональное — область действия науки, интуитивное — область действия религии. Именно такая, невыразимая словами область — сфера деятельности всех религий. Именно поэтому они неискоренимы, несмотря на все погромы — вспомним хотя бы, что знаем об истории религии в Советском Союзе. Стоило Союзу распасться и, несмотря на 70-летнее искоренение, гонения, репрессии, религии расцвели буйным цветом. Для религии есть своя сфера деятельности, которую ничто не перекрывает — ее лишь частично затрагивает искусство.

Второе — исключительно ясное и острое ощущение — Блаженства.

Каждый творческий работник, который имел «озарения», знаком и с ощущением радости, связанным с ним. Как-то даже публиковалось в журнале «Наука и жизнь» в научно-популярном изложении исследование ленинградского медика, доказывавшего, что инстинкт познания, заложенный в человеке природой, дополняется этим ощущением радости в виде «платы» за хорошо

выполненную работу. (Вспомним, например, еще т.н. «мышечную радость» как плату за физическую работу, известную любому спортсмену и т.д.). Ощущение блаженства, которое сопровождает описываемое необычное состояние, сродни этой радости, но неизмеримо выше и на порядок сильнее. Вспоминая всю свою жизнь, нельзя найти ничего подобного: ничто — ни музыка, ни поэзия, ни живопись, ни творчество, ни спорт, ни секс и т.д. не могут дать ничего подобного. В этом состоянии блаженства есть все, что испытывал ранее в жизни, но и есть нечто, чего никогда не встречал. Оно настолько сильное и притягательное, что вновь и вновь хотелось бы его испытать, пребывать в нем.

Можно для сравнения, чтобы пояснить притягательность такого состояния, сказать, что к нему, скажем, тянет, как тянет сластену к сладкому, которое лежит на глазах, как тянет алкоголика или хотя бы человека, любящего выпить, к открытой бутылке спиртного, стоящей на виду, или даже, грубо говоря (мы все когда-то читали о крысе с вживленным в центр удовольствия мозга электродом), как такую крысу тянет к установке, замыкающей контакт электрической цепи и дающей ощущение удовольствия — крыса, забыв о еде, об особи другого пола и т.д. снова и снова замыкала контакт, стремясь к непрерывному удовольствию. Притягательность описываемого состояния подобна этим примерам, но неизмеримо сильнее.

Третье — ощущение Света. Это ощущение трудно охарактеризовать, конкретизировать.

Смутное воспоминание, что все заполнено светом, ярким светом. Все же оно у меня отождествлялось со Знанием — это было как бы одно и то же, или же, по крайней мере, как две грани одного и того же явления.

Я уже говорил, что на подходе к необычному состоянию изменился мой тип мышления, так что к каждому поставленному вопросу психика услужливо сама находила цепочку обосновывающих мыслей, фактов. Теперь это исчезло. Теперь каждый вопрос, который возникал, находил мгновенное и всестороннее решение — было мгновенное проникновение в суть — приходило Знание. Напомню, что я писал учебник не на пустом месте. Как преподаватель, я почти четверть века читал различные варианты соответствующего курса, знакомился все время не только с учебной, но и с научной литературой в этой области и, наконец, личная научная деятельность тоже была связана с частными ветвями из этой области. Так что к моменту написания учебника я был наполнен идеями, фактами, размышлениями. И все же, то что я называю Знанием — выше простого перечня суммы фактов. Даже кратковременное «озарение» дает новое Знание. Если представить, что «озарение» на порядок выше обычного «линейного» логического процесса мышления, то это состояние «Света-Знания» на порядок выше «озарения».

Четвертое — ощущение Покоя.

Здесь полное отсутствие возбуждения, нервозности, что ли, здесь всепоглощающий, всеохватывающий покой.

Как я выходил из подобного необычного состояния — не помню, это не осознавалось; не было, как я сказал, и четкого воспоминания о самом процессе работы в нем. Это как провал на несколько часов. Был результат — определенное число написанных страниц, на порядок больше привычного и написанного не так, как обычно. После работы, вместо обычной усталости, всегда ощущался подъем, чувствовал себя отдохнувшим, было состояние радости.

Все это продолжалось, пока я заканчивал книгу, порядка полутора месяцев. Никаких специальных приемов, чтобы войти в необычное состояние, я не применял. Было достаточно сесть за стол и сосредоточиться и почти сразу же начинало «растворяться» тело, а я исчезал — переставал себя осознавать. Это состояние, как наваждение, стало втягивать меня в любом положении. Читайте для отдыха фантастику, лежа на боку, и начинаю «растворяться». Приходилось встряхиваться, усилием воли сбрасывая с себя «наваждение». В течение этих полутора месяцев несколько раз пробовал делать медитацию. Сначала, в отличие от обычного, без преодоления внутреннего сопротивления было просто приятно и легко делать упражнение. Далее стал получать радость. (Такого ранее не бывало — ощущение безмолвия, покоя — это все, что достигалось). И, наконец, и здесь стало возникать ощущение «растворения» тела. Всего несколько медитаций и я пришел к тому же. Я прекратил упражнения.

Я стал сдерживать себя даже в работе за столом. Неудержимо тянуло сесть за стол. Это не

известное хотя бы из Пушкина состояние, когда рука тянется к перу, а перо — к бумаге, нет, тянуло сесть за стол, взять в руки ручку, потому что почти сразу же я — там — в мире блаженства, но через несколько часов с хорошим профессиональным выходом. Почему я себя сдерживал? Просто меня в этот период не существовало. Возникло опасение потерять себя, обычного, знакомого. Все, чем я занимался всю жизнь, стало восприниматься никчемным, мизерным; появилась непреодолимая потребность заниматься чем-то иным, нужным для значительно более широкого круга людей.

В промежутке между этими состояниями я был все время близок к нему. Я изменился и в физической жизни. Обычная для меня, повышенная возбудимость, нервозность заменилась непоколебимым покоем.

Людей стал понимать сразу же и глубоко. Стоит человеку сказать несколько слов — и мне уже все ясно. Взрослый человек воспринимается как малый ребенок с его нехитрым мирком, простенькими хитростями, желаниями. Чувствовал себя как какой-то колосс перед малым дитем — доброжелательно и успокоительно что-то объяснял ему, советовал, отвечал на его простенькие вопросы.

Заметил, что уже не мог, как ранее, смотреть телевизор. Две-три минуты, начиная с любого места фильма, и видна вся фабула и до и после этого момента. Фильмы воспринимались как маленькие сказочки для дошкольников с их немудреным сюжетом.

Я постоянно светился изнутри. Даже жена, воспринимая это состояние чисто по-женски, пыталась начинать поскандаливать, ревновать — я чувствую, — говорил она, — что у тебя кто-то есть, ты влюблен.

3. Состояние самадхи и вечные проблемы

Что же это было? К этому времени я уже был знаком с книгой Франклина Меррелла Вольфа «Пути в иные измерения», в которой описывается подобное состояние автора в виде обработки дневниковых записей. Я подозревал, что мое состояние — это самадхи, но не был тогда в этом уверен. Меррелл Вольф — философ и математик, профессор, с типом психики, близким к моему, занимался хатха-йогой и медитацией, хотя и без заметных успехов. В период напряженной умственной деятельности он достиг просветления. Это произошло в тридцатые годы. Больше в литературе я не встречал упоминаний о подобных случаях. Так что, возможно, в XX веке я второй человек, пришедший к просветлению таким путем. Поэтому можно было бы для краткости сказать: «путь Меррелла Вольфа». М. Вольф отметил, что позже он нашел в книге о тибетской йоге описание подобного способа просветления. Отталкиваясь от этого замечания, я отступил от обычной для меня литературы вокруг хатха-йоги и начал знакомиться с эзотерической и философско-религиозной литературой, которая оказывалась доступной и которая, на первый

взгляд, воспринималась как имеющая отношение к подобным состояниям.

Я понял, что необычное состояние, в котором я находился, действительно самадхи, или нирвана, или просветление.

Я понял суть основных религий мира.

Я понял, что ответ на поставленный вопрос часто существует лишь для отвечающего, но его может совершенно не существовать для вопрошающего. Можно всю жизнь слышать какие-то слова, и они воспринимаются как глупость, бессмыслица. Я понял, что современный западный мир центрировал человека в голове, в разуме и поэтому значительная часть того, что не укладывается в обычную логическую схему, не воспринимается. Например, если нам, закоренелым и убежденным материалистам, слушать некоторые из религиозных проповедей, искусственно сместив свой центр из головы (вызвав, например, в памяти и удерживая все время в памяти состояние, близкое к самадхи), то они неожиданно перестают быть бессмыслицей и наполняются глубоким содержанием. А в других случаях вдруг обнаруживаешь, что проповедник сам не понимает, о чем говорит.

Я понял, что на некоторой глубине то, к чему стремятся многие религии, призывают философские системы, даже суперсовременные рекомендации типа Дейла Корнеги – все это одно и то же, все это сливается воедино. Обращаясь к человеку, они желают ему счастья – именно здесь, сейчас, на Земле. А вот способы, приемы, методы – различны. Они хотят изменить со-

стояние сознания человека. Как это сделать — именно в этом основная сложность.

Мне понравилась притча, которую рассказал Ошо в «Тантре» по этому поводу. Вот она.

Один богатый человек на Востоке хотел стать самым богатым. Ему казалось, что достигнув наибольшего богатства, он станет самым счастливым. И он становился все богаче и богаче. Наконец превзошел всех, о ком знал — стал самым богатым, но не достиг счастья. Тогда он собрал в мешок все накопленные драгоценности и пошел по мудрецам, стараясь выяснить, в чем же дело, почему он не испытывает счастья, но никто не мог его удовлетворить своими пояснениями. Наконец он прослышал о Мулле (Ходже) Насреддине, популярном на Востоке мудреце. Пришел к нему в селение. Спрашивает: «Где Насреддин?» «Вон, за поселком на холме, под деревом медитирует», — ответили ему. Подходит богач к Насреддину, поведал о своей истории. Тот молча выслушал, так и не сказав ни одного слова, и, вдруг, также молча вскочил, схватил мешок с драгоценностями — и убежать. Богач опешил: «Какой же это мудрец? Ведь он — вор», — и припустился за Насреддином. Насреддин знает поселок, бегаёт с улицы на улицу, с переулка в переулок — вот-вот совсем скроется. Богач в отчаянии — всю жизнь копил богатства, не стал счастливым и вдруг все теряет. «Какой же я несчастный. Я — самый несчастный человек в мире», — воскликнул он. Тогда Насреддин свернул за поселок, подбежал к своему дереву, сел, мешок поставил перед собой. Богач вскоре был

тут же, запыхавшись, подбежал к мешку, схватил его и воскликнул: «Наконец он у меня! Я — самый счастливый человек на Земле». И только тут заговорил Насреддин: «Видишь, — говорит он, — дерево — то же; я — тот же, мешок тот же самый. Все — то же самое. Но ты полчаса назад был несчастным человеком, потом — самым несчастным человеком, а сейчас ты — самый счастливый человек на Земле. Ничего не изменилось, только ты изменился».

Да, красота и безобразие, счастье и несчастье, рай и ад — все это не реальный внешний мир, но наши внутренние ощущения. Они могут быть изменены именно изменением состояния сознания. И вот именно пути, ведущие к такому изменению, разные.

В этих терминах сейчас даже стали писать рекламные листки, листовки представители христианства (сейчас неважно для нас, какие его ветви, секты).

Вот одна листовка передо мной под названием «Как быть спасенным и знать об этом». В ней, в частности, говорится: «Каждый, родившийся в этом мире, унаследовал греховную природу; из этого природного греха исходят все злые деяния; ты ничего не можешь сделать, чтобы спастись».

(Но!)

«Вот благая весть Евангелия: Одной лишь веры умом в то, что ты, грешник, что Бог возлюбил тебя и что Христос умер за тебя, недостаточно. Ты должен лично проникнуться этим, покаяться и принять Господа Иисуса Христа как

Спасителя своего. Покаяние — это «изменение мышления».

Я процитировал часть текста листовки, вплоть до слов «изменение мышления», приведенное в ней именно в кавычках, именно этого изменения состояния мышления и добивается христианство.

«Покайтесь, ибо Царство Божие близко» — говорится в Библии, а это значит, что надо войти вовнутрь и тогда по пути: покой, радость растворения тела — ты подойдешь к ощущениям самадхи, одно из которых — БОГ (Атма).

Тут уместно продолжить рассуждения Ошо в «Гантре». Христианство возникло 2 тысячи лет назад в среде малоимущих рабов, вольноотпущенных и др. Для них отсутствие тяжелой работы, отдых, довольство — это уже блаженство. Вот и предлагала им Библия рай в этих терминах. Но такое пояснение — лишь «метод», «способ» заставить такого человека выполнять те требования (заповеди), которые вели к изменению состояния сознания. При этом действовали понятным человеку методом — «кнута и пряника». Будешь соблюдать заповеди — «заплатим» тебе — попадешь в рай, не будешь соблюдать заповеди — «накажем» — попадешь в ад — будет еще хуже, чем сейчас. Метод «кнута и пряника» заставлял здесь, сейчас, на Земле соблюдать заповеди, что приводило к изменению состояния сознания, что, в свою очередь, делало человека счастливым именно здесь и сейчас на Земле.

Мы больше знаем коммунизм, его заповеди. Один деятель христианской церкви как-то му-

дро заметил: «Коммунизм — это на фоне 2-х тысячелетней истории христианства — небольшая ересь». Когда мы, достаточно хорошо знающие классиков марксизма-ленинизма, смогли познакомиться с Библией, мы заметили, насколько близкими являются эти учения, как много в коммунизме заимствовано из Библии. Вспомним известный и широко распространённый тезис в послереволюционные годы: «Загоним человечество железной метлой к счастью». И опять — счастье, причем, сразу для всего человечества.

На Востоке дело обстояло несколько иначе. Религии Востока более древние, чем христианство. По трактовке Ошо они были, прежде всего, ориентированы на потребности богатых людей. Исторические личности, позже известные как святые, как Боги, были на уровне, на нашем языке, принцев. Например, историческая личность Сиддхарт Гаутама, который жил в Индии в середине VI века до нашей эры, — известный позднее как первый Будда, — был именно таким. У них было все, что дает власть и богатство и отсюда пресыщение, скука. И опять-таки, как говорит Ошо, лишь как способ заставить их делать необходимые вещи для изменения состояния сознания — угроза бесконечной череды таких мучительно однообразных жизней. А в итоге, если здесь, сейчас подобный человек сможет изменить состояние сознания, он и станет счастливым — именно здесь, сейчас, на Земле.

Если взять более близкую нам литературу, мы, по сути, увидим то же самое. Практически неизвестная нам, из-за уничижающей критики

Ленина, что это «утонченная поповщина», религиозно-философская часть творчества Л. Толстого («Круг чтения», «На каждый день», «Путь жизни»), говорит о том, что великие мыслители всех времен и народов учили одному и тому же: «Для того, чтобы хорошо прожить жизнь, надо понимать, что такое жизнь и что в этой жизни надо и чего не надо делать. Этому учили во все времена самые мудрые и доброй жизни люди всех народов. Учения этих мудрых людей все в самом главном сводятся к одному. Вот это-то одно для всех людей учение о том, что такое жизнь человеческая и как надо прожить ее (и есть настоящая вера)».

Возвратимся еще раз к описанию состояния просветления. Хотя это сугубо индивидуальные переживания, и многие просветленные люди Востока предпочитают его не описывать, общие черты существуют, и в великих религиях мы видим одни и те же ключевые слова: блаженство, свет, знание, покой... Необычайно ярко и образно, на мой взгляд, это состояние описано в стихотворении Шри Чинмоя «Абсолют»:

*«Ни разума, ни Формы – только Я,
Желания и мысли растворились.
Настал конец кружения Природы
И оказалось, нужен мне – лишь Я.*

*А беспредельное блаженство распахнулось
В преодолении различий знания со мной
Я упоен немислимым покоем
И лицезрею только Одного.*

*Раскрыл давно все секреты жизни
И оставалась тайна лишь во мне самом.
Но вот теперь незыблемо явились:
Я сам – есть Путь и Я – Душа, Я – Бог».*

Если не обращать сейчас внимания на особенности восточного ума, религиозно-философского настроения в направлении самосовершенствования, самопознания, здесь именно и отражены те моменты, о которых я говорил: блаженство, покой, свет, знание, а также ощущение «Я – Душа», о котором я говорил.

Состояние просветления сосредотачивает в себе различные качества и поэтому к нему идут разными путями, пытаясь достичь желаемого.

Ощущение «Я – Душа» по утверждению восточных учений (например, «Бхагавад-гиты») – это ступень к осознанию Бога. Квинтэссенция многих восточных религиозно-философских учений – это и есть осознание Бога через просветление. Душа, по их учениям, и есть частица Бога в каждом человеке. Мне не раз приходилось встречать в литературе утверждения о таком состоянии сознания, когда все человечество осознается единым (и возникает, проявляется любовь ко всем). У меня, по крайней мере, единожды было четкое подобное ощущение во время коллективной медитации, когда при соответствующей глубине погружения в себя перестает ощущаться различие между людьми – все присутствующие при медитации как бы слились воедино. Я полагаю, что ощущение «Я – Душа», достигаемое в состоянии самадхи, дополненное

ощущением единства всех людей (человечества) и объясняет указанную основу восточных религий.

Второе очень распространенное направление связано с ощущением блаженства. Во все времена и у всех народов, люди в основе своей воспринимали жизнь как страдание. Сейчас, в особенности у нас, проявляется недовольство собой, неприятие бездуховной жизни, стремление избавиться от страданий, стремление к удовольствиям, желание счастья. Приближение к состоянию самадхи увеличивает покой, на периферию уходят различные внешние события, не затрагивая близко чувств человека, нарастает чувство умиротворенности, приближаясь к состоянию блаженства в конце этого пути.

Третье ощущение — Света=Знания. В состоянии самадхи возможность познания достигает своего максимального уровня. Те элементы интуиции, которые проявляются у любого исследователя, превращаются в поток интуитивного проникновения в сущность, минуя, переступая через теории, математические соотношения, экспериментальные факты.

По этому вопросу для нас интересны размышления Фритьофа Капры в книге «Дао физики», написанной в семидесятые годы, но дошедшей до нас лишь спустя двадцать лет. Он, доктор философии, увидел общность между взглядами современных физиков и современной картиной материального мира и взглядами, представлениями древних религий Востока (индусов, даосов, буддистов, дзэн-буддистов). На каждом этапе

развития человечества научные знания, сам язык не могут полностью отразить окружающую действительность. Это лишь упрощенные модели действительности. Вот и оказывается, что время от времени возникает четко осознанное ощущение, что невозможно в терминах, существующих на данный момент представлений, научных теорий, языка выразить новые результаты – существует невыразимое. Об этом же во все времена говорили мистики Востока (медитативное состояние ума – это синоним термина мистического состояния ума!). В частности, Ф. Капра приводит цитаты, которые повторим мы.

«Для того, чтобы рассказать о своих ощущениях, нам нужны слова, хотя происхождение этих ощущений не имеет никакого отношения к языку. Если Вы никогда не задумывались об этом раньше, это противоречие покажется Вам парадоксальным».

Ф. Т. Судзуки

«Здесь проблемы, связанные с языком, действительно серьезны. Мы хотим как-то рассказать о строении атома... Но мы не можем описать атом при помощи обычного языка».

В. Гейзенберг

«Восточный мистицизм, – говорит по этому поводу Ф. Капра, – основывается на непосредственном постижении реальности, а физика основывается на наблюдении природы путем постановки экспериментов... Сложность и эффективность технического оборудования фи-

зика уравнивается, если не превосходится сложностью и эффективностью мистика — как в физическом, так и в умственном отношении — погруженного в глубокую медитацию. Получается, что и физики и мистики выработали в высшей степени утонченные методы наблюдения природы, недоступные непосвященным».

Использование медитативного состояния ума способствует развитию творческих способностей исследователя, достижению их потенциальных пределов. Если идти по этому пути, то в его конце полностью объединяются интуитивное и рациональное в Знании. Более того, конечное состояние таково, что одновременно, автоматически дается максимально возможное удовлетворение, сопровождающее каждое творческое «прозрение» — «блаженство» и, наконец, автоматически приходит на смену разочарованиям недовольству собою, даже страданиям — Счастье, Покой.

Известно мнение, что все просветленные обладают оккультными способностями. Однако многие люди владеют отдельными аспектами таких способностей. Более того, на Западе уже длительное время, на серьезном современном уровне современно образованные люди, ученые пытаются исследовать такие способности. Например, описание одного из них — книга американского профессора-психиатра Шафики Карагуллы «Прорыв к творчеству» о феноменах, необычных способностях человека у обычных преуспевающих людей — врачей, политиков, бизнесменов. Они, чтобы не вызывать недове-

рие к себе, скрывают свои способности, но эффективно используют их в своей деятельности. На мой взгляд, такие способности — это приближение в каких-то «точках» к полному интуитивному Знанию, характерному для состояния просветления.

Как мы видим, многие вечные проблемы и находки века находят с позиций состояния самадхи неожиданное, но естественное освещение.

Осень 1993 г.

Раздел 6

Дипломы, аттестаты, почетные звания, публикации в биографических изданиях, награды

Здесь сосредоточены оттиски документов, которые определяют официальную квалификацию. Представлены поздравления с 60-ти летием от имени института, учеников и львовских коллег. Даны биографии, опубликованные в зарубежных биографических изданиях, данные о почетных званиях и других наградах.

АКАДЕМИНУ
ОМЕЛЬЧЕНКО
Виктору
Александровичу

от коллектива ХТУРЭ

Харьков-1998

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ УКРАЇНИ
ХАРКІВСЬКИЙ ДЕРЖАВНИЙ ТЕХНІЧНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
РАДІОЕЛЕКТРОНІКИ

НАКАЗ

15.09.98 № 340к

м. Харків

15 вересня 1998 року виповнилося 60 років з дня народження професора кафедри приймання та обробки сигналів Омельченку Віктору Олександровичу.

Професор Омельченко В.О. працює в Харківському державному технічному університеті радіоелектроніки з 1971р. спочатку зйіршим викладачем, з 1974р. - доцентом кафедри конструювання радіотехнічних систем та кафедри радіоприймальних пристроїв. Після закінчу докторської дисертації в 1986р. та отримання звання професора він працює професором кафедри приймання та обробки сигналів.

На протязі своєї роботи викладачем вклав багато сил і вміння у постановку навчального процесу. Є автором першого в Україні підручника з теорії зв'язку українською мовою у 3 частинах, задачника та багатьох навчальних посібників для студентів і аспірантів спеціальностей радіотехніки та зв'язку. За свої досягнення в 1994р. отримав звання кращого методиста університету, в 1996р. отримав премію, а в 1997р. - диплом Міністерства зв'язку України. В 1996р. отримав грант та почесний диплом Соросівського професора.

Активно веде наукову діяльність. Є автором понад 200 наукових праць, серед яких 3 монографії. Ним розвинуто новий науковий напрямок у статистичній радіофізиці, підготовлено 7 кандидатів наук. Приймав участь в організації та керівництві багатьох наукових семінарів, конференцій та симпозіумів. Був членом та головою спеціалізованих рад із захисту дисертацій.

Ім'я професора Омельченка В.О. відоме в Україні, у ближньому та дальньому зарубіжжі. Його біографічні дані публікуються у довіднику "Видатні педагоги вищої школи м. Харкова", "Енциклопедії сучасної України", "Міжнародній книзі пошани" та інших біографічних виданнях. Міжнародні біографічні організації представили його до ряду почесних звань та нагород.

Поздоровляю Вас Вікторе Олександровичу з ювілеєм, бажаю Вам міцного здоров'я, особистого щастя та успіхів у роботі по вихованню студентської молоді та наукових кадрів.

У зв'язку з 60-річчям з дня народження та за сумлінне ставлення до своїх службових обов'язків оголосити професору Омельченку В.О. подяку та нагородити грошовою премією 200 грн.

Ректор

М. Бондаренко

Уважаемый Виктор Александрович!

Коллектив Харьковского государственного технического университета радиозлектроники горячо и сердечно поздравляет Вас, опытнейшего педагога и видного отечественного ученого, известного далеко за рубежом Украины со знаменательным юбилеем – 60-летием со дня рождения.

Ваш славный трудовой путь, начавшийся более 37 лет назад, постоянно связан с преподавательской и научной деятельностью, где Вы, достигнув высших званий и степеней, продолжаете совершенствовать свое педагогическое и научное мастерство. Это ли не лучший способ воспитания молодого поколения на личном примере отношения к труду?

Изданные Вами учебники по теории связи, первые по этой группе специальностей на украинском языке, поднимают на более высокий уровень фундаментальную подготовку студентов и аспирантов радиотехнических и связанных специальностей в нашем вузе. Ваши усилия в данной области оценены премией и дипломами Министерства связи Украины, а Ваша биография опубликована в справочниках «Выдающиеся педагоги высшей школы г. Харькова» и «Энциклопедія сучасної України (НАН України)».

Имея более 200 научных трудов, из которых более 15 книг, Вы создали и развиваете новое научное направление в статистической радиофизике «Вероятностные модели случайных сигналов и полей, обработка и распознавание сигналов», положенное в основу Координационного плана научных работ Министерства образования Украины. Ваши научные доклады, статьи и монографии обобщают многолетний личный научный опыт и достижения виднейших ученых у нас и за рубежом.

Более 30 лет Вы ведете активную научно-общественную деятельность, направленную на консолидацию отечественных ученых и ученых ближнего зарубежья, являетесь организатором научных симпозиумов, конференций и семинаров, что снискало Вам заслуженную известность и признание среди ведущих ученых преподавателей, практических работников и студентов высших учебных заведений.

Ваши достижения в педагогической и научно-общественной сферах деятельности привлекают внимание зарубежных научных и биографических организаций. Наиболее солидные из них опубликовали Вашу биографию в своих престижных изданиях, известных во всем мире и представили Вас к ряду престижных наград и званий.

В 1996-97 г.г. Вами получен почетный диплом и грант Соросовского профессора.

Трудно перечислить все отечественные, зарубежные и международные организации, от которых Вы постоянно получаете предложения стать действительным или почетным членом. Все это положительно влияет на престиж нашего вуза за рубежом.

Глубокоуважаемый Виктор Александрович!

*От имени всего коллектива университета
тепло и сердечно поздравляем Вас с Юбилеем,
от всей души желаем Вам доброго здоровья, новых
творческих успехов и больших достижений в труде
на благо нашего отечества!*

Наши наилучшие пожелания Вашей семье.

Ректор

М.Ф. Бондаренко

Председатель профкома

15 сентября 1998 г.

И.И. Ключник

Основные выступающие на 60-летнем юбилее автора

*Проф. В.И. Алехин – директор Радиотехнического института
(в рамках Харьковского национального университета
радиоэлектроники – ХНУРЭ), слева*

*Проф. И. И. Ключник – председатель профкома ХНУРЭ,
один из лучших дипломников автора, справа*

Проф. д.т.н. Э.Г. Петров – проректор по научной работе в некоторый период времени (в центре, поздравляет юбиляра); проф. д.т.н. Е.П. Пулятин – проректор по научной работе в некоторый другой период времени, справа

Проф. д.т.н. Я.С. Шифрин, Соросовский профессор

Проф. д.т.н. М.Ф. Лагутин – в некоторый период времени зав. кафедрой, декан; секретарь парткома (в некоторый другой период времени)

Доц. П. С. Ковтун – председательствующий на заседании кафедры, посвящённом чествованию юбиляра (старый партийный работник)

Отрывки из поэмы

В. А. Омельченко – профессору и доктору посвящается

Никакого нет резона
За рога тащить бизона...

Учителя

Ты почерпнул у Игравова,
Как надо действовать толково.
Учил во всем дерзать и грезить
Великий классик Ахвезер.

Ты быстро понял: не пизон
Тот самый, младший Браун Джон –
В пространстве Гильберта повыше
Нашел незанятую нишу,
На стыках обнажились щели –
Закреть их вдохновил Кашеев.

А чтоб запал весь не иссяк,
Дал Матевидский в руки стяг.

Коллеги

Профессор Марченко Б. Г.
Взывал искать изюм среди шелухи,
И почитать с особым весом
Модель линейного процесса.

*А файний вечний – ураган
Львів'янин Ярослав Драган
Обгрунтував теоретично
концепцію енергетичну.*

Васильев сделал тонкий ход –
Цель та же, но другой подход –
Смог оценить (пока дискретно)
Поля на многомерных сетках.

В части немарковских сигналов
Работал Казаков немало,
А Трифонов ушел в отрыв,
Модель поставив на разрыв.
Чабдаров все, что есть не гаусс
И использовал, как полигаусс,
А Кунченко увидел в том
Функциональный полином.

Надежный друг по написанию
Вовек не меркнущих томов
Электросвязи, доцент Санников
Подстраховать всегда готов.

Ученики

Считайте – много или мало? –
Из этих кропотливых рук
В научный поиск стартовало
Семь кандидатов тех. наук!
(А институтская молва,
что на подходе еще два).
Нашли они свое призвание –
Вокруг науки все пока:
Четыре – в Минобразования,
Три – инвалиды ВПК.

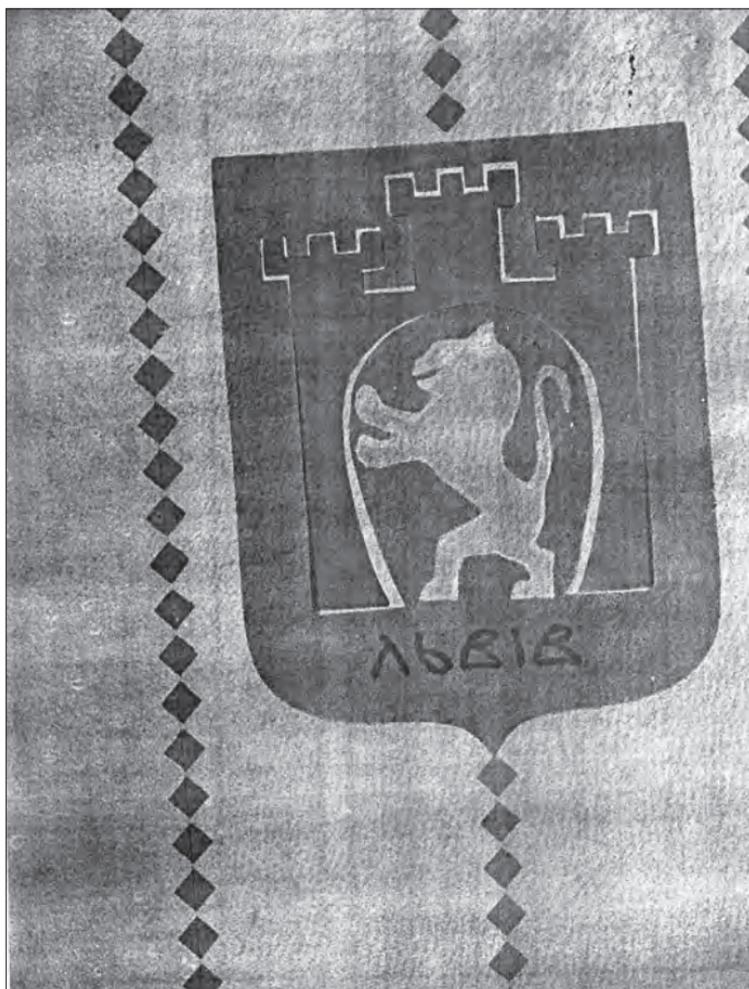
Достижения

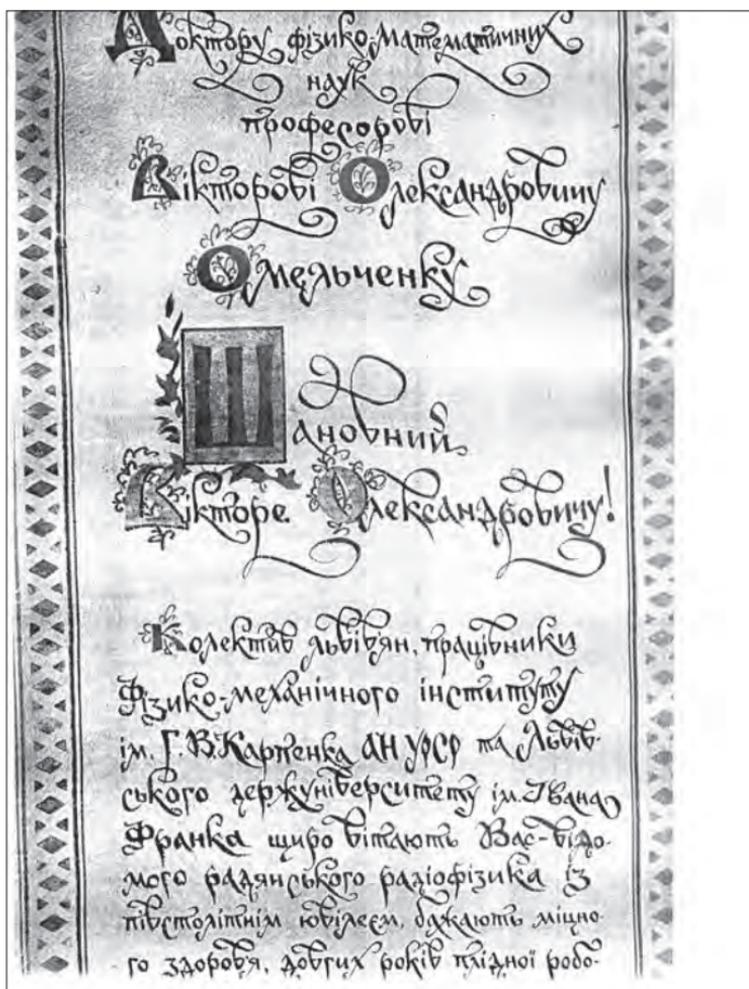
Сперва по указанию штаба
Наказ был: в стужу или в зной,
Но спектр реального масштаба
Добыть! Причем любой ценой.
Правда, из этого роя
Так и не вышло ... результата.
Но это не был просто блеф –
Постичь помог он БПФ.
Писались статьи в достатке,
Финал этих творческих мук,
Как завершение этапа-
Диплом кандидата наук.
Постепенно, но все же рос
Ток высокого напряжения.
На повестке такой вопрос,
Как спектральные разложения.
Впервые в своей истории
Большая страна узнала
“Основы спектральной теории
Распознавания сигналов”.
Желанное стало де-факто,
Молва обогнала звук.
Финиш второго этапа-
Доктор физ.-мат. наук.

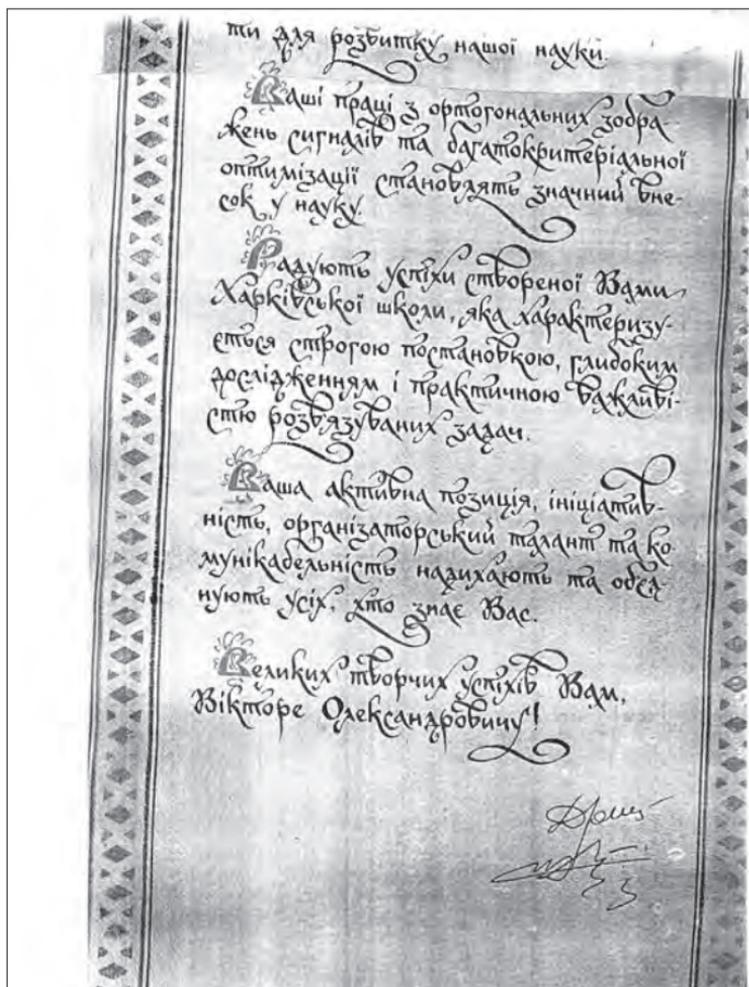
Создания новых моделей
Стоило лишь коснуться,
Словно преодоления
Давно уж отживших конструкций.
Хочется, или не хочется –
Сейчас подтверждают все,
Что та атмосфера творчества,
Что складывалась в Туапсе:
Взбираясь на новые верши,
Волны катились упруго
И четко работали мысли –
Во многом – твоя заслуга.
Дальше – без вариантов –
Писательская пора:
Один за другим фолианты
Из-под золотого пера.
Прочтешь – и не сразу поймешь,
Такая вот ядрена штука.
За место под солнцем борешься,
Наградой за все издержки
Из фонда самого Сороса
Вдруг поступила поддержка.
Весна расцвела среди осени –
Знай наших и не балуй –
Долларов даже подбросили,
Правда, всего с гулькин ... нос.

Эпилог

*Надежды дым пусть не растает...
А стилистично бизеса -
С континентального Китая
Дорога к новым горизонтам!*

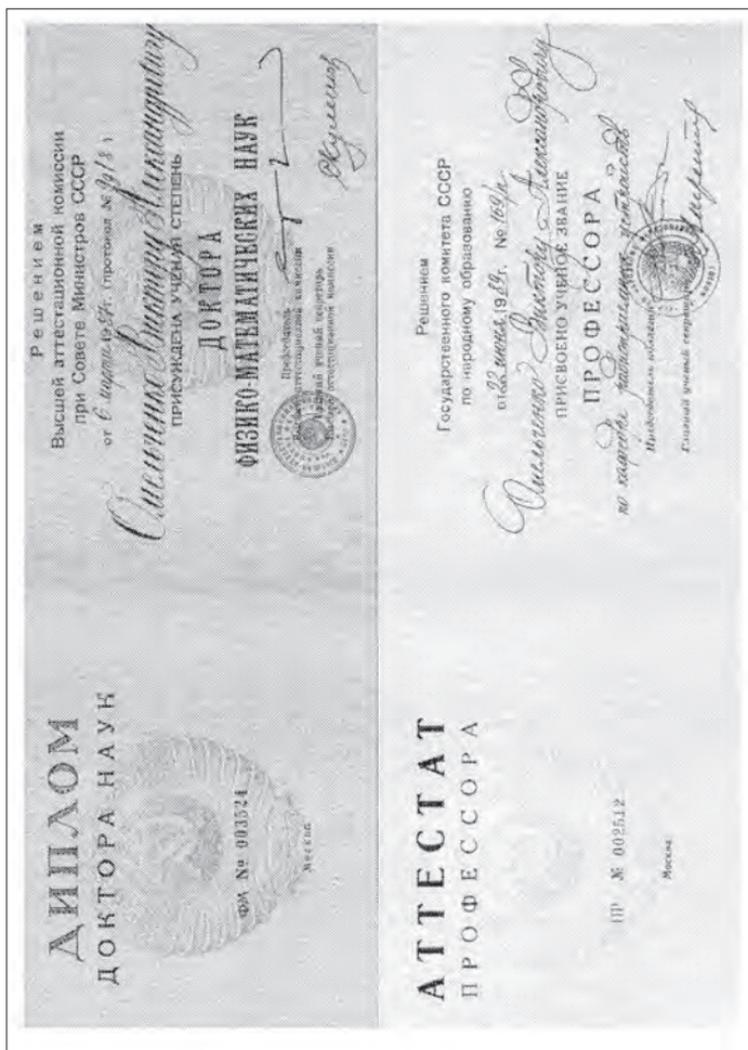

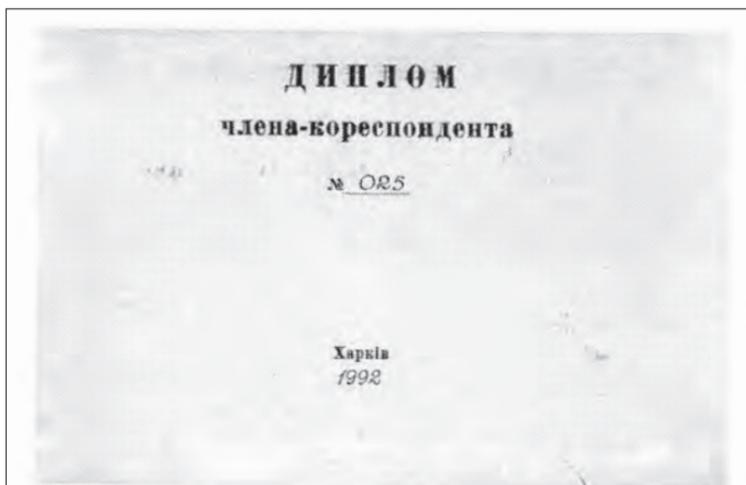

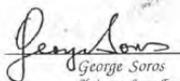

*International Soros Science
Education Program*

*In recognition and appreciation of outstanding contributions to science education
at the university level,*

*Omelchenko
Victor Oleksandrovich*
is selected and named as a
SOROS PROFESSOR

April 6, 1997

George Soros
Chairman, Soros Foundations

**NEW YORK
ACADEMY OF SCIENCES**

NEW YORK STATE TECHNICAL COLLEGE SYSTEM, WESTCHESTER STATE UNIVERSITY

PERMANENT TITLE

Professor Victor A. Omelchenko, FIBA

AS ASSOCIATE PROFESSOR

September 1996

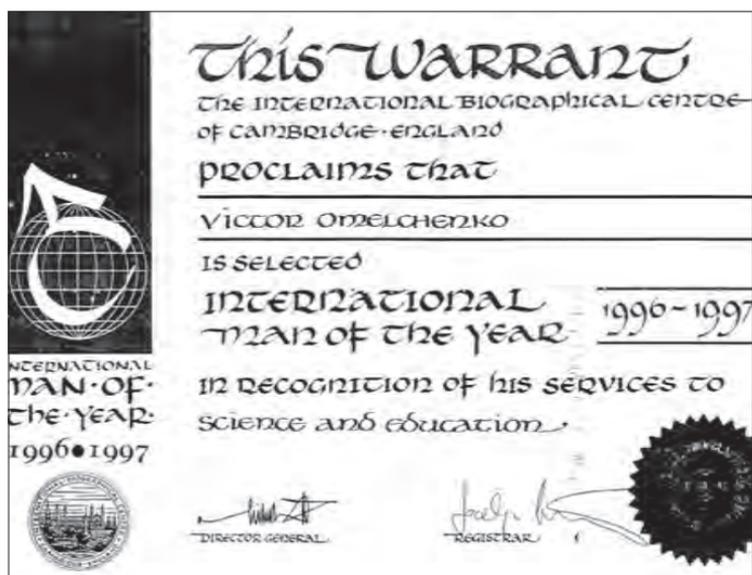
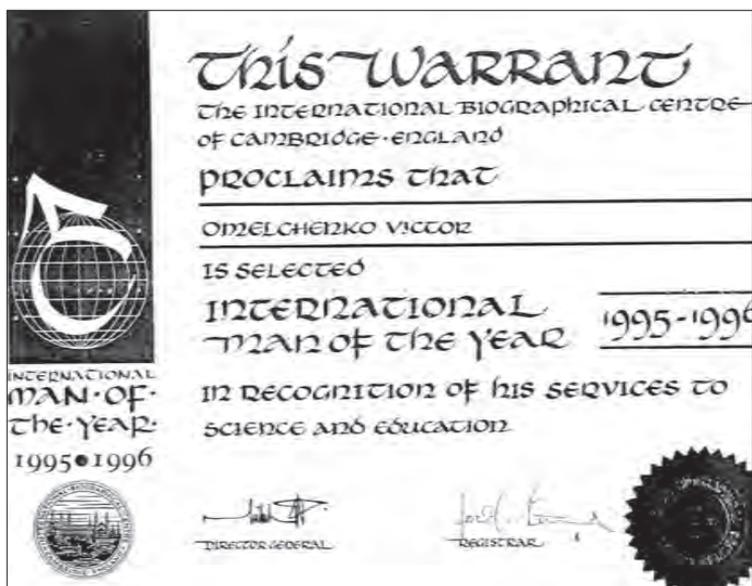
THE UNIVERSITY OF THE STATE OF NEW YORK

THE STATE UNIVERSITY OF NEW YORK

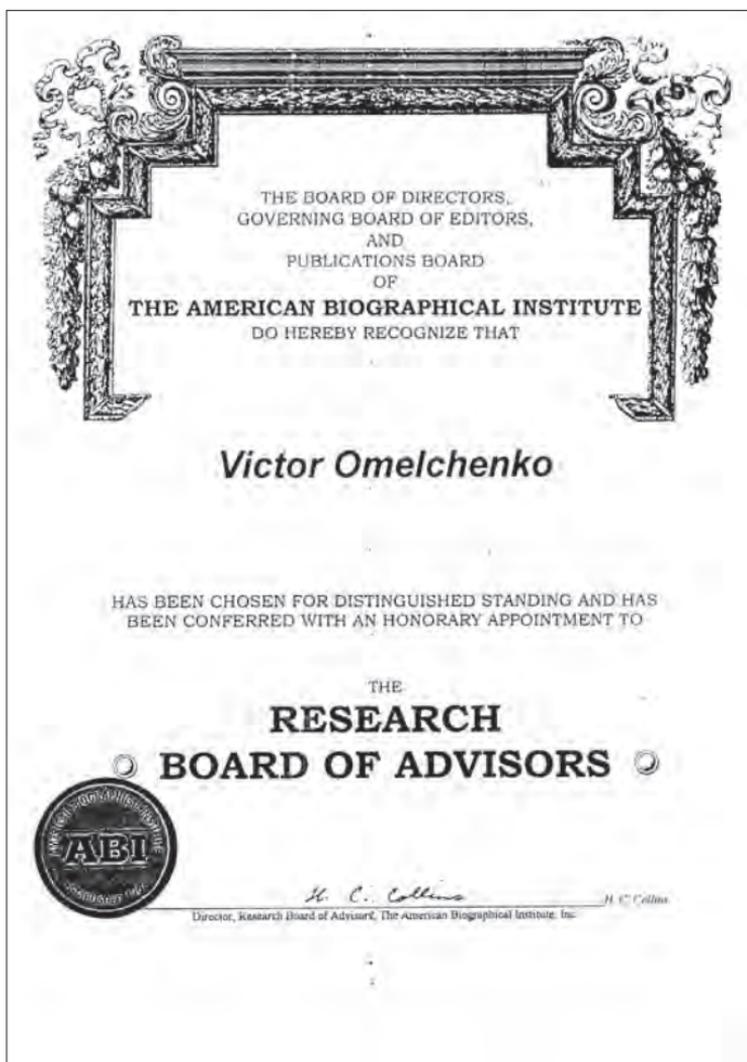

INTERNATIONAL BOOK OF HONOR

Mathematical Physics. He has been awarded a grant from the Nats Foundation, the International Communication Foundation and the Japanese Academy Foundation, among others. Dr. Ohya and his wife, Chieko Shimada have two children—Kiyotaka and Motofumi, and live in Kanagawa, Japan.

Mary Joyce Oliveira

Ms. Mary Oliveira was born in 1954 in Oakland, California, the daughter of Joseph and Vivian Oliveira. She completed a B.A. in women's studies in 1978 at the University of California at Berkeley with a minor in math, and comparative literature; in 1992 she completed her multisubject credential in education at Holy Names College in Oakland, California; she is currently in a masters program for mathematics at California State University in Hayward, California. From 1977 to 1984 she was a recreation director for the Oakland Parks and Recreation Department, and from 1984 to 1989 she was a recreation specialist. In 1993 she was a math teacher for 6th to 8th grade at Alameda United School District, in 1994 she taught 6th and 7th grade, in 1995 she taught algebra and general math, and in 1996 she taught 7th and 8th grade upper math.

She was a member of the California Council of Teachers of Mathematics in 1992; Mathematics Association of America in 1994; and National Council of Teachers of Mathematics in 1991. Among her creative works are Oliveira Originals sock toy; she still continues to research mathematical analysis. Within her community she is a math tutor at California State University at Hayward, a teacher's aide for first grade at the Arts Magnet School from 1990 to 1991; an art therapist assistant at the Terminal Children's Playroom in Oakland from 1985 to 1986. During her free time, she enjoys gardening, horseback riding, arts and crafts, knitting, crocheting, swimming, exercising, walking, and reading. Ms. Oliveira's biography also appears in *Who's Who of American Educators*, *World Who's Who of Women*, and *Who's Who of American Women*.

Viktor A. Omelchenko

Born in 1938, Prof. Viktor Omelchenko received his degree of engineer from the Radio Technique Faculty of Kharkov Polytechnical Institute (KPI) in 1961. In 1973 he received his Diploma of Mathematician from Kharkov State University. The Supreme Attesting Committee in Moscow gave him a Diploma of PhD in theoretical foundations of radio technique in 1969, a Certificate of Assistant Professor in designing of radio technical systems in 1975 and a Diploma of DSc of radio physics in 1987. In 1989 he received the Certificate of Professor in radio reception apparatus from the State Committee of Education in Moscow.

From 1962 to 1986, Prof. Omelchenko worked as a teacher at KPI and KIRE (Kharkov Institute of Radio Electronics) in different departments: Radio Apparatus, Radio Technical Systems, Reception and Processing of Signals. In 1994, KIRE was certified as the State Technical University of Radio Electronics. Viktor A. Omelchenko started as an assistant; in 1988 he became a professor. He has developed a new scientific branch of statistical radio technique—probabilistic models and recognition and processing of signals. He is a member of the Engineering Academy of Ukraine in Kharkov, the Association of Information Processing and Images Recognition of Ukraine in Kiev, the New York Academy of Sciences, the International Biographical Association in Cambridge, England, and the Men's Inner Circle of Achievement in North Carolina, USA.

Honored for his work, Prof. Omelchenko received the Degree of Merit by the Scientific Council of AS of USSR in 1986, and from the All Union Scientific Technical Board of Radio Electronics and Telecommunication in 1990. In 1994 he was named the Best Methodist of the University, in 1995 the premier of the Board of Communication of Ukraine, in 1995-96 was recognized as International Man of the Year by the International Biographical Centre and in 1996 he was honored with the Twentieth Century Award for Achievement.

Prof. Omelchenko has written numerous publications, including *Probabilistic and Deterministic Models in Telecommunication* (1991), *Expansion in Orthogonal Functions of Signals and Fields* (1991), *The Principles of Spectral Theory of Signals Recognition* (1983) and *Signals Recognition Using Spectrums Under the Condition a Priori Uncertainty* (1979). He is the co-author of *Theory of Telecommunication* (parts I & II, 1994 & 1995), *Lecture Notes and Collections of Tasks for the Course "Probabilistic models of random signals and fields"* (1994), *Probabilistic and Deterministic Models of Channels and Problems of Transmission of Information in Telecommunication* (1992) and *Probabilistic Models of Random Signals and Fields in Applied Statistical Radio Physics* (1988), and the co-author and editor of *Probabilistic models of random signals and fields given in*

166

INTERNATIONAL BOOK OF HONOR

problems and exercises (1996). He also edited collections of scientific works, "Probabilistic models and processing of random signals and fields" (1991, 1992, 1993); co-authored and co-edited *Applied Theory of Random Processes and Fields* (1st & 2nd editions, 1993 & 1995).

**International
Book of
Honor**

Fifth World Edition

A Limited Edition

published by
The American Biographical Institute, Inc.
United States of America

INTERNATIONAL BIOGRAPHICAL CENTRE

Viktor A. Omelchenko

Viktor A. Omelchenko was born in 1938 in Khar'kov, Ukraine, in the family of Alexander Dmytchenko and Lailonia Bredakova. His mother came from Prischepa kazak-strek.

Professor Viktor Omelchenko received his degree of engineer from the Radio Technique Faculty of Khar'kov Polytechnical Institute (KPI) in 1961. In 1972 he received his Diploma of Mathematician from Khar'kov State University. From 1962 to 1998, Professor Omelchenko worked as a teacher in different departments of KPI and KIRI (Khar'kov Institute of Radio Electronics), Radio Apparatus, Radio Technical Systems, Reception and Processing of Signals. In 1969, the Supreme Rating Committee in Moscow gave him a Diploma of PhD in theoretical foundations of radio techniques, a Certificate of Assistant Professor in designing of radio technical systems in 1975, and a Diploma of D.Sc. of radio physics in 1987. In 1989 he received the Certificate of Professor in radio reception apparatus from the State Committee of Education in Moscow. In 1994, KIRI was certified as the State Technical University of Radio Electronics.

In the first decade of his scientific and pedagogical career he developed the unified mathematical description of methods of signal's spectral analysis in real time. During the next ten years he researched the theory of random signal's recognition according to spectral features, in the final decade of his activity, he developed a new scientific branch-probabilistic models, recognition, and processing signals. During the last decade he issued ten books (he is an author and coauthor of a total of about three thousand pages). Since 1996, the developed scientific branch has been considered as a ground of the Board of Education (Ukraine) plan of scientific proceedings in the field of Radio Techniques and Electronics for 1995-99. During 1980-90, he organized and supervised at seminars, conferences, and symposia in Ukraine and abroad.

Working intently on one of his books in 1993, Professor Omelchenko came to the highest spiritual state—enlightenment (samadhi). He grasped the sense of revelations of great religions and such things as God, paradise, bliss, eternity, light, and knowledge. He comprehended that the source of enjoyment and suffering is inside the person rather than outside. Deepening inside yourself you may go from enjoyment to pleasure, from pleasure to bliss. Being in a critical state he was not describe by words, Professor Omelchenko did not feel time, immediate and comprehensive knowledge (equating to light) came to him. Periodically he had a strong feeling of community in other words—"all people are brothers and sisters." Sometimes he saw a bright light straightforward in the dark tunnel—the strength of bliss increased as he approached it. Mentioned state comes to him regularly and spontaneously. Generalizing all this, Professor Omelchenko concludes from that deepening inside himself that scientists can not only transform his personality but considerably expand his creative opportunities using this psychotechnology. Professor Omelchenko has become acquainted with religious literature of the West and philosophy of the East. He investigated the practice of meditation of the community Sri Chinmoy and transcendental meditation Makharishi. Not quite satisfied by those theories, he formulated his own conception of eternal problems: "What Man Should Be Like in the 21st Century?" forms rest on a new concept of spiritual development and education. This proceeding was submitted to the international fund "Rebirth" to be published in a collection of lectures of Senior Professors in 1996. Since then he started the development of a methodology of improving the creative opportunities of scientists and new conception of education using meditative methods for joy's influence.

Professor Omelchenko has over two hundred published proceedings, these are fifteen books among them. The most significant are textbook: *Theory of Telecommunication theory* (volumes 1994, 1995, 1997), monographs: *The Principles of Spectral Theory of Signals, Recognition* (1988) and *Applied Theory of Random Processes and Fields* (first and second editions, 1993 & 1995), and a collection of problems: *Probabilistic Models of Random Signals and Fields given in Examples and Exercises* (1998). He writes his books and provides his lectures in Russian and Ukrainian as well.

Professor Omelchenko's public activities in various organizations are as follows: a member since 1980 and president since 1995 of the Specialized Board on D.Sc. Dissertations of Khar'kov State University of Radio Electronics, a member of both the Engineering Academy of Ukraine and the Association of Information Processing and Images Recognition based in Kiev, since 1992. He is an active member of the New York Academy of Sciences (1996) and an annual fellow of the International Biographical Association in Cambridge, England (1996). In addition, Professor Omelchenko was elected to the West's Inner Circle of Achievement in 1996 (North Carolina, U.S.A.).

For his outstanding contribution as a lecturer, scientific writer, and supervisor of numerous conferences, Professor Omelchenko got many local and international awards. He received the Decree of Merit from the Scientific Council of AS of U.S.S.R. in 1986, and from the All Union Scientific Technical Board of Radio Electronics and Telecommunication in 1990. In 1994, he was recognized as the Best Mathematician of the University. In 1995 and 1996 he was awarded with the premiums of the Board of Communication of Ukraine. The International Biographical Centre (IBC) recognized him as International Man of the Year, in 1993-96 and 1996-97, as did the American Biographical Institute (ABI) in 1996 and 1997. In 1996, he was nominated with the Twentieth Century Award for Achievement (IBC). He also became a research fellow of ABI and an Honored Member of the IBC Advisory Council. In 1996-97, Professor Omelchenko was granted and honored with the title of Senior Professor according to ISSIP Program from SCORIS FUND.

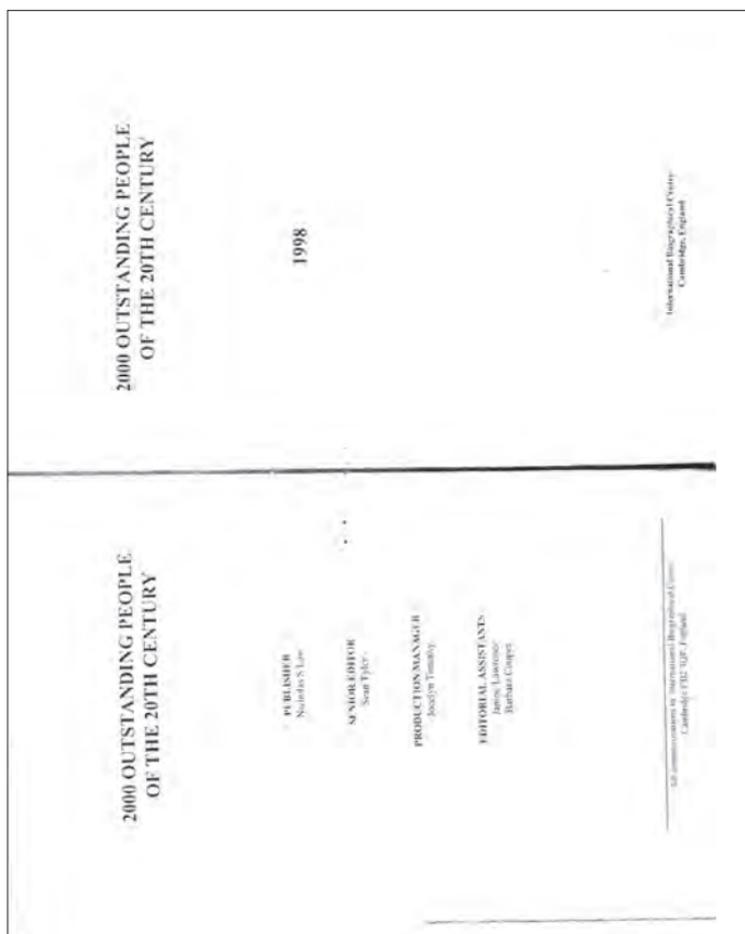
During the last two years Professor Omelchenko's name was submitted to IBC and ABI for numerous awards such as Presidential Seal of Honor, International Seal of Academia, Gold Star Award, Platinum Record for Exceptional Performance, Decree of International Letter for Cultural Achievement, World Lifetime Achievement Award, The Most Admired Man of the Decade in 1997 (all proceeding from ABI), Deputy Director General (IBC), etc. He was also offered membership in several prestigious organizations: The Order of International Fellowship (IBC), International Order of Merit (IBC), The Order of International Ambassadors (ABI), and the ABI Research Association's Board of Governors.

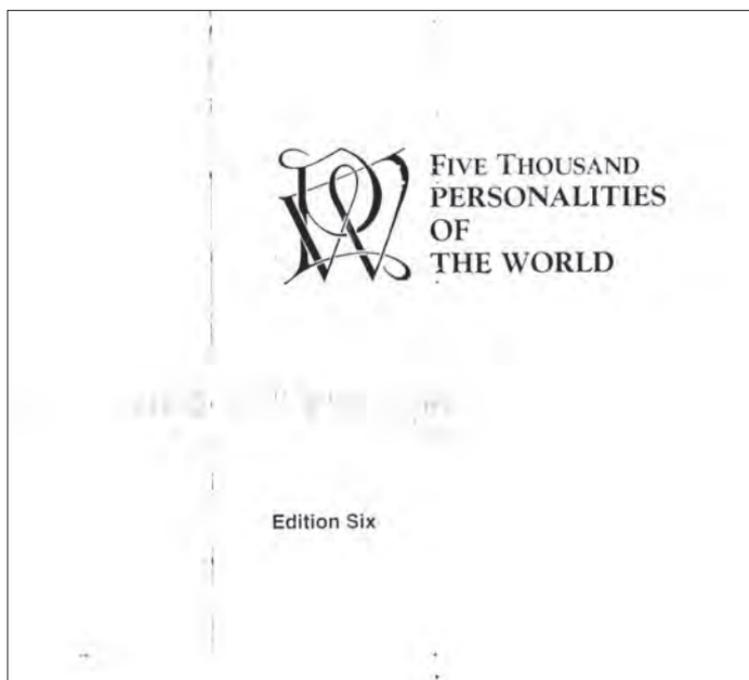
Professor Omelchenko has two children—daughter Ludmila (1978) and son Oleg (1980). Today Professor Omelchenko lives and works in Khar'kov, Ukraine. He is currently working on publishing a new edition of his last monograph in English and

INTERNATIONAL BIOGRAPHICAL CENTRE

working on the proceeding that develop his scientific and pedagogical ideals. He is thinking over a book for intellectuals with an accent on Khalkha Yoga and meditative methods to improve creative possibilities of people. He also recently started his autobiography.

Professor Omelchenko has been fond of a variety of sports all his life—running, paddling, swimming, and Khalkha Yoga. He enjoys reading, writing, listening to classical and folk music, meditation, and communication with his colleagues.

FIVE THOUSAND PERSONALITIES OF THE WORLD

OKADA, Yoshiko *oc/Author*; ad/Motorist F-45, Uchida, Iwakura 920-0276, Japan; *oc/Prof* 1967, MD 1980, Osaka University; *oc/Professor* Department of Biochemistry, Kanazawa Medical University, 1974-80; *Professor*, Associate Professor, Kanazawa University, School of Medicine, until 1974; Japanese Biochemical Society, New York Academy of Sciences; *oc/Author* Japanese Friendship Society; *oc/Author*, Articles Published in Journal of Chromatography & Nature; *oc/Author* Professor of Kanazawa Medical University.

OKANO, Kaori H. *oc/Lecturer*, ad/32, Alexander Street, Montevideo, Victoria 3094, Australia; ad/PhD, Marry University, 1931, MA, Sydney University, DE, Hokkaido University; *oc/Senior Lecturer*, LaTrobe University, Asian Studies Association of Australia; Japanese Studies Association of Australia; Japan Socie^c of Sociology of Education, The Australia New Zealand Comparative & International Education Society; *oc/Author*, School in Work Transition in Japan; Sociology of Education others.

OKENSKY, Vyatcheslav *oc/Professor*, *oc/Candidate* of Prontological Sciences, Diploma with honors from Prontological Faculty, Ivanovo University; *oc/Professor*, Prontologist, Library Specialist, Ivanovo University; Major Benefactor of Military Ship, President's Grant Holder Association; *oc/Author*, "Legend About the Great Inquisitor of F. M. Dostoevsky," "Solar on the World History of A. S. Kromyakov," "The Manner to the Sea" others; *oc/Personal Grant*, Russian President, 1996.

OKOTA, Boria Vitaliyevich *oc/Doctor*, ad/Сonsparokovskiy St 211138, Mladovskaya 620109, Russia; ad/PhD, *oc/Director*, Institute of Radioelectronics, Informatics, and Electricity Technics, New York Academy of Sciences; *oc/Journal*, "Photoreaction Spectra of Trialkylphosphines"

OLSHAN, M'vine *oc/Journalist*; ad/3348 Lowell Street, San Diego, California 92106, USA; ad/AA, San Diego City College, 1973; Attended, La Salle University 1977-79; Western State University of Law 1978-77; San Diego University 1962; Graduate Realtor, 1978; *oc/Author*, Real Estate Manager, John Deere Realty, Elwin Thang Realty, La Mesa, Board of Education, San Diego, Pacific Telephone, San Diego Communications, National Association of Realtors, California Association of Realtors; Apartment Owners Association; San Diego Association of Realtors; *oc/Federation* of University Women; *Members* of the American Revolution, Ladies Chapter, Colonial Daughters of 17th Century, Native Daughters of Golden West, International Platform Speakers; *oc/Author*, *essays* 1987; *Member* 1985, Jernigan History 1982; *oc/Outstanding Achievement Award*, Public Speaking, Case Carnegie, 1988; *Certificate of Outstanding Achievement*, California Executive Women, 1984; *Certificate of 1st American Title Outstanding Realtor*, 1973

OLESHKEVICH, Feodor Vasilevich *oc/Neurosurgeon*, ad/Ya Kozlisa St 69, Minsk 220113, Belarus; ad/Professor 1960 MD, 1973; Attended the Medical Institute, 1959; *oc/Neurosurgeon*; Chief, Neurosurgery of Belarus, Academicien of National Academy of Belarus; *oc/Author*, 175 Scientific Works, 5 Monographs.

OLIN, Antero *oc/Artist*; ad/1 Schibergintie 19-25, A3, Helsinki 00643, Finland; ad/Attended LARS Art School, 1967-69; *oc/Artist*, One Man Shows (about 1976); Finland 1969; Group Exhibitions (about 1973); Finland 1968; *oc/Educator*, Finnish Art Academy, 1974-88; Society of Finnish Graphic Artists; *Professor* Council of Great

National Book Critics Circle; AWP; *oc/Author*, Time Famer 1990; *Student* 1990; *Conte* a Jernig Text 1995; *oc/Author* the Zeigler 1994; *Author*, a Bulletin 1994; *oc/Author* John Frazz 1993; *oc/From Earth* 1991; *others*; *oc/Author* Distinguished Young Alumni Award, University of Iowa, 1995; *Artist*, Philip K. Dick Award, 1995; *Butler* Young Press Fiction Award, 1993; *Phi Beta Kappa*.

OMAR, Mohd. Karim *oc/Author*, ad/Admiral's Road, 4043 Jalan Bunga Melur 20, Shah Alam 40008, Selangor, Malaysia; ad/Diploma, USA, 1981, BA (honor), University of Malaysia, 1969; *oc/Author* Chief, Chair, Gatongang Uluahawan & Mhtisa Bumputra Selangor; *Finance* Management Association; *International Air & Waste Management Association*; *oc/Author*, Several Articles & Books; *oc/Author* Dewan Kebajikan Pakatan Mahkota Terengganu, 1991; *Author* Khasanah Sultan Salahuddin Abdul Aziz Shah, 1991; *Senior* Mahkota Selangor, 1986; *Keasnia* Mangku Negara, 1968; *Senior* Mahkota Terengganu, 1985.

OMELCHENKO, Victor A *oc/Educator*; ad/Geniev Truda Street 26, Apartment 143, Kharkov 310146, Ukraine; ad/Professor, State Committee on Education, Moscow, 1989; Assistant Professor 1975, DSc 1987, PhD 1969; Supreme Attestating Committee, Maxine Mathematics Degree, State University, Kharkov, 1973; Radio Engineering Degree, Polytechnical Institute, Kharkov; *oc/Professor* 1988; Assistant Professor 1982-88, Kharkov Institute of Radio Electronics, Reception & Processing of Signals Department; Assistant Professor, Kharkov Institute of Radio Electronics, Designing of Radio & Technique Systems Department, 1971-82; Senior Teacher 1962-71; Engineer 1961, Kharkov Polytechnical Institute, Radio Apparatus Department; Men's Inner Circle of Achievement; International Biographical Association; New York Academy of Sciences; Association of Information Processing & Images Recognition; Engineering Academy; *oc/Author*, 200+ Publications including 15 Books; *Creator*, New Scientific Branch of Statistical Radio Physics-Probabilistic Modes, Spectral Theory of Random Signals Recognition, Theory of Special Analysis of Signals in Real Time; *oc/Professor*, 1996; *Premium*, Board of Communication of Ukraine, 1995; *Best* Method, Slavic Technical University of Radio Electronics, 1994; Degree of Merit, All Union Scientific Technical Board of Radio Electronics & Telecommunication 1990, Scientific Council of AS of USSR 1986.

OMER, George E. Jr. *oc/Surgeon*; ad/316 Big Horn Road, Albuquerque, New Mexico 87102, USA; ad/MD, MS, AB; *oc/Surgeon* Colonel, Medical Corps, United States Army; *Former* President, American Society for Surgery of the Hand, The Sunderland International Society for Peripheral Nerve Study, 1981; American Orthopedic Association; American Board of Orthopedic Surgery; Western Orthopedic Association; *oc/Rotary Club*; *oc/Author*, 2 Books; 127 Peer-Reviewed Articles; 61 Chapters; 75 Published Abstracts; 22 Audio-Visual Aids; 980 Presentations in 25 Countries; *oc/Recognition Award*, American Society for Surgery of the Hand, Distinguished Meritorious Service Award, New Mexico Orthopedic Association; *oc/Honored as Pioneer in Hand Surgery*, International Federation of Societies for Surgery of the Hand; United States Legion of Merit; Alumni Achievement Award, Fort Hays Kansas State College.

OMER, Muhammed Dvare *oc/Educator*; ad/271-C, Sabaiz Tar Scheme, Lahore, Pakistan; ad/DVM, College of Veterinary Sciences, University of Agriculture, 1995; *oc/Lecturer*, College of Veterinary Sciences; *oc/Author* Association for Advancement of Science; Associa-

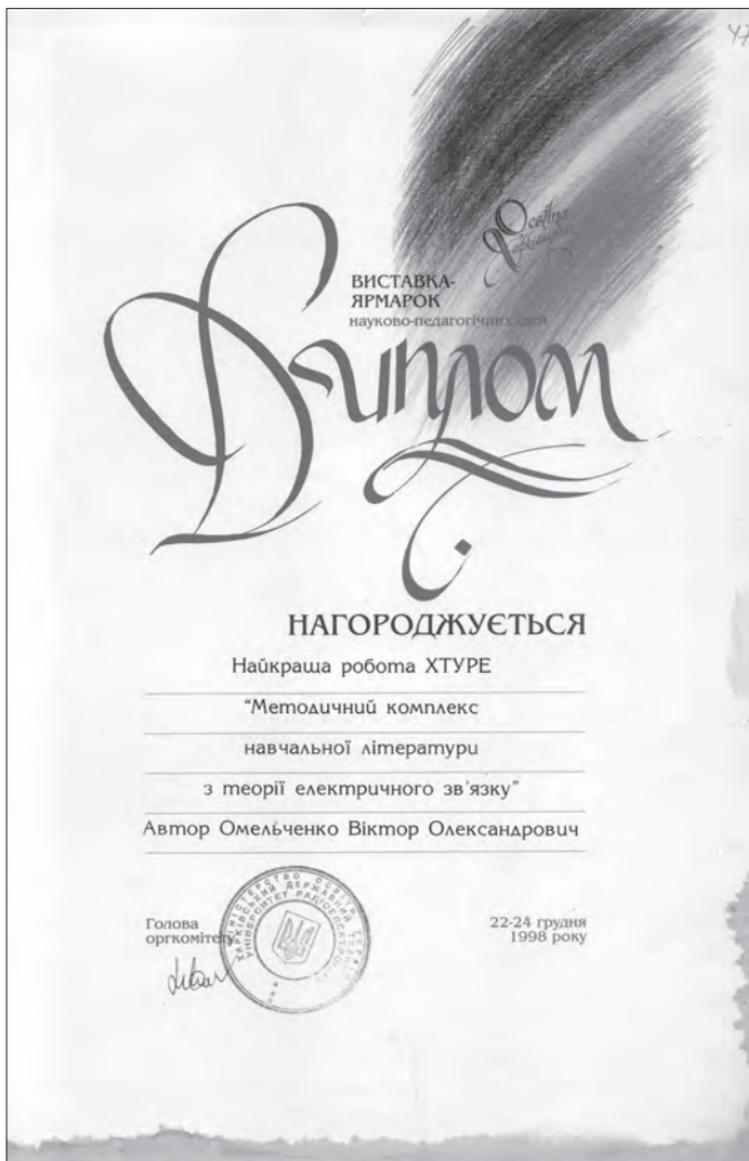
Belam, Pakistan 1981-82; Awards DLKH Street 2 Central College (Gresh) Vice Pre Agency (DCLIF) New Sit Author, Driver, 1990; Australia Author Fiction, 1990; F Awards OLSEE 83923, Ywa Yw (ch, 19) of (1974)

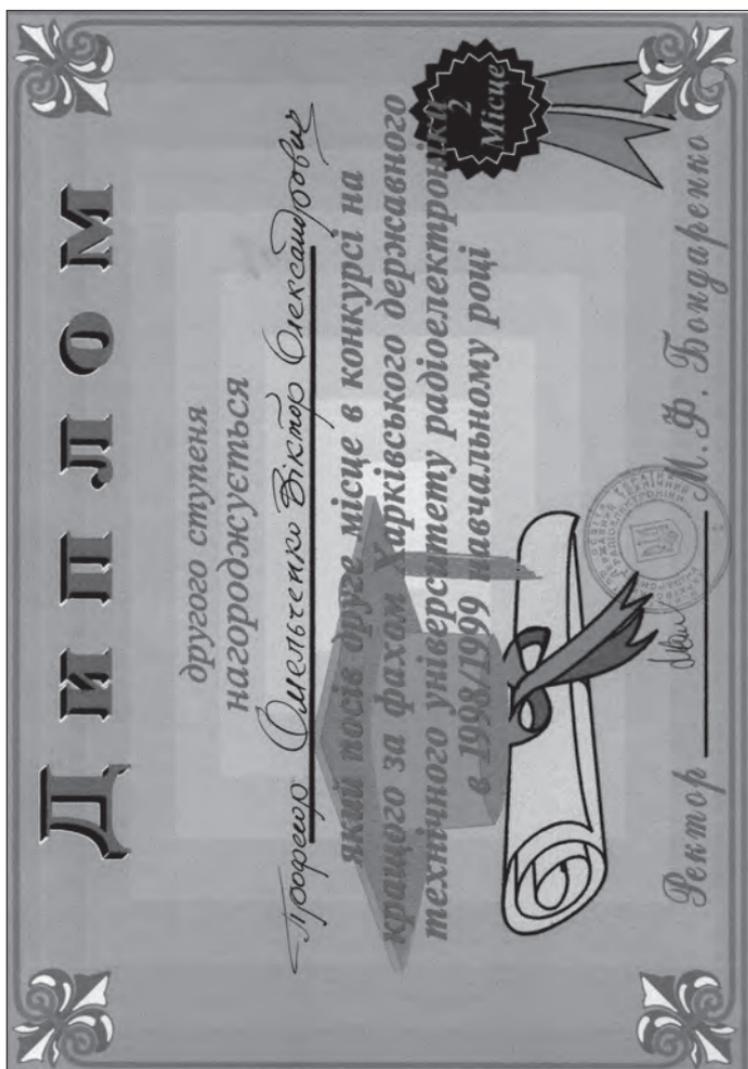
OMELCHENKO, Victor A *oc/Educator*; ad/Geniev Truda Street 26, Apartment 143, Kharkov 310146, Ukraine; ad/Professor, State Committee on Education, Moscow, 1989; Assistant Professor 1975, DSc 1987, PhD 1969, Supreme Attestating Committee, Moscow; Mathematics Degree, State University, Kharkov, 1973; Radio Engineering Degree, Polytechnical Institute, Kharkov; *oc/Professor* 1988; Assistant Professor 1982-88, Kharkov Institute of Radio Electronics, Reception & Processing of Signals Department; Assistant Professor, Kharkov Institute of Radio Electronics, Designing of Radio & Technique Systems Department, 1971-82; Senior Teacher 1962-71; Engineer 1961, Kharkov Polytechnical Institute, Radio Apparatus Department; Men's Inner Circle of Achievement; International Biographical Association; New York Academy of Sciences; Association of Information Processing & Images Recognition; Engineering Academy; *oc/Author*, 200+ Publications including 15 Books; *Creator*, New Scientific Branch of Statistical Radio Physics-Probabilistic Modes, Spectral Theory of Random Signals Recognition, Theory of Special Analysis of Signals in Real Time; *oc/Soros* Professor, 1996; *Premium*, Board of Communication of Ukraine, 1995; *Best* Methodist, State Technical University of Radio Electronics, 1994; Degree of Merit, All Union Scientific Technical Board of Radio Electronics & Telecommunication 1990, Scientific Council of AS of USSR 1986.

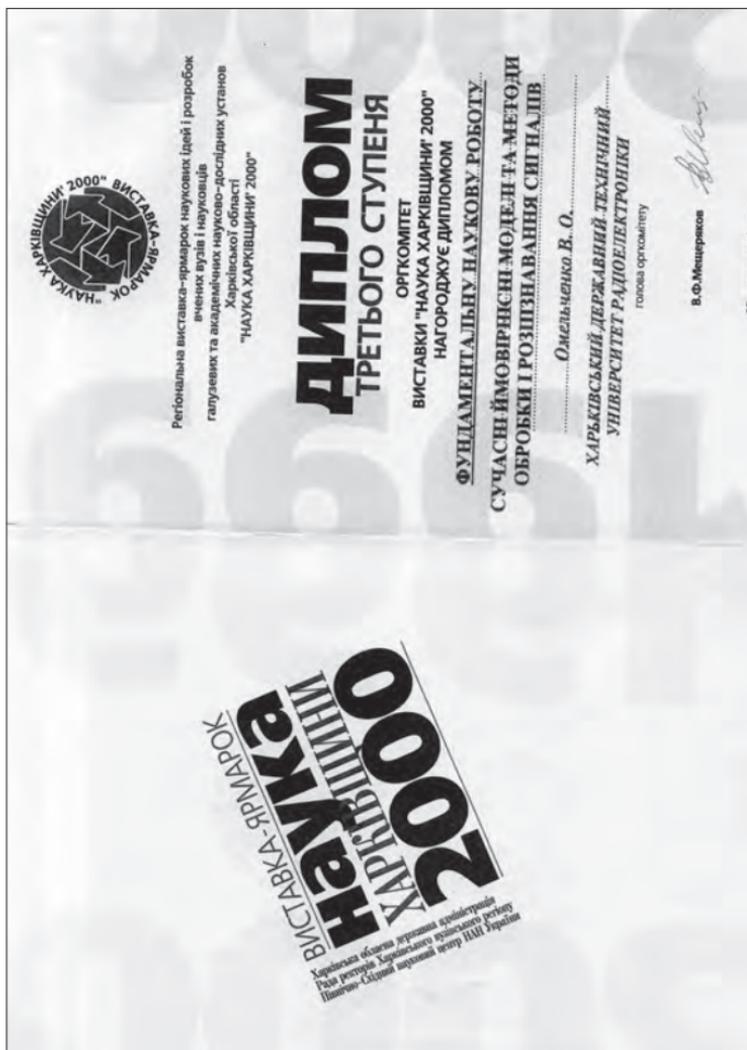
Eastern Seminar on ad/Snash PhD, 1984, Professor, University of the Zone of International Scientific Office Box 77, *oc/Chief* of the Poly-able Deve-Canadian Author, Van First Street, 1965, *oc/Associate*, *oc/Chemical* Institute of IAN, Uni

«... Мой прибор... может быть применен к передаче сигналов на расстоянии при помощи быстрых электрических колебаний...»

А. С. ПОПОВ

ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА

ПРЕЗИДИУМ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРАВЛЕНИЯ
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
РАДИОТЕХНИКИ, ЭЛЕКТРОНИКИ И СВЯЗИ
ИМЕНИ А. С. ПОПОВА

НА Г Р А Ж Д А Е Т

ОМЕЛЬЧЕНКО

Виктора Александровича

председателя секции "Теория и техника представления и обработки случайных сигналов и полей" Харьковского ОП ВНТО РЭС имени А.С.Попова за многолетнюю активную работу в Обществе

Председатель
Центрального правления
академик

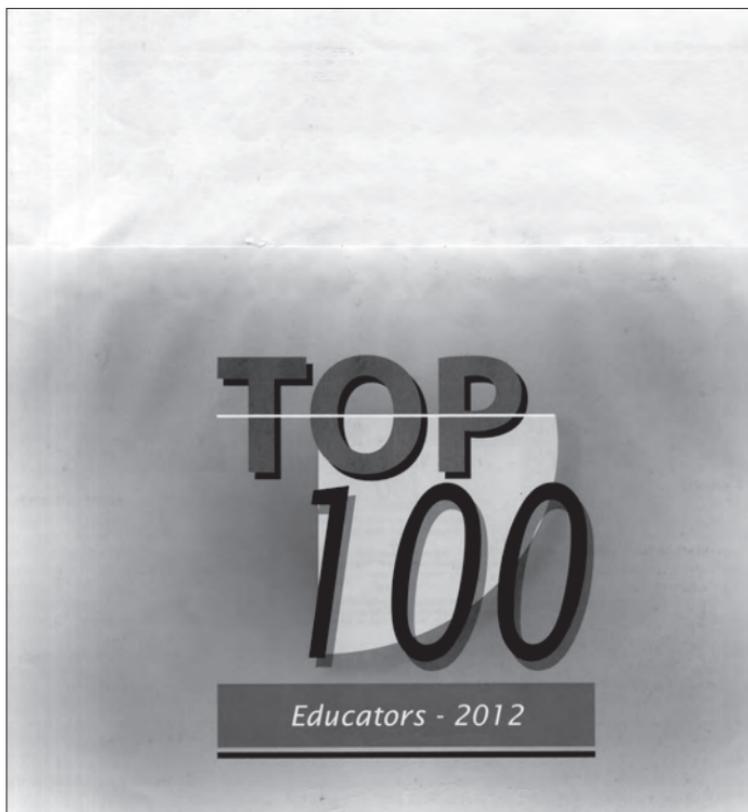
В.В.Г.

26 июня 1990 г.

Представленные выше зарубежные награды — это лишь малая часть предлагаемых. Дело в том, что, с одной стороны, награду надо заслужить, но, с другой — за её реализацию надо платить по западным расценкам. Самые престижные предложения оказывались недостижимы с экономической точки зрения. Например, звание «Человек столетия» и публикация соответствующих биографий. Американский биографический институт неоднократно предлагал принять такое предложение и опубликоваться совместно с Альбертом Эйнштейном, президентом Кеннеди, Лютером Кингом, сестрой Терезой и др. Англия (Международный биографический центр) предлагала поместить биографию вместе с другими в капсулу, которая замуровывается с условием, что она будет открыта через 50 или 100 лет. Америка (АБИ) предлагала дворянское звание за заслуги в системе образования и науки.

Ниже представлены для иллюстрации три подобных предложений. Первое — это сто лучших представителей системы образования, отобранные из 1,5 млн. биографий из 200-х стран мира. Второе — почётное звание Генерального директора Международного биографического центра (Англия) для Европы. Третье — почётное звание вице-президента Международного конгресса (США — Англия), проводимого Американским биографическим институтом совместно с Международным биографическим центром.

**TOP
100**
Since 2012

8th June 2012

Sponsored & Administered by the International Biographical Centre, Cambridge, England

Professor Victor Omelchenko
Geroev trada Street 26
Apt 143
Kharkov 310127
Ukraine

Ref. TOPED/inv

Dear Professor Omelchenko

You are to be congratulated. As a noted and eminent professional in the field of education you have now been considered and nominated for recognition by the International Biographical Centre. Of the many thousands of biographies from a wide variety of sources investigated by the research and editorial departments of the IBC, a select few are those of individuals who, in our belief, have made a significant enough contribution in their field to engender influence on a local, national or international basis. Ratification of your nomination Professor Omelchenko by the Awards Board is now complete and it is therefore my great honour to name you as a member of the IBC

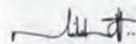
TOP 100 EDUCATORS 2012

As holder of this distinction, you can be assured of your place in our history and be gratified that your work has not only been noticed but recognised as outstanding. In any one year only one hundred of the world's best educators, both famous and uncelebrated, from all disciplines will be able to populate this exclusive list. These are people whose daily work *makes a difference* - not just those who populate the headlines. It is henceforth decreed that you should be on this list for 2012 but as bearer of this honour you will be recorded in perpetuity in the halls of the International Biographical Centre - I trust you will be proud to know your name is to take its rightful place.

As a listee of the IBC **TOP 100 EDUCATORS** you are eligible for the commemorative items available - the distinguished and limited **TOP 100 EDUCATORS** medal, designed by regalia-makers to the World's Monarchies and the distinguished illuminated certificate which is printed in full-colour on finest parchment, laminated onto solid wood for instant hanging - I enclose details for your perusal.

I am very pleased to be able to bring you this news Professor Omelchenko, and hope you feel proud of the influence you have on your colleagues and friends. It is only left for me to offer my sincere congratulations. I look forward to hearing from you.

Sincerely

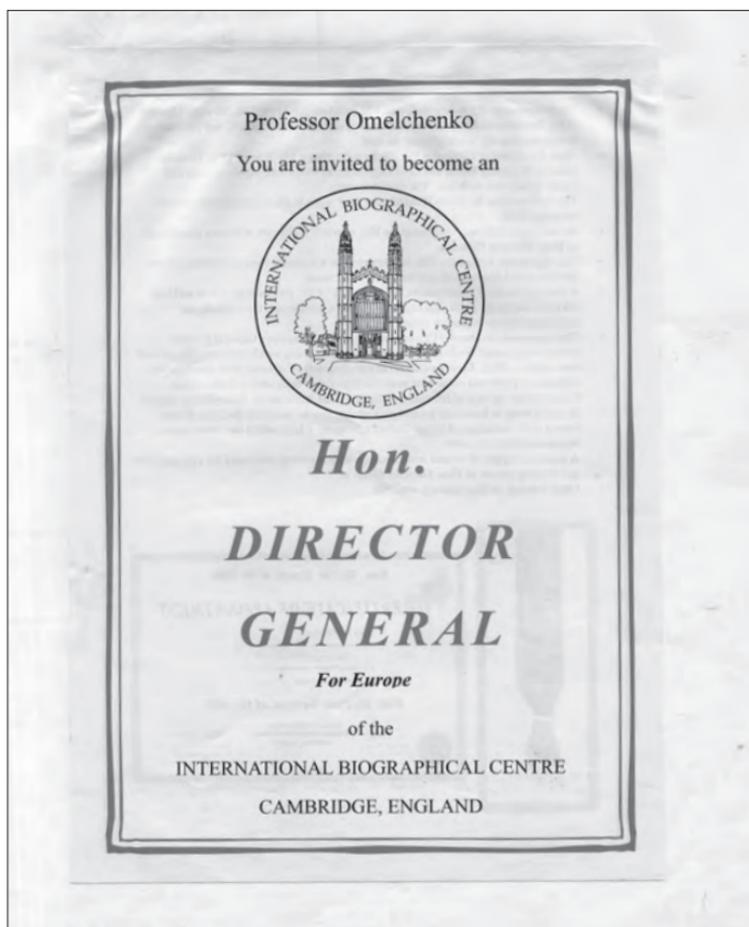

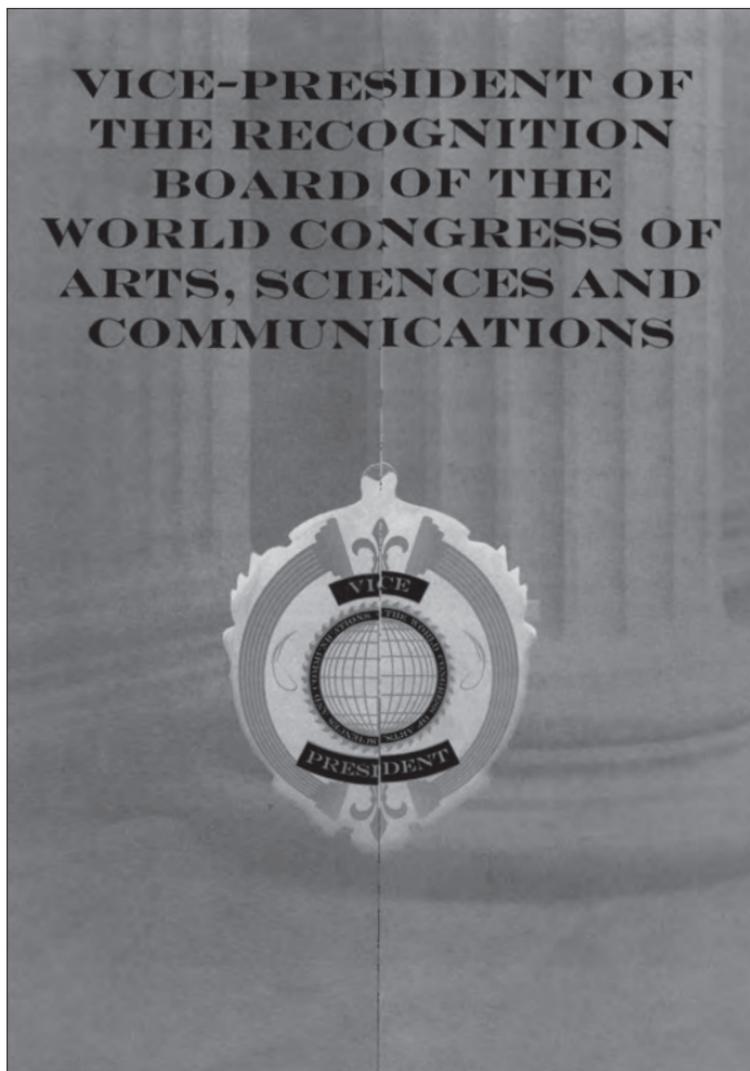
Nicholas S. Law
Director General

All Correspondence to: International Biographical Centre, St Thomas' Place
ELY, CB7 4SG, GREAT BRITAIN
Telephone: +44 (0) 1353 646500 Facsimile: +44 (0) 1353 646501
E-mail: info@ibicentre.com

International Biographical Centre is an imprint of Mohrose Press Ltd. Registered in England number 865274

25th January 2008 VSR

Professor Victor Omelchenko
Gersev trada Street 26
Apt 143
Kharkov 310127
Ukraine

Ref. WCVF/rev

Dear Professor Omelchenko

VICE-PRESIDENT OF THE RECOGNITION BOARD OF THE WORLD CONGRESS OF ARTS, SCIENCES AND COMMUNICATIONS

It has been brought to my attention by Nicholas Law, the Director General of the International Biographical Centre, that you have not accepted my invitation to become **A Vice President of the World Congress**. I am surprised that I have not heard from you as your resume perfectly matches the criteria I have carefully laid out to find a select few luminaries who can take up a position next to me. I believe, as do my peers, that your standing as someone recognised in the International Community as a figurehead, particularly for your intellect and professionalism will be of a great benefit to this prestigious organization. In turn, your status will be enhanced with your appointment as a **Vice President**.

If I may remind you of the distinctions and benefits that acceptance of this position carries:

"...Any citizen of the world has the inalienable right to recognition and intellectual reward for their efforts in the International arena of their profession and for the resultant measurable and immeasurable advances to society..."

This invitation to become a **Vice President** to the Presidential Commission of the World Congress is a privilege that can only be awarded to a few distinguished individuals handpicked by myself and overseen by the Official Recognition Board. As you are no doubt aware, this is a highly prestigious appointment, necessitated by the increasing popularity and success of the World Congress. I have chosen you because I believe we share the same goal: individual recognition of outstanding human achievement and personal accomplishment and a desire to honour those who strive to bring enlightenment to others.

Acceptance of this position carries numerous distinctions and benefits:

- ❖ A uniquely crafted Certificate of Inauguration. This beautiful 3 colour diploma will have your name inscribed on it conferring upon you the title of **Vice President**. If you so wish, we have added the option on the order form enclosed for you to have your certificate laminated onto wood ready for hanging *Free of Charge*.
- ❖ A Roll Call of Honour will be erected in my office to show the names of all of the **Vice Presidents of the World Congress**. Your engraved inscription will show your name and your country of residence, to act as a constant reminder to me of your importance and worth to the World Congress.
- ❖ A resplendent bronze-finished, individually engraved Vice-Presidential Seal of Office confirming your inauguration.

Your inscription on the Roll Call of Honour could look like this

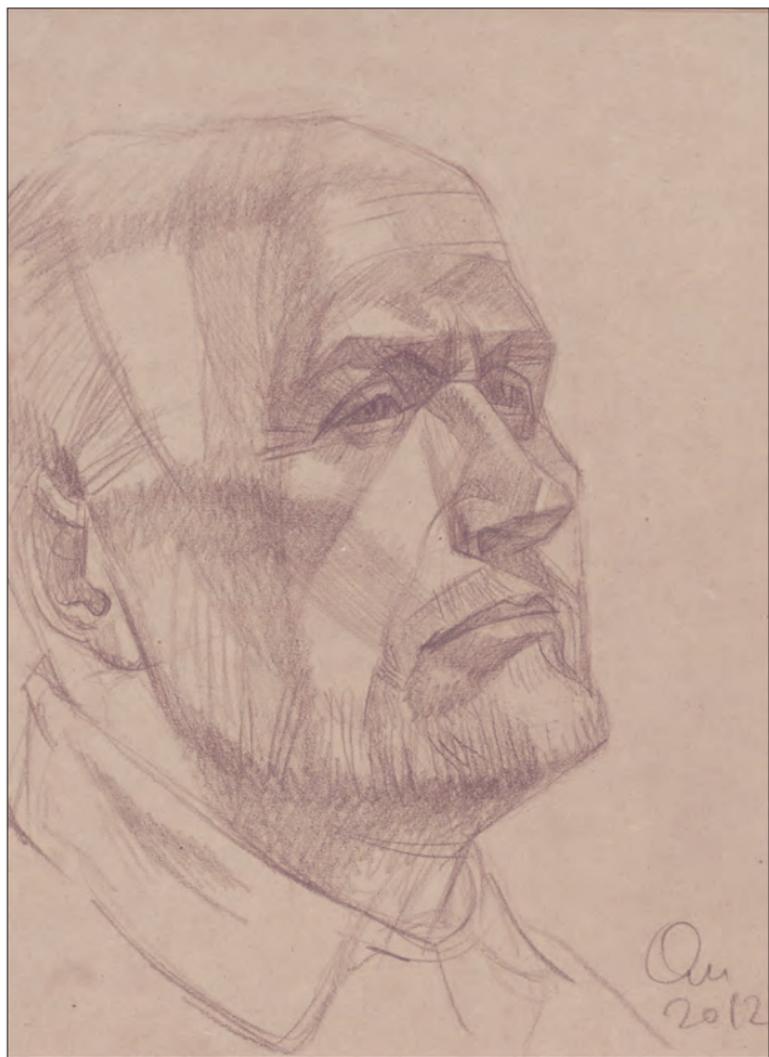
Professor Omelchenko
Ukraine

(Actual size)

Over... GDM

ST THOMAS' PLACE, 25LY, C17 4EJG
(GREAT BRITAIN)
TEL: +44 (0)1535 640090
FAX: +44 (0)1535 640091
E-MAIL: INFO@INFORMACON.COM

Портрет Виктора Омельченко работы художника
Олега Омельченко в пенсионный период в возрасте
около 75-ти лет

Послесловие

Десять лет спустя

Воспользуемся фотографией в поздравлении «Отрывки из поэмы» 6-го раздела. Посмотрим, какова же судьба руководителя и его основных учеников.

Омельченко Виктор Александрович (нижний ряд 1-й справа) — научный пенсионер с 1.04.2002 г.;

Безрук Валерий Михайлович (стоит 1-й слева), д-р. техн. наук профессор — переболел инфарктом в средне-тяжёлой форме, работает профессором;

Колесников Олег Александрович (нижний ряд 1-й слева), канд. техн. наук доцент — убит по дороге из института домой;

Балабанов Валерий Васильевич (2-й ряд 3-й слева), канд. техн. наук доцент — умер от рака;

Омельченко Анатолий Васильевич (2-й ряд 3-й справа), канд. техн. наук доцент — работает доцентом;

Голобородько Юрий Николаевич (2-й ряд 4-й справа), канд. техн. наук — ведущий специалист по радиоэлектронным системам; работает в промышленности;

Чеботов Александр Васильевич (2-й ряд 2-й слева) – аспирантуру не закончил; ведущий специалист по системам обнаружения и распознавания сигналов;

Корытцев Игорь Васильевич (2-й ряд 2-й справа), канд. техн. наук доцент – работает преподавателем и занимается бизнесом.

Нелёгкая судьба; всем приходилось много работать. Уровень квалификации иллюстрируется хотя бы тем, что из-за оригинальности разработок три человека из основной группы учеников приглашались в Китай, причём, по разным линиям и от разных организаций.

А. В. Чеботов приглашался от радиозавода, как специалист по системам обнаружения и распознавания сигналов при контроле радиоизлучений средств связи; В. А. Омельченко приглашался от ХНУРЭ и ИРЭ АН Украины по вопросам распознавания радиолокационных сигналов и вероятностным моделям сигналов; В. В. Балабанов приглашался от НИИРИ, как специалист по обработке спутниковых изображений (Січ – 1).

Для сравнения можно отметить, что по работам двух институтов (ВИРТА и НИИРИ) для пояснения того, что могут делать в этих организациях, за исключением одного сотрудника, в Китай поехал только зам. по науке НИИРИ.

Недавно, как раз перед выборами Президента Украины, в информационном листке «Жить по-новому» одна статья заставила вспомнить о старом времени интенсивной работы. Там было сказано, что «появилась модернизированная версия станции пассивной радиоэлектронной разведки

«Кольчуга-М», и я вспомнил, как мои аспиранты и ученики начинали разработку её предшественников, основываясь на моей теории обнаружения и распознавания сигналов. В советское время их системы были лучшими в Союзе и сейчас их усовершенствованные варианты — лучшие в Украине, так что их не стыдно представить на мировом рынке.

Приятно, что старые труды не пропали даром, и могут быть полезными новой Украине.

Чем же закончить эти воспоминания? Жизнь многогранна и глубока. Жизнь в советской высшей школе разумными людьми оценивалась по-разному — они оценивали её со своих позиций в разных разрезах. Мой первый завкафедрой Анатолий Иванович Играков любил повторять: «Кто везёт, на того и нагружают». Ну, а когда уже выдохся человек, говорят: «Укатали сивку-бурку крутые горки», отодвигают в сторону, забывают на другой день и ищут нового работника, на которого снова можно всё нагрузить. Мой же первый председатель спецсовета, в котором я начинал работать учёным секретарём, Николай Дмитриевич Колпаков, говорил, имея в виду результаты в науке и учебном процессе: «Есть два пути — или нагрёб небольшую кучку, залез на неё и рычи на все стороны, отпугивай, чтобы не растянули, или же делай своё дело и, не заботясь о сохранности результатов, иди дальше; найдутся те, кто захочет ими воспользоваться». И. Н. Пресняков воспринимал жизнь в Высшей школе как борьбу. Не раз он повторял, что это — конкуренция, т.е. бизнес, а бизнес, как сейчас

любят повторять, — это война, а на войне всё допустимо.

Существовало также часто повторявшееся выражение: «В институте можно и работать, если бы не студенты». Однако это не так. Партийно-административная система была так сформирована, что её представители зорко следили за сохранением установившегося «динамического равновесия» и жёстко наказывали или удаляли тех, работы которых создавали опасность нарушения такого равновесия.

Мне же импонировал второй путь, указанный мудрым человеком, Николаем Дмитриевичем Колпаковым; этот путь сродни миропониманию Востока — в работе самое важное — это сам процесс работы. Ну, а результаты работы? По сути, не особенно важно, кто их получил или кто ими воспользовался, ибо «всё остаётся людям».

Фотоальбом

1940-е – 2000-е гг.

*Прицена Лаврентий
(1812-1815 года рождения. Умер в 1908 г.)*

Бендюков Никифор

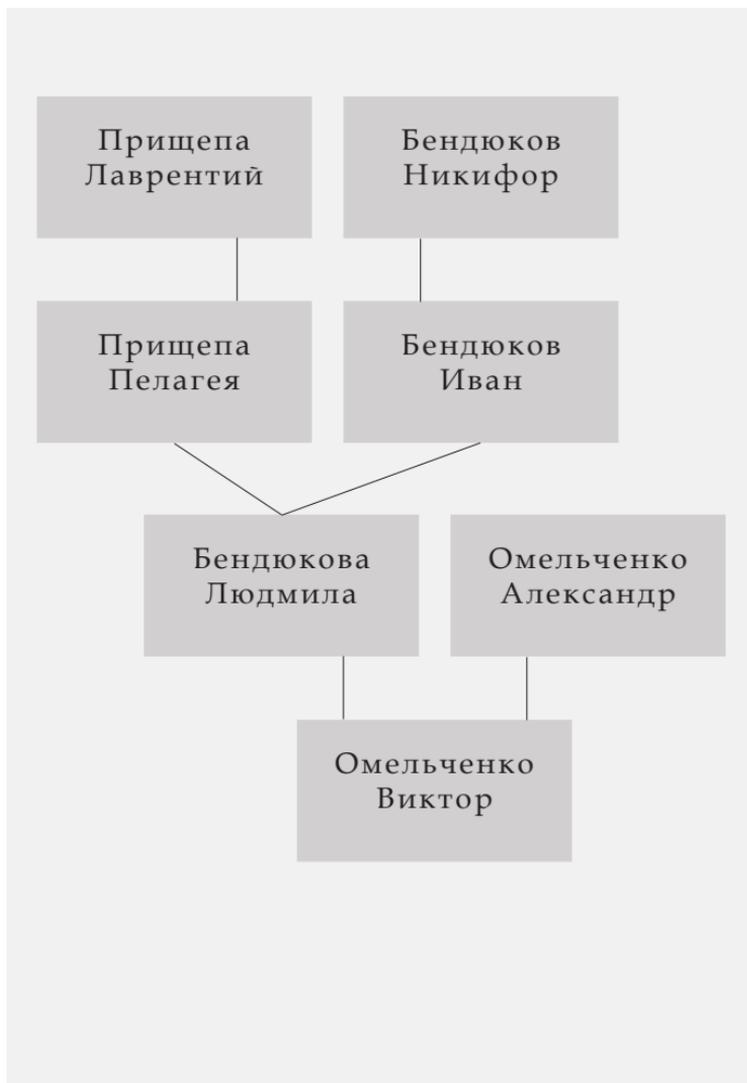
Омельченко Александр Иванович

*Омельченко Виктор Александрович.
Бендюковская ветвь рода Лаврентия Прищепы*

Восемь из двенадцати детей Лаврентия Прищепы, о которых сохранилась информация. Пелагея Лаврентьевна – бабушка автора

Часть дерева рода автора

Витя Омельченко в детстве во дворе родового дома

3-й класс 95-й средней школы г. Харькова. В середине первая учительница, Зинаида Викторовна Кучерявая, и завуч; Витя Омельченко во втором ряду сверху в белой рубашке над учителями

*Витя Омельченко в пионерском лагере «Песочин», август 1951 г.
(Витя слева от высокого руководителя отряда)*

Витя Омельченко в школьные годы

*Смешанный 9-б класс 95-й школы в лесопарке на сборе жёлудей
(Витя Омельченко крайний справа)*

*Витя Омельченко со школьной подругой Ирой Кириченко
на ул. Сумской у «Зеркальной струи»*

Витя Омельченко при окончании школы (1956 г.)

*Витя Омельченко после экзаменов 1-го семестра 1-го курса
(1956 – 1957 гг.)*

*Группа Р-16-б на сельхоз работах на 1-м курсе. Эпизодическая
работа по разгрузке кирпичей на кирпичном заводе.
Витя Омельченко 1-й слева*

Группа Р-16-б после лабораторных работ у одной из механических мастерских. Витя Омельченко в верхнем ряду 4-й слева

На кафедре истории КПСС: Витя Омельченко изображает лектора (слева на трибуне) – январь 1959 г.

Группа Р-16-б радиотехнического факультета в обновленном составе на средних курсах. Витя Омельченко 2-й слева

Группа Р-16-б провожает своих товарищей, получивших направление на производственную практику в другой город (1960 г.). Витя Омельченко 3-й справа

На демонстрации. Витя Омельченко 1-й слева

На военной кафедре ХПИ во время перемены. Витя Омельченко справа. Можно развлекаться и на серьёзных занятиях

*На вокзале. Студенты едут в военные лагеря. Витя Омельченко
посередине в белой рубашке (повыше других)*

*Витя Омельченко с оружием в руках идет принимать
воинскую присягу*

*Во время отдыха в палатке (в военном лагере).
Витя Омельченко, как обычно, с книгой*

*В туристическом походе на 5-м курсе.
Витя Омельченко в центре стоит подбоченясь*

С близкими друзьями на «вылазке». Витя Омельченко 1-й справа

Возвращение после «вылазки» в Харьков, домой. Витя Омельченко 1-й справа

*В лагере «Политехник». Слева направо –
Юрий Ревенко, Витя Омельченко и их приятель по отдыху*

Некоторые из известных мест в районе Ялты

Некоторые из известных мест в районе Ялты

*Предмет романтической любви на 1-м курсе
(цветные сны, восторженные письма и даже стихи)*

Предмет большой любви со второго курса и дальше

У «нее» дома. Витя Омельченко с любимой девушкой

Встреча Нового Года в женском общежитии. Неразделённое чувство. Вопрос – с чьей стороны?

Первая в группе комсомольская свадьба. Справа посередине Витя Омельченко с Ирой Кириченко, как гости

Новобрачные: Людмила, которая сменила «женскую» фамилию Максимишин на «мужскую» – Харченко, и ее молодой супруг Александр

Виктор Омельченко после 4 - го курса (1960г.)

Виктор Омельченко и Евгений Алексеевич Скориков (в более поздние годы)

*Встреча выпускников гр. Р – 16-б.
Виктор Омельченко 3-й справа*

*Последняя встреча выпускников 1961г. – 40-летие выпуска,
2001г. Виктор Омельченко справа, в верхнем ряду, с дипломатом*

Состав кафедры «Радиоаппаратура» радиотехнического факультета ХПИ (1966 г.): зав. каф. доц. А. И. Игравов (нижний ряд 3-й слева); ст. преподаватель В. Н. Яновский (нижний ряд 1-й справа); ст. преподаватель Ю. И. Бутрим (2-й справа за В. Н. Яновским); асс. В. А Омельченко . (нижний ряд 1-й слева); ст. преподаватель Е. А. Скориков (верхний ряд 4-й)

К.т.н. ст. науч. сотр. Бажанов Павел Юрьевич, подполковник – справа (позже на 60-ти летнем юбилее автора)

Асс. В.А. Омельченко в лаборатории радиопередающих устройств у макета, на котором выполнялись лабораторные работы по курсу (1963 г.)

Состав кафедры «Радиоаппаратура» с новым заведующим кафедрой доц. Б.Г. Бондарь (нижний ряд 3-й слева); В.А. Омельченко (2-й ряд 2-й справа), (1970 г., февраль)

Заседание комсомольского бюро радиотехнического факультета. В центре асс. В.А. Омельченко с заместителем (1963 г.)

«Треугольник» радиотехнического факультета: декан доц. Н.Т. Цымбал (слева), секретарь комсомольского бюро факультета асс. В. Омельченко (в центре) и председатель профбюро факультета асс. В. Дубов (справа) возглавляют колонну РТФ на демонстрации (1 мая 1963 г.)

На демонстрации – секретарь КСМ бюро факультета В. Омельченко посередине; по бокам его заместители (1963 г., май)

*Ст. преп. В. А. Омельченко на Ленинском зачёте в своей группе.
Выше впереди – секретарь партбюро факультета (1970 г., март)*

*Первая научная группа автора у Зимнего дворца, г. Ленинград.
Справа налево: В. А. Омельченко, В. А. Хорунжий,
В. А. Письменецкий*

Проф. Кащеев Борис Леонидович – первый оппонент при защите кандидатской диссертации автора, т.е. по научной терминологии тех лет – его «крестный отец»

«Весь в делах, весь в хлопотах я». Виктор Александрович Омельченко в последний период работы в ХПИ (1970 г.)

Побережье на полуострове «Большой Утриш»

*Подготовка к погружению – слева Виктор Омельченко,
справа Вадим Дубов (1962 г.)*

Двойная страховка – Виктор Омельченко посередине с биноклем (1962 г.)

*Совместными усилиями удалось открутить заржавевшие гайки.
В. О. Омельченко 1-й справа*

*Неисправность найдена. Теперь компрессор работает!
Виктор у компрессора*

*Возвращение домой – в самой высокой точке Вадим Дубов,
левее Виктор Омельченко (1962 г.)*

Группа харьковчан на теплоходе «Алдан» (1963 г.)

*г. Москва, Большой театр. Виктор Омельченко 2-й слева
(над девочкой)*

*г. Волгоград. Виктор Омельченко в нижнем ряду
(в клетчатой рубашке)*

*г. Ульяновск. Дом, в котором жил В. И. Ульянов-Ленин.
Виктор Омельченко 4-й слева*

г. Куйбышев. Виктор Омельченко 4-й справа

Виктор Омельченко во время путешествия на теплоходе «Алдан» крупным планом.

Байдарка на ходу. Виктор Омельченко спереди

Остановка на обед. Виктор Омельченко слева

Подготовка к ночлегу. Виктор Омельченко у левого надувного матраса надувает матрас (Крым, бухта Ласпи, 1968 г.)

Палатка – временный дом туриста

Гимнастика на отдыхе: а) стойка на руках; подготовка к сальто: б) разбег; в) сальто; г) не вполне удавшееся сальто «прогнувшись».

Коллеги шутили, что последнее фото иллюстрирует возможность левитации

Во время двухмесячного похода на Днестре: а) в начале похода; б) в середине похода; в) в солнечной Молдавии; г) остановка в пути – «что делать дальше?»

*«Золотые пески», Чёрное море недалеко от устья Днестра.
Виктор Омельченко справа*

На «Золотых песках». Виктор Омельченко крупным планом

Виктор Омельченко в группе отдыхающих – средний в верхнем ряду. Лагерь ОПИ – Чёрное море, «Каролина - Бугаз», (1964 г.)

Во время «вылазки». Лилии для подруги

Команда готова продолжить путь (70-е годы)

Горы Кавказа

Вот такие альпинисты в горах – крошечные фигурки на вершине

*Восхождение: а) подготовка к восхождению; б) процесс восхождения
(Виктор Омельченко крайний справа); в) вершина покорена.
(Виктор Омельченко на переднем плане справа)*

В автобусной туристической поездке – г. Орджоникидзе:
Виктор Омельченко – нижний ряд 4-й справа (1973 г.)

Местная одежда – бурка

Туристы тоже пользуются подвесной дорогой

Поздравление Виктора Омельченко с праздником Советской Армии; фото взято с новогодней встречи альпинистов, где Виктор играл роль Деда Мороза (1969 г.)

На Кавказе с группой туристов в начале 3-х месячного творческого отпуска. Виктор Омельченко – верхний ряд, 4-й слева

*На демонстрации (70-е годы). В. А. Омельченко 1-й справа;
проф. Н. Д. Колпаков 2-й справа*

*Группа участников конференции. Здесь первый справа
В. А. Омельченко; 2-й справа К. К. Васильев; 2-й слева
В. Б. Кашкин; 1-й слева – «правая рука» проф. Б. Р. Левина, его
постоянный заместитель Ю. С. Шинаков. (Фотография более
позднего периода на одной из наших конференций)*

Руководители конференции в работе. Проф. В. Б. Алмазов справа, В. А. Омельченко слева. Позже на наших конференциях

Участники конференции: проф. В. В. Поповский 1-й слева в верхнем ряду; далее – В. А. Лексаченко и В. А. Омельченко

Основной состав участников конференции. В центре (1-й ряд стоят): справа от В. А. Омельченко – проф. С. Е. Фалькович, проф. В. Б. Алмазов, Ю. П. Кунченко; слева от В. А. Омельченко через одного – А. С. Мазманишвили

Участники конференции.
Проф. Ю. М. Казаринов нижний ряд 4-й слева

Группа участников конференции. Здесь из новых лиц проф. В. А. Богданович, с которым установлено знакомство ещё на конференции в Воронеже в 1984 г.; он оставался постоянным участником последующих конференций – 1-й справа. Третий справа В. П. Ипатов, ученик проф. Ю. М. Казаринова (позже он сменил учителя на заведовании кафедрой в ЛЭТИ – Ленинградском электротехническом институте); второй слева В. А. Омельченко; третий слева В. С. Гутин

Группа участников конференции. Среди близких коллег впервые появляется Ю. С. Харин (г. Минск, Минский Государственный университет) 4-й слева; В. А. Омельченко 1-й слева

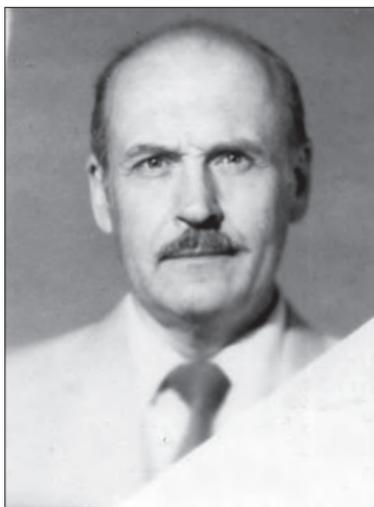

Близкие коллеги и друзья (а – г); в частности, на илл. г. – справа налево В. А. Омельченко (Харьков); Я. П. Драган (Львов); К. К. Васильев (Ульяновск); О. П. Драган (Львов); А. Н. Борисов (аспирант В. Б. Кашкина – Красноярск); В. Ю. Волков (Ленинград). С Владимиром Юрьевичем Волковым автор познакомился еще в 1979 г. в Крыму на конференции проф. С. Е. Фальковича. С ним стали близкими коллегами на многие последующие годы

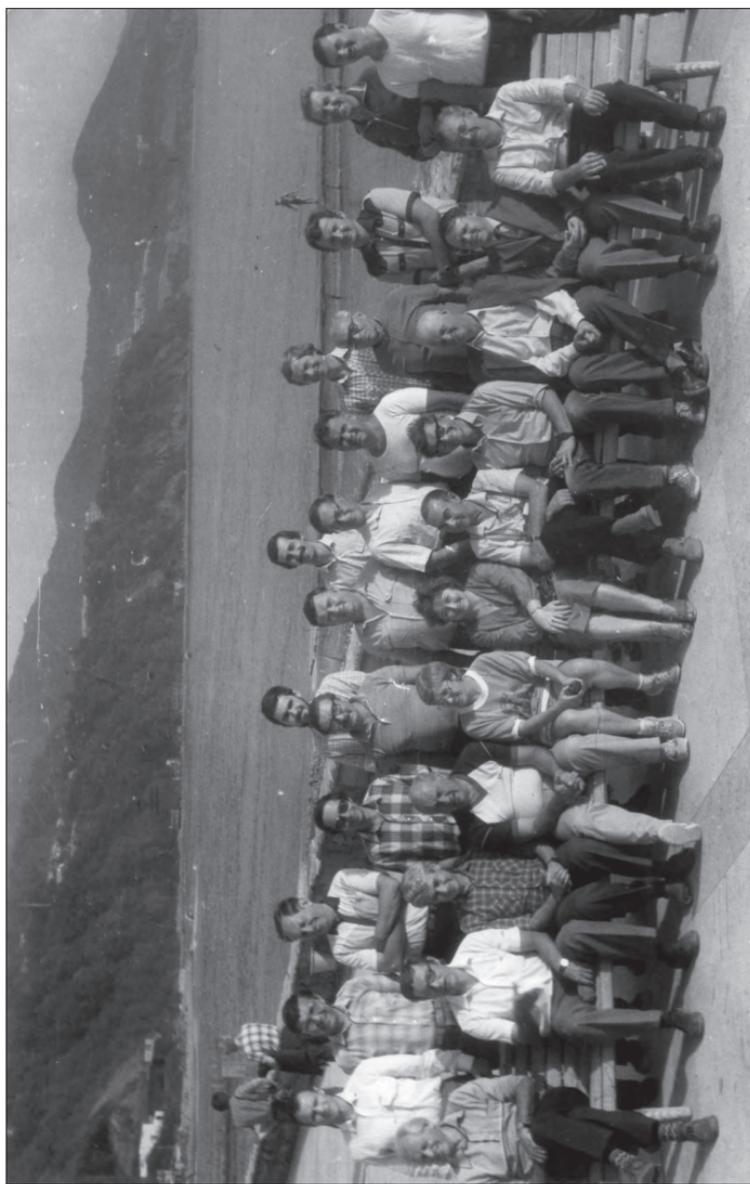
*В. А. Омельченко и
А. Т. Трофимов*

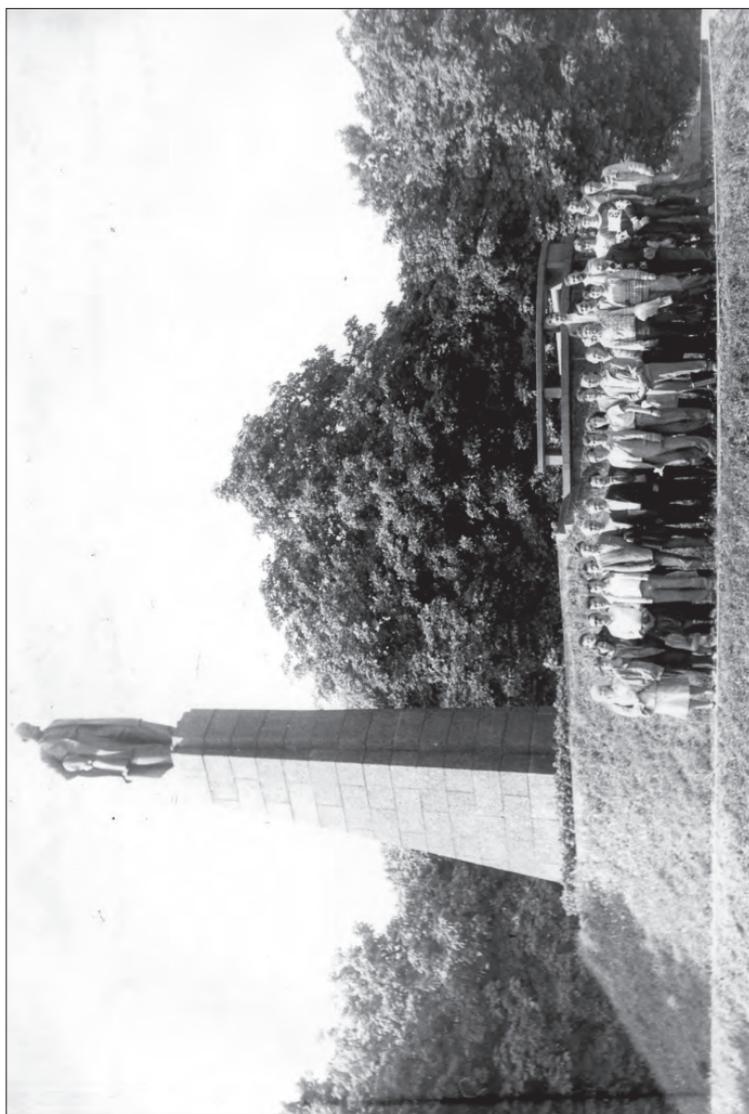
В. А Омельченко 1991 г.

Руководство конференции у лагеря «Электрон». Здесь ректор ХИРЭ проф. В. В. Свиридов (3-й справа) и д. ф.-м. наук В. А. Омельченко (2-й слева) в спортивно-оздоровительном лагере «Электрон» (Туапсе) вместе с другими руководителями лагеря и организаторами конференции 1987 г

Участники конференции на берегу моря

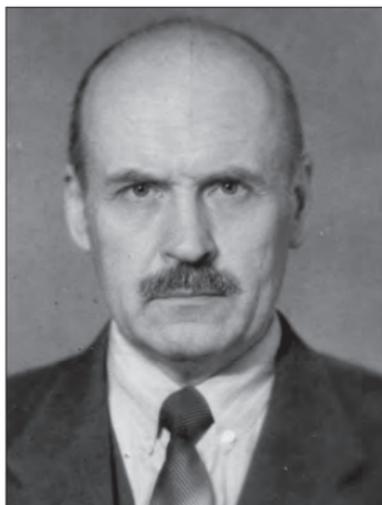
г. Канев. Могила Т. Г. Шевченко. Участники школы-семинара в г. Черкассах; В. А. Омельченко в левой трети участников (в берете); справа от него Ю. П. Кунченко, В. Б. Кашкин

Экскурсия на теплоходе по Днепру: а) в центре В. А. Омельченко, справа В. М. Безрук, «затылком к зрителю» Ю. П. Кунченко – организатор школы-семинара; б) В. А. Омельченко (слева) и А. П. Трифонов

*Участники школы-семинара в Тернополе (1992 г.):
В. А. Омельченко 1-й слева; далее Ю. П. Кунченко с женой;
почти в центре А. П. Трифонов и по его бокам
К. К. Васильев и А. В. Омельченко*

В. А. Омельченко в 1992 г.

Группа участников школы-семинара 1993 г. в Тернополе; верхний ряд – В. Шостак (ХИРЭ), В. А. Омельченко; О. П. Драган, Я. П. Драган, В. М. Безрук; нижний ряд – К. К. Васильев (1-й слева), В. В. Балабанов (1-й справа), Б. И. Яворский (2-й справа)

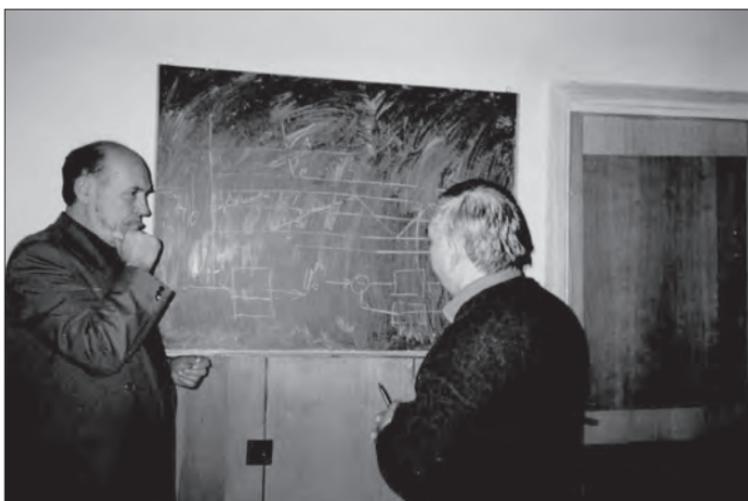
Экскурсия на теплоходе по Волге (с. Ульяновск) — часть культурной программы на школе-семинаре под старым названием «Методы представления и обработки случайных сигналов и полей»: В. А. Омельченко — в центре, справа от него докторант К. К. Васильева В. Р. Крайнинников, один из организаторов школы-семинара, новый соавтор коллективной монографии «Прикладная теория случайных процессов и полей»

*«Тернопільський приладобудівний інститут». Знакомство
с руководством института: а) Б. И. Яворский – 1-й слева;
В. А. Омельченко 2-й слева; Я. П. Драган 1-й справа с ректором
института; б) те же с проректором института
по научной работе*

*В. А. Омельченко (у доски) читает лекцию аспирантам
и научным сотрудникам кафедры*

Обсуждение работы докторанта Ярослава Петровича Драгана

*Встреча в неформальной обстановке. В. А. Омельченко
и Я. П. Драган со своими докторантами*

*Отдых «у кав'ярні». Старые коллеги и друзья: Я. П. Драган
и В. А. Омельченко*

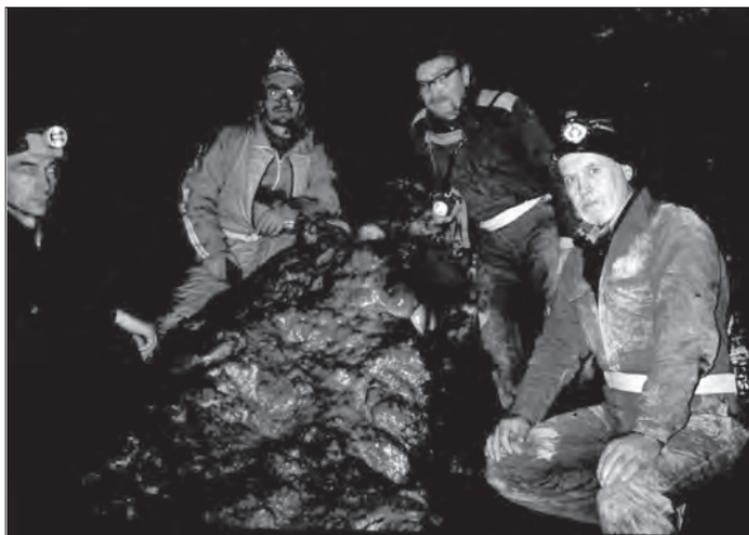
*У стен одного из замков Западной Украины. Справа налево:
В. А. Омельченко, Я. П. Драган и Б. И. Яворский*

*У спелеологов – обсуждение маршрута «похода» в пещеры. Справа
налево Я. П. Драган, Б. И. Яворский и В. А. Омельченко. Основная
цель – дойти до огромного, почти замкнутого зала*

*Группа в пещере – готовы двигаться в глубину (Я. П. Драган,
Б. И. Яворский и В. А. Омельченко)*

В «замкнутом зале»

В. А. Омельченко в группе слушателей в "Internation House"

Китай, Пекин. В. А. Омельченко с сопровождающим его профессором (слева) и переводчиком (справа)

*В. А. Омельченко с сопровождающим его профессором в разных
местах Пекина (а – б)*

Те же сопровождающие в другом месте Пекина

В. А. Омельченко в разных местах Пекина (а – в)

В. А. Омельченко с одним из научных сотрудников

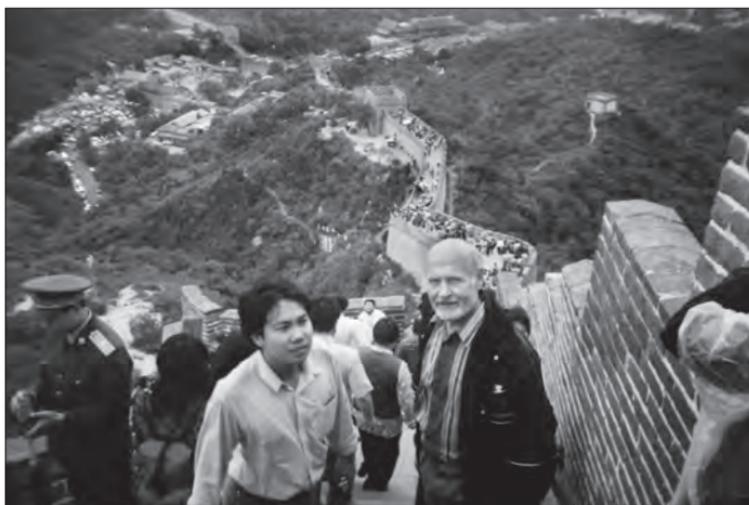

*У монумента, рассказывающего об истории
Великой Китайской стены*

Разные виды "Great Wall" (а – г)

Разные виды «Great Wall»

*Посвямова наукового редактора серії
«Структури повсякденності»*

Загальне в особистому

Саморефлексія, один з тих важливих чинників людської свідомості, який притаманний навіть не стільки *Homo sapiens* у цілому, скільки тій частині людства, яка схильна до творчої праці. Причому під творчою невірно розуміти лише художні чи гуманітарні напрями. У радянській соціальній структурі суспільства, де кожен був повинний займати місце у відведеній йому ланці (а інколи — шпарині) як раз і провели непритаманний людству розподіл на творчу і технічну інтелігенцію. Хоча, інтелігенція «до революції 1917» як раз об'єднувала юристів та лікарів, інженерів та літераторів. І саме їй, інтелігенції, притаманно перейматися саморефлексією, а також цікавитися її результатами у інших.

Через цю особливість фактично постає новий напрямок у літературі — мемуаристика. Звісно, що мемуари різняться, в першу чергу, через особистість автора, його власну позицію та обрану їм мету. У діячів «великої політики» мемуари нерідко перетворюються на «підручник» з новітньої історії або політології, оскільки за мемуари, як правило, такі люди сідають після відходу від активного життя, а текст для

них — це можливість хоч трохи продовжити власну «боротьбу» на громадській ниві. Від мемуарів тої самої «творчої інтелігенції» читач уже заздалегідь очікує «закулісних одкровенень» про життя популярних постатей. Однак зараз ми тримаємо в руках мемуари представника інтелігенції так би мовити «технічної». Що характерно для цього напрямку, що можемо побачити загального в характеристиках епохи, поданої в особистісному вимірі.

Звісно, те що усі ми «родом з дитинства», у тому числі з родинних історій, які чули ще малими від середнього (батьки) та старшого (дідусі й бабусі) покоління. Звідси у автора, а тоді ще маленького хлопчика, два важливих «відкриття», які супроводжували його далі: те, що він належить до «козацького роду», і те, що успіх в житті, це результат праці на наполегливості. А ось розповіді про «одкровення» у дитинстві, це вже результат пізнішої рефлексії, співставлення з тими можливостями «розширеного стану», які відкрилися В. Омельченко-ученому, про що мова нижче.

Важливий елемент життя юнацтва і молоді післявоєнних років — спорт, який у той час був частиною ідеології, з обов'язковими нормами «ГТО» але й приносив користь, «забираючи» вируючу хлопчачу енергію, переводячи у позитивне річище. У цьому плані цікавим є зміщення орієнтирів та інтересів покоління 1940-50-х, коли «силові» спортивні вправи у колах «радянської інтелігенції» поступаються більш романтичним, пов'язаним з мандрами, пригодами

(альпінізм, байдарки, туризм). Навряд чи вони усвідомлювалися як «дисидентські» і ніколи не протиставлялися «офіційному» спорту, при тому, залучаючи людей думаючих, самостійних, схильних не йти у загальному великому гурті, а плекати власну інтелектуальну спільноту. Не випадково В. Омельченко опиняється у компанії туристів, спелеологів, мандрівників просторами Радянського Союзу.

Дуже важливою, і окремою навіть за стилем подачі, частиною спогадів є розповідь про той процес «одкровення», котрий В. Омельченко, як науковець, називає «зміненним станом свідомості», або станом «самадхі». Шляхи до цих відкриттів також можна охарактеризувати як типові для Радянського Союзу, варто лиш пригадати довжелезні черги у кінотеатри, щоб подивитися документальний фільм «Індійські йогі — хто вони». До подібних «нерадянських» практик ідеологи ставилися із засторогою, у відкритому доступі неможливо було знайти будь яку інформацію. У той же час, КДБ був не такою вже й всесильною організацією. Віддаючи перевагу гонитві за дисидентами, до менш небезпечних «духовних практик» руки просто не доходили. Чим і користувалися окремі представники радянської інтелігенції, яким не вистачало логічних конструкцій (чи інструкцій), що були викладені у підручниках з марксизму-ленінізму:

«Занимаясь с юных лет различными видами спорта и физической культуры, я интересовался и хатха-йогой. Этот интерес продолжается вот

уже более 30 лет. Я привык воспринимать хатха-йогу как еще один вид спорта, хотя и весьма необычный».

Як вважає В. Омельченко, хоча й нерегулярні заняття йогою і зокрема медитацією, дозволили йому під час напруженої мозкової роботи увійти у стан «самадхі». У якості науковця, спроба автора, який усе життя віддавав точним наукам, описати досвід нетрадиційних для «математика і інженера» духовних практик, є у нашій літературі ще досі рідким явищем.

«При входе в это необычное состояние совершенно четко ощущаешь «растворение» тела. Тело, постепенно растворяясь, исчезает и остается очень острое осознание себя: себя без тела. Творческим работникам известно состояние очень четкого осознания себя, когда хорошо работается, в период «озарения» или после него, свой вопрос ясно видишь духовным взором. Здесь было что-то подобное, но на порядки выше. Это состояние объясняет, откуда возник на Востоке тезис: «Я – Атма», т.е. «Я – Индивидуальная Душа». Это состояние и объясняет веру в душу, потому что тела совершенно не ощущаешь, его нет, а острое осознание себя надо как-то назвать, так почему бы не назвать термином «Душа». Более того, ты не ощущаешь, где находится, где расположена эта «Душа», ощущаешь, что она только и существует».

На нашу думку, це також важливе нагадування, що процеси, які називають творчими,

невірно ототожнювати тільки з художніми професіями. Бо, як інакше, ніж фразою «творчій процес» можна охарактеризувати історію написання підручника «Теорія електричного зв'язку» у стані «самадхі».

Однак усі ці важливі етапи є тільки вступом або відступом від головної мети, яку поставив перед собою В. Омельченко, як автор «спогадів». І цією метою є продовження боротьби з «Системою» у царині вищої освіти, які він добре взнав зсереди, пройшовши шлях науковця від студента до захисту докторської дисертації.

«Сорок лет в системе образования – это не просто какие-то сорок лет. Это часть ушедшей эпохи – ее уже нет и больше никогда не будет. С другой стороны – это особенности работы и деятельности беспартийного в рамках партийно-административной системы. «Система», как известно, либо формирует людей под себя, либо отбрасывает их».

Одразу треба сказати, що В. Омельченка ніяк не можна «звинуватити» у «зведенні рахунків», оскільки йому це просто непотрібно. Своє власне протистояння з «Системою» він довів до перемоги, досягнувши того, чого прагнув. І важливо, що про вади цієї бюрократично-партійної системи пише успішна людина, вказуючи на те, що і один може бути «у полі воїном», поставши проти активних псевдонауковців, войовничих невігласів, хитромудрого чиновництва.

«Новый декан факультета доцент И. Ф. Демьянков, видя мою активную работу в научной области, решил, наконец, реализовать политическое требование, высказанное бывшим деканом доцентом М. Ф. Лагутиным. Он вызвал меня и наедине заявил: «Вы не прекратили работать, как Вам было приказано. Поэтому сейчас начнётся процесс Вашего увольнения, как несоответствующего занимаемой должности. Не бойтесь, это не страшно — мы это уже делали раньше... В ответ я спокойно ответил: «Специализированный совет, где я работаю ученым секретарем, юридически существует при Радиотехническом факультете. Администрация по закону должна обеспечивать его работу, в том числе, и по материально-техническому снабжению. Я неоднократно обращался к Вам, как к декану, за помощью, но Вы не ударили палец о палец. Кафедра точно так же относилась к моим просьбам. Я должен был сам на свои деньги докупать бумагу, скрепки и другие мелочи и даже практически самостоятельно, не имея технического секретаря, временами оформлять диссертационные дела для отправки в ВАК СССР. Так что начинайте обо мне писать, что считаете нужным, а я напишу в Москву, в ВАК, как обстоят дела с работой специализированного совета».

Парень оказался не из смелого десятка, и дело «про увольнение доцента В. А. Омельченко, как не соответствующего занимаемой должности», не открыл».

Для довголітньої боротьби з «Системою», яку він та описав В. Омельченко, треба мати

життєвий стрижень, вірити у справедливість своєї боротьби і не боятися поразок, бо на них життя не завершується, а чимало тимчасових перепон можна перетворити на досвід, який дозволить дійти своєї мети.

Залишається, правда, важливе питання — а чи можна, таким чином, перемогти «Систему». На жаль, ні. Одинакам це не під силу. Висунемо припущення, що саме усвідомлення того, що ця бюрократична «гідра» ще жива і, на жаль, активна, викликала у В. Омельченка бажання викласти «спогади», які мають не тільки статус документа епохи але й послання нам — сучасникам процесів, які відбуваються сьогодні і зараз в системі освіти.

Ольга Коляструк,
доктор історичних наук, професор

Именной указатель

1940-е – 2000-е гг.

А

- Алехин В. И. 77, 89, 92, 153, 154, 181, 183, 226
Алмазов В. Б. 115, 327, 328
Апорович А. Ф. 70, 71
Ахеизер Н. И. 42, 49, 69

Б

- Бажанов П. Ю. 33, 55, 123, 126, 160, 302
Бажанов Ю. П., маршал 33
Балабанов В. В. 70, 71, 72, 103, 166, 168, 190, 271,
272, 338
Безрук В. М. 71, 72, 103, 115, 116, 149, 154, 158, 159,
169, 191, 271, 336, 338
Бендюков И. 14, 281
Бендюков Н. 12, 277, 281
Бидный Ю. М. 182
Богданович В. А. 330
Бондаренко М. Ф. 164, 165, 179, 182, 183
Бондарь Б. Г. 37, 57, 304
Борисов А. Н. 332
Будда (Сиддхарт Гаутама) 174, 214
Бутрим Ю. И. 39, 302
Быков М. М. 144, 145, 146

В

- Васильев К. К. 113, 114, 152, 153, 326, 332, 337, 338,
339
Винцюк Т. 163
Волков В. Ю. 332
Вольф, Меррелл Франклин 209
Ворошилов К. 12

Г

- Гейзенберг В. 218
Геронимус Я. Л. 24
Гоголь Н. В. 13
Голобородько Ю. Н. 166, 167, 168, 271
Гоноровский И. С. 44
Гречко Г. Н. 114
Гутин В. С. 330
Гуткин Л. С. 109

Д

- Демьянков И. Ф. 101, 358
Дорохов А. П. 79
Драган О. П. 87, 332
Драган Я. П. 55, 87, 118, 131, 133, 151, 152, 153, 154,
160, 162, 163, 332, 338, 340, 341, 342, 343, 344
Дубов В. 53, 305, 308, 310

И

- Играков А. И. 26, 28, 32, 37, 41, 273, 302
Иисус Христос 212
Ипатов В. П. 330

К

- Казаков В. А. 152, 153
Казаринов Ю. М. 329, 330
Капра, Фритъоф 217, 218
Карагулла, Шафика 219
Кашкин В. Б. 114, 326, 332, 335
Кашцев Б. Л. 37, 49, 50, 51, 52, 91, 99, 100, 167, 307
Кириченко И. 284, 298
Ключник И. И. 226

Ковтун П. С. 228
Котельников В. А. 108, 109
Колесников О. А. 103, 139, 154, 160, 191, 271
Колпаков Н. Д. 99, 125, 273, 326
Корнеги, Дейл 210
Корытцев И. В. 72, 92, 153, 272
Кравченко Н. И. 76, 77, 92, 125
Крашенинников В. Р. 153, 339
Кукуш В. Д. 81
Кунченко Ю. П. 133, 152, 153, 162, 328, 335, 336,
337

Л

Лагутин М. Ф. 58, 75, 76, 77, 99, 101, 228, 358
Левин Б. Р. 113, 115, 122, 131, 326
Лексаченко В. А. 327
Лондон, Джек 27

М

Мазманишвили А. С. 4, 133, 328
Максимишин Л. 298
Маркс К. 40
Марченко Б. Г. 84, 85, 86, 100, 107, 109, 114, 118,
122, 123, 132, 133, 135, 141, 152, 163, 190, 201
Матевецкий Е. О. 45, 49, 69, 72
Махариши 174
Митяшева Б. Н. 108, 110

Н

Насреддин, Ходжа 211, 212

О

- Олейников С. Ю. 83, 115
Омельченко А. И. 12, 278
Омельченко А. В. 105, 190, 271
Омельченко В. А. 1, 2, 3, 4, 8, 11, 12, 13, 17, 32, 33, 36, 47, 63, 64, 71, 75, 78, 84, 85, 86, 87, 91, 98, 102, 103, 110, 112, 116, 119, 125, 127, 128, 133, 136, 144, 147, 149, 151, 152, 153, 154, 165, 167, 176, 182, 188, 269, 271, 272, 274, 279, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 318, 319, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 330, 332, 333, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 347, 349, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360
Омельченко И. 12
Омельченко О. В. 269
Ошо 211

П

- Петров Э. Г. 127, 130, 227
Письменецкий В. А. 43, 306
Попов А. С. (имени) 113, 115, 118, 131
Поповский В. В. 327
Пресняков И. Н. 93, 96, 98, 99, 103, 115, 121, 124, 125, 132, 133, 134, 135, 145, 146, 148, 149, 181, 182, 183, 186, 189, 190, 191, 273
Прищепа Л. 11, 13, 15, 22, 276, 280, 281
Прищепа П. 280
Прошкин Е. Г. 59, 63, 64, 72, 76, 77, 81
Путятин Е. П. 82, 88, 89, 130, 134, 148, 227
Пушкин А. С. 17, 208

Р

Ревенко Ю. 293

С

Санников В. Г. 67, 141, 142, 143, 147

Свиридов В. В. 89, 90, 91, 116, 121, 127, 129, 134,
131, 153, 189, 182, 333

Скориков Е. А. 28, 55, 300, 302

Сорос, Дж. (соросовский) 149, 164, 177, 227

Сосулин Ю. Г. 132

Спектор А. А. 153

Судзуки Ф. Т. 218

Т

Тимошенко Л. П. 116

Тираспольская В. 13

Толстой Л. 200, 215

Трахтман А. И. 107, 108

Третьяков О. А. 91, 120, 121, 122, 123, 126, 128

Трифонов А. П. 86, 87, 113, 118, 123, 152, 153, 163,
336, 337

Трофимов А. Т. 130, 333

У

Ульянов-Ленин В. И. 312

Усиков А. Я. 131

Ф

Фалькович С. Е. 57, 82, 84, 115, 328, 332

Финк Л. М. 138

Фурье 46, 107

Х

- Харин Ю. С. 154, 330
Харкевич А. А. 45, 66, 67, 141
Харченко Л. (+Александр) 298
Хижняк Н. А. 134
Хорунжий В. А. 43, 306
Хургин Я. И. 42

Ч

- Чеботов А. В. 168, 272

Ш

- Шевченко Т. Г. (имени) 9, 335
Шейн А. Г. 90, 91, 99, 100, 115, 120, 121, 123, 154
Шинаков Ю. С. 326
Ширман Я. Д. 115
Шифрин Я. С. 115, 125, 165, 227
Шостак В. 338
Шри Чинмой 215
Шутко Н. 86

Щ

- Щепетова Л. 15

Э

- Энгельс Ф. 40

- Яворский Б. И. 151, 162, 164, 338, 340, 343, 344
Яковлев В. П. 42, 43, 85, 100, 108
Яновский В. Н. 302

Научно-популярное
издание
(на русском и украинском языках)

Я – инженер, математик, радиофизик

Омельченко
Виктор Александрович

Серия «Структуры повседневности»
Научный редактор: д.и.н., проф. *Ольга Коляструк*

ТОВ «Раритети України»

Відповідальний за випуск:
Андрій Корнеєв

Художній редактор:
Ірина Акмен

Технічна редакція та дизайн-макет:
Володимир Тарасов

Підписано до друку 5.09.2014 р.
ООО «Раритети України»

Св. реєстр. ДК №3238 від 16. 07. 08
61004, Харків, вул. Степова, 32

Формат 84X108/32 Папір офсетний.
Друк офсетний Гарнітура: «Book Antiqua»
Ум. друк. арк. 7,5 Тираж 200 екз.
Зам. № 05.09

Автор — преподаватель и научный работник ВУЗ'ов, проработавший в системе образования четыре десятилетия. Описывается учебная, научная, научно-организационная работа — участие в организации и руководстве научных конференций и специализированных советов по защите диссертаций; обсуждаются суть и особенности написания и защиты диссертаций в рамках партийно-административной системы, написания и опубликования полутора десятка книг; рассматриваются особенности творческого процесса при измененном состоянии сознания; показаны основные хобби автора и формирование личности, начиная с детского возраста. Приведены документы, подтверждающие квалификацию и признание автора.

Рассчитана на специалистов в области радиотехники, радиофизики, телекоммуникаций; может быть полезна широкому кругу специалистов, интересующихся наукой и системой образования в историческом плане.